

● К ВИЗИТУ ПРЕЗИДЕНТА РФ Б. ЕЛЬЦИНА

ЭКСКЛЮЗИВНО ДЛЯ «СГ»

«НАСТУПАЕТ ПОРА, КОГДА ДАЕТСЯ ЗЕЛЕННЫЙ СВЕТ»

НА НАШИ ВОПРОСЫ ОТВЕЧАЕТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ И ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСОЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ГРУЗИЯ ВЛАДИМИР ЗЕМСКИЙ

— Владимир Васильевич, какие этапы грузино-российских взаимоотношений, на ваш взгляд, наиболее значительны — за время, которое вы здесь работаете?

— Время с момента армения мне верительных грамот — 17 ноября 1992 года — можно разделить на два этапа.

Первый — это период тяжелых, сложнейших отношений между Россией и Грузией. Эти отношения характеризовались даже всплесками антироссийских настроений среди населения Грузии. Это было вызвано трагическими событиями в Абхазии во время конфликта, когда официальная Россия — Россия, как государство, ее правительство предпринимало участие в конфликте против грузинской стороны. Но благодаря тому, что, несмотря на эти тяжелые отношения, поддерживались контакты на высшем и высоком уровне, прежде всего — между Президентом России Борисом Николаевичем Ельциным и Главой Грузинского государства Эдуардом Амвросиевичем Шеварднадзе, удалось не только удержать двусторонние отношения от худшего, но и создать задел на поворот к лучшему.

И я, теперь уже говоря о втором этапе, должен подчеркнуть, что вот этот поворот к лучшему в двусторонних отношениях между Грузией и Россией намечается во второй половине прошлого года. Также во многом благодаря поддержке политического диалога. Это — золотое наследие в наших отношениях за прошедший период, потому что именно это позволило вывести наши отношения на такую позицию, которая позволяет в будущем развивать отношения дружбы и сотрудничества, а, возможно, и союзнические отношения на новом уровне.

Благодаря поддержанию этого диалога и стал возможным официальный визит Президента Российской Федерации в Грузию. Хочу подчеркнуть — это, видимо, читателям грузинским важно знать — что это первый официальный визит Президента России в одно из новых, независимых государств, образовавшихся после распада СССР и после образования СНГ. Все остальные визиты нашего Президента до сих пор были рабочими. Сейчас важно использовать этот, я бы не побоился этого слова, исторический шанс для того, чтобы наполнить конкретным содержанием те договоренности, которые будут достигнуты в ходе предстоящего визита Президента и вообще — использовать двустороннее потепление взаимоотношений, для того, чтобы закрепить их.

— В каких сферах?

— Укрепить и расширить договорно-правовую базу, что будет сделано во время визита, когда будет подписано около 20 договорных документов. Затем — наполнить их конкретным

содержанием. Далее — развивать политические контакты: имеется принципиальная договоренность о том, чтобы в развитие визита Президента России через некоторое время после него состоялся бы также официальный визит в Грузию Главы правительства России В. С. Черномырдина. Важно также развивать традиционные связи, которые существовали между министерствами и ведомствами. Особенно — традиционные хозяйственные связи. Многие из них нельзя восстановить в чистом, прежнем виде, но можно восстановить на новой основе, основе привлечения частных капиталов, акционирования и т. д. То есть новые экономические формы надо задействовать, но за основу брать восстановление традиционных хозяйственных связей. И особое беспокойство у меня вызывает то, что культурные связи у нас в прошлом были фактически заморожены. Сейчас наступает пора, когда дается зеленый свет и в грузинской, и в российской стороне. Зеленый свет для развития культурных, научных, других творческих связей между интеллигенцией России и Грузии.

— Многие в Грузии выражают недовольство итогами переговоров в Женеве. Нет и доверия к тому, что беженцы действительно смогут вернуться в родные места. Ваш комментарий?

— Моё мнение таково: договоренности, которые были достигнуты в Женеве, это — договоренности между сторонами в конфликте и договоренности, подкреплённые посредничеством России и агидой ООН. Сразу говорить, что это не будет работать, что это — ничто, что это бумага — надо дать шанс этому соглашению, посмотреть, будет оно или не будет реализовано. Это — во-первых.

Во-вторых, надо работать на его выполнение.

В-третьих, Россия как посредник и миротворец в данном конфликте, придерживается той точки зрения, что это — первоочередная проблема и что она должна быть решена. Россия приложила большие усилия к достижению этой договоренности — естественно, вместе с ООН и вместе со сторонами конфликта. И она будет содействовать тому, чтобы эти договоренности нашли свое решение. Потому, что без

решения проблемы беженцев дальнейшее продвижение по пути мирного политического урегулирования в Абхазии представлять невозможно.

Потому не будем спешить и хоронить эту договоренность. Надо работать! — Владимир Васильевич, сегодня у вас побывали представители миссии СВСЕ, которые находятся здесь с целью урегулирования конфликта в Цхинвальском регионе. Если это не секрет, есть ли какие-нибудь новости?

— В зоне грузино-осетинского конфликта, как мы говорим в соответствии с Дагостским Соглашением между Б. Н. Ельциным и Э. А. Шеварднадзе от 24 июня 1992 года с тем, чтобы не употреблять ни «Южную Осетию», ни «Самачабло» и т. д. действительно работает миссия СВСЕ. Она придает усилия к тому, чтобы наладить диалог между сторонами в конфликте — политический диалог по будущему устройству этой территории, этого региона Грузии.

Они считают, что за год проделали определенную работу, и заявляют, что у них имеются определенные наметки на то, что их усилия будут увенчаны успехом.

Что касается позиции российской стороны в данном вопросе, то мы считаем, что пора заканчивать с ситуацией так сказать типа «ни мира, ни войны», в общем, войны нет, и это великое, огромное достижение. Но без политического урегулирования, без того, чтобы приступить к политическому диалогу — это будет состояние латентной напряженности, чреватое в любой момент возобновлением вооруженного конфликта. Поэтому мы считаем, что сейчас стороны — и Россия, как посредник, и стороны в конфликте, и руководство Северной Осетии, поскольку оно — участник упомянутого Соглашения от 1992 года — должны сделать следующий шаг, начать переговоры.

Дело в том, что я неоднократно это говорил и это известно — отрезанность зоны конфликта от общенациональной государственной жизни Грузии, отрицательно влияющая с той точки зрения, что пройдет еще некоторое время и — это будет страшно неудобно и тяжело, население этой зоны привыкнет к отдельному существованию. Если не будет установлен контакт, не будут налажены экономические связи, если будет сохраняться стена. Поэтому эту символическую стену нужно разрушить и начать животворные связи с этим регионом, чтобы эта территория снова подключилась к общенациональной жизни Грузии. Но это должно произойти через договоренности. И когда эти договоренности будут, когда начнется политический процесс, политический диалог с целью политического, мирного урегулирования, и начнется подвижка.

Пона ситуация остается без движения, я повторю: это чревато в будущем возобновлением конфликта. Поэтому нужно России как посреднику, сторонам в конфликте, всем нам идти вперед. Должна заработать смешанная контрольная комиссия. Миссия СВСЕ в свою очередь выражает готовность проявлять больше активности, короче говоря, надо сдвинуть дело с мертвой точки в направлении политического диалога по вопросу о будущем статусе этой территории.

Начало этого диалога будет означать и подвижку всего процесса урегулирования.

Беседу вела
Эна АХАЛКАЦИ

● БЛИЦ-ОПРОС «СГ»

Как изменятся Грузино-Российские отношения после визита Б.Ельцина в Грузию?

● АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

ГЕНЕРАЛ БЕЛЬЧЕНКО:
«ЭТО НЕ ДЕЛО АРМИИ»

В последнее время упорное хождение имеют слухи о том, что российские войска, находящиеся на территории Грузии, являются чуть ли не панацеей от всех грузинских бед и, если их не помогут, то непременно помогут нам разбраться во всех конфликтных ситуациях. Лучше, как говорится, один раз увидеть, чем семь услышать. Мы встретились с заместителем командующего ГРВЗ генералом Василием БЕЛЬЧЕНКО и попросили его ответить на наши вопросы.

— Василий Федорович, на российские войска в Грузию возлагаются большие надежды. Я имею в виду наведение порядка в республике и т. д. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Разговоры на эту тему не имеют никакой реальной основы. Начнем с того, что российские войска не предназначены для того, чтобы наводить порядок в Грузии. Тем более, что по моему глубокому убеждению, МВД Грузии располагает достаточными силами, чтобы самостоятельно справиться с беспорядками. Вы знаете, получается странная ситуация: когда в Грузии беспорядок только рождался, никто не просил нас его приостановить. Сейчас же, когда этот беспорядок охватил все сферы государственной жизни и угрожает не только отдельным людям, но государству в целом, почему-то вдруг вспомнили про российские войска. Никого не обижая и ни на кого не кивая, хочу сказать: порядок в доме должен наводить хозяин. Армия не должна быть домработницей, это не ее дело. Тем более недопустимо, когда так сказать, оговорки позволяют себе должностные лица. Так, например, один уважаемый генерал со страниц вашей газеты совсем недавно говорил о том, что российские войска ко-го-то там павалили, избивали и т. д. Я хотел бы ему возразить: почему, когда расстреляли в центре и на окраинах города подвергались российским военнослужащим, когда их, безоружных, держали под автоматным прицелом, никто этому не удивлялся? А сейчас, когда у российских офицеров, солдат и прапорщиков проснулось чувство собственного

достоинства, и они стали давать достойный отпор, в них почему-то увидели силу, способную стабилизировать порядок. Но, однако же, должен сказать, что мы — люди военные и подчиняемся приказу. У нас есть президент — Верховный главнокомандующий, министр обороны. Они принимают решения, а мы выполняем приказы.

— А когда, насколько нам известно, российские войска принимали участие в гражданской войне в Западной Грузии, вы тоже располагали приказом «сверху»?

— Никакого участия в событиях в Западной Грузии российские войска не принимали. Заявлю вам это совершенно авторитетно. Все это слухи, не имеющие реальной основы. И, если кто-то видел в Западной Грузии российские танки — то что ж, происхождения, если так можно выразиться, они, конечно, российские, но были переданы в свое время по существующему соглашению Министерству обороны Грузии, и за выездами этих танков сидели граждане Грузии. Не спорю, возможно, и русской национальности. Но, знаю, кому надобно приумалывать собственные силы и рассматривать эти события под таким углом зрения.

— Скажите, а насколько верны слухи о российских объектах, переданных Министерству обороны Грузии и возвращаемых нами обратно России?

— Также неверны. Все что передано, отныне принадлежит Грузии. Возможно, речь идет о военных объектах, относительно которых принято решение об их совместном использовании? Это потому, что переданные Грузии военные объекты в основном не загружены и разворачиваются, поэтому их совместное использование представляется более разумным.

— Мы знаем о том, что российские войска будут выполнять роль миротворческих сил в зоне конфликта в Абхазии. Будут ли использоваться в этом качестве войска ГРВЗ и будет ли в этой связи увеличен их контингент?

— Давайте не будем предвосхищать события. Но, думаю, этот вопрос будет решен именно так, и, естественно, контингент ГРВЗ

будет увеличен. Этот вопрос, равно как и вопрос переподчинения российских войска, находящихся в Абхазии, вообще решается на уровне глав государств. По-видимому, они решатся во время визита Президента Ельцина в Грузию.

— Василий Федорович, вы, конечно, готовитесь к визиту Президента России? — Конечно. Личный состав ГРВЗ в большинстве своем поддерживает политику Президента Ельцина, который является также и нашим Верховным главнокомандующим. С его визитом мы связываем решение вопросов не только жизненно важных для Грузии и России, но и для ГРВЗ, я имею в виду статус войска, наше будущее в Грузии.

— А как же с этим согласовывается тот факт, что большинство личного состава ГРВЗ на выборах голосовало за партию Жиринского?

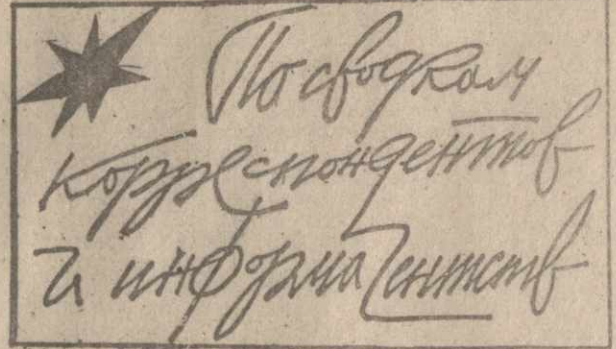
— Это не так. За Жириновского голосовало всего 16 процентов голосующих. Я лично занимался выборами и располагал точными данными на этот счет. Надо тут учитывать один момент: кто-то пытался подорвать доверие президента к вооруженным силам. За ГРВЗ могут сказать определенно: мы поддерживали и поддерживаем политику, проводимую Ельциным.

— Спасибо. Хочу привести извинения, что в своих вопросах к вам я подчас основывался на слухах, но, согласитесь, они тоже заслуживают разъяснений.

— Бессспорно. Я хотел бы заметить, что коллектив вашей газеты не далее как год назад сделал немало, чтобы набросать намеченный путь. Мы даже были вынуждены обратиться к главному редактору «СГ» по этому поводу. Я рад, что наконец-то вы смогли увидеть, что сейчас является основным для Грузии, для ее народа. Я желаю вашему коллективу в это непростое время выжить и выдержать. Альтернативы нашим дружбе и сотрудничеству нет. Действительность убеждает, что разделять жить мы не смогли, а это значит, что мы не разучились жить вместе.

Инга АВГАРОВА

От редакции: Упреки уважаемого генерала мы не принимаем.

ГЛАВЕ ГРУЗИНСКОГО ГОСУДАРСТВА —
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПАРЛАМЕНТА
РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ
ЭДУАРДУ ШЕВАРДНАДЗЕ

Дорогой господин Шеварднадзе,
Благодарю Вас за Ваше любезное поздравление в связи с моим назначением Верховным главнокомандующим силами союзников в Европе, ценю также Ваше доверие, которое Вы выразили НАТО.

Будьте уверены, что силы союзников НАТО нам всегда останутся верны принципам мира, демократии и международной стабильности. В связи с этим мы принимаем участие в действенной программе сотрудничества со всеми народами — членами Совета североатлантического сотрудничества, ибо стремимся утвердить упомянутые принципы между всеми государствами — членами Совета североатлантического сотрудничества. Постоянная поддержка Республики Грузии Совету североатлантического сотрудничества поможет нам в достижении этой цели и обеспечит плодотворное и азорское сотрудничество между вашим народом и силами союзников в Европе.

Еще раз выражаю благодарность, примите мои наилучшие пожелания.
Искренне Ваш

Джордж А. ДЖУЛЬБЕН

Генерал армии США, Верховный главнокомандующий силами союзников в Европе.

ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВА —
ЭДУАРДУ ШЕВАРДНАДЗЕ

В связи с началом планирования следующего этапа сети международных переговоров я вспоминаю о Вашем участии посредством сателлита в нашей первой встрече сети международных переговоров в январе 1992 года. Нам мало мы знали тогда о том сложном времени, которое ожидало нас. Я с большим интересом и сочувствием наблюдал за происходящими в Грузии в прошлом году конфликтами.

На встрече сети международных переговоров 1994 года мы намерены заострить внимание на конфликтах в Грузии в надежде на то, что идеи, которые будут высказаны, смогут способствовать прогрессу в установлении мира в этом регионе. Понимаю, что сейчас у Вас как у Главы государства другие заботы и Вы не можете работать как член совета сети международных переговоров. Нам председателю сети международных переговоров хочу сообщить, что если мы сможем оказать Вам помощь, то серьезно относимся к этому мероприятию. Вам передаст это письмо Джими Харрисон, он сообстит Вам, что я согласен присоединиться к Комитету США по поддержке демократии в Грузии в качестве почетного председателя, в знак поддержки мирного процесса в Грузии.

Розалин и я шлем наилучшие пожелания, желаем счастья и мирного нового года. В это чрезвычайно трудное время я молюсь о Вашей безопасности и здоровье. Просим связаться с нами, если Вы сочтете, что мы можем помочь Вам.

Искренне Ваш

Джими КАРТЕР

ЭДУАРДУ ШЕВАРДНАДЗЕ ВСТРЕТИЛСЯ
С ГОРДОНОМ ХАМФРИ

28 января Глава Грузинского государства Эдуард Шеварднадзе принял бывшего сенатора США из штата Нью-Гемпшир Гордона Хамфри — оказание Грузии гуманитарной помощи. В результате совместной работы с Министерством здравоохранения в ближайшие дни в Грузию прибудет американский самолет, который доставит груз на полтора миллиона долларов США. Кроме того, в сферу интересов американского гостя входит рассмотрение возможности инвестиций различных отраслей экономики Грузии на государственном уровне.

Было отмечено, что в этом направлении уже намечены реальные перспективы, подразмевалось сотрудничество, начатое производственно-коммерческой фирмой «Энмат» (Республика Грузия, Депоискарский район — руководитель Коба Кобаидзе) и корпорацией «Влекс» (США). В Соединенные Штаты Америки уже выведена первая партия грузинского коньяка, вместо этого американская сторона приобрела для грузинской фирмы производственную линию, ввод в действие которой позволит довести грузинскую продукцию до уровня мировых стандартов.

Господин Хамфри поинтересовался возможностями Грузии в таких отраслях, как транспорт, строительство тоннелей, железная дорога, разные отрасли строительства, уделил особое внимание идее Кавказского коридора.

ТИА

К ВИЗИТУ БОРИСА ЕЛЬЦИНА В ГРУЗИЮ
3 ФЕВРАЛЯ ПОДГОТОВЛЕНО БОЛЕЕ ДЕСЯТКА
ПРОЕКТОВ ДВУСТОРОННИХ ДОКУМЕНТОВ

Панет из более десяти проектов документов подготовлен и подписан в ходе предстоящего первого официального визита в Грузию Президента России Бориса Ельцина 3 февраля.

Как стало известно корреспонденту ИТАР-ТАСС из информированного источника, большая часть из них уже согласована. Главным документом, несомненно, станет договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, который скрепят своими подписями главы двух государств Борис Ельцин и Эдуард Шеварднадзе.

Предполагается подписание и ряда неправительственных соглашений, прежде всего о торгово-экономическом сотрудничестве на 1994 год и о свободной торговле между двумя странами. Первое из них предусматривает, что торгово-экономическое сотрудничество государств осуществляется с учетом развития рыночных отношений на основе непосредственной договоренности между хозяйствующими субъектами, независимо от их форм собственности и подчиненности. Ожидается, что Россия и Грузия договорятся о том, что уровень цен для расчетов за взаимные поставки будет определяться на договорной основе, ориентированной на мировой рынок.

Намерением содействовать созданию единого рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, а также условий для формирования таможенного союза между двумя странами предусмотрено предоставление заключения соглашения о свободной торговле. В документе закрепляются основные принципы режима торговли между двумя странами, прежде всего в отношении пошлин, налогов и сборов на импорт и экспорт.

Подготовлены к подписанию и соглашения, касающиеся таких важных вопросов, как статус и условия функционирования пограничных войск РФ на территории Грузии, принципы сотрудничества и условия взаимоотношений в области транспорта, железнодорожного автомобильного сообщения, торговое судоходство, координация деятельности железнодорожного транспорта. Весьма актуальным представляется и заключение соглашения об урегулировании процессов переселения и защиты прав переселенцев.

АНУСЧОМЕРА

«СГ» впервые публикует воспоминания отца генералов Огара и Джона Шалкашвили

— 9—16 страницы

● ЧИТАЙТЕ ГАЗЕТУ В ГАЗЕТЕ —

Читайте «БИЗНЕС»

— 6 страница

● ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

«ЭТО ДОЛЖНО БЫТЬ У НАС
В ЛЕКСИКОНЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА»

Борис ЕЛЬЦИН, народный депутат СССР

Это интервью — перепечатка из книги политических диалогов Андрея Караулова «Вокруг Кремля». Как указывает автор, ровно через полгода после этой беседы Б. Н. Ельцин был избран Председателем Верховного Совета РСФСР.

Несмотря на то, что со времени издания книги прошло уже четыре года, на наш взгляд, это интервью не потеряло актуальности.

Андрей КАРАУЛОВ: Ваша программа, Борис Николаевич, хорошо известна. Она публиковалась в печати и была подробно изложена в ваших выступлениях.

Что изменилось в ней после того, как вы стали народным депутатом СССР?

Борис ЕЛЬЦИН: Прибавился национальный вопрос. Это первое. Прибавился вопрос военный, в том числе — Афганистан, забота о воинах — нте националистах. Перед ними мы в большом долгу. Ну и наконец — май идет к концу —

прибавились заботы о подготовке к первому съезду. Выработано 2,250 депутатских программ. Насколько реально осуществить на-

3

ПАНОРАМА

РОССИЯ СУДЬБА КРУПНЕЙШИХ ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ СИБИРИ

Полностью обанкротилось 17 января крупнейшее в Сибири предприятие оборонной промышленности — Бийское объединение «Сибприбормаш».

Произошло это после того, как городская ТЭЦ-1 отключила его от пара и горячей воды из-за задолженности в 5 миллиардов рублей, такая же сумма долга у «Сибприбормаша» и перед энергетиками. В первые же часы вышли из строя гальванический цех и цех порошковой металлургии, на восстановление которых теперь потребуется несколько миллиардов рублей. Но до лета об этом не может быть и речи. Многотысячный коллектив объединения остался без работы. Под угрозой лишения тепла и света находится рабочий поселок объединения, который еще в ноябре минувшего года был передан на баланс городской администрации. Примерно такая же участь ожидает и второе крупное оборонное предприятие Бийска — научно-производственное объединение «Алтай».

БЕЛАРУСЬ ОЧЕРЕДНОЙ ЭТАП ЛИКВИДАЦИИ БРОНЕТЕХНИКИ

На Борисовском танко-ремонтном заводе начался очередной этап ликвидации бронированной боевой техники, которую Беларусь уничтожает в соответствии с Договором по обычным вооруженным силам в Европе. Этот факт зафиксировала военная инспекция НАТО под флагом Королевства Бельгия, в которой, как обычно, работали эксперты и из других государств Североатлантического блока.

ГЕРМАНИЯ ЗА ДВА ГОДА ВОКРУГ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

Парусник «Датмар Аазис», покинувший два года назад Гамбург, снова возродился и родным берегам. Он совершил путешествие вдоль побережья Арктики, многие километры на своем личном пути. Одиозный, стеснительный, чуть было не остался в арктических льдах.

Паруснику 62 года. Его длина восемнадцать метров, максимальная скорость девять узлов (17 километров в час). Он оснащен новейшими навигационными приборами и радиотехникой, ежедневно через спутник связь получает по факсу метеорологические карты и сведения о ледовой обстановке.

Экипаж — интернациональный. Одиннадцать человек. Большинство немцы: капитан, профессиональный штурман Арвед Фукс, его подруга архитектор Бригитте Элленберг, соотрудица всемирной организации «Гринпис» Мартина Курнер, воспитательница Гагна Кок. Кроме того — Вячеслав Меллин, полярный исследователь из России, работавший на арктических и антарктических исследовательских станциях, полярник Кевин Вольски, капитан, организатор научных экспедиций, американец Дэвид Шерман, знающий море по службе и береговую охрану, швед Юри. Ехольм, научающийся социальную психологию.

Экипаж не ставил себе цель установить новый мировой рекорд и в кратчайшие сроки обойти ледовый напор вокруг Северного полюса. Тогда пришлось бы отказаться от подводного плавания, хождения на байдарках, восхождения на снежные горы и ледяных перевалах.

В пути было несколько случаев. В 1991 году разбушевавшийся в России полярный бури помешал паруснику пройти через ее север-восточные проливы. Затем ледовый лед закрыл путь на восток. «Датмар» была вынуждена повернуть обратно и зазимовать в норвежском порту Тромсе. У побережья Америки, возле острова Байлот, льды приподняли 70-тонное судно, и оно наклонилось на 30 градусов. Шкипер отдал команду экипажу покинуть судно. Однако «старшая дама», так называли капитана «Датмара», выстояла. Ветер переменился, льдины рассступились.

Успех такой экспедиции, по мнению капитана Арведа Фука, зависит от умения и выносливости команды. Но самое главное — психологическая совместимость.

БАНГЛАДЕШ СКОЛЬКО СТОИТ ШКУРА ТИГРА?

По германскому телевидению недавно показывали документальный фильм из жизни охотников на тигров. Это не про мистическое Унесенное из промис Хемингуэя, это про трех иссохших сорельных стариков в набедренных поясах.

Раз 70 в году они отселяют владения джунглей на его любимой тропе, ставят замысловатые силки, в которых он последовательно загнута и опаздывает распятым пригнута веревками деревьев. Тогда его аккуратно пристреливают, не по-вредя шкуру. Мало радости смотреть на всю процедуру, как из прекрасного животного рыкающего зверя, хлещущего себя хвостом в гневе, получается глухое наряд чучело со стилизованными глазами и напрокинутыми ушами. Не менее печальным убогие хитины охотников и

Особенно их дети: они голы, грязны, покрыты струпьями.

Сколько же платят тигро-добытчикам? Главному следопыту (он же стрелок и чучеловод) — 60 долларов, двум его ассистентам — по 30. Итого 120 долларов. Чучело тигра в Нью-Йорке продается за 6 тысяч. Это столько прибавка к стоимости товара его транспортировки? Нет. Это — столько прилично и жидким духам, может быть, и не потрогавшим полосатой шкуры.

АРГЕНТИНА БУЭНОС-АЙРЕС ПРЕДЛАГАЕТ ЖЕСТ ДОБРОЙ ВОЛИ

Уверенно еликая доверия между Аргентиной и жителями Фолклендских (Мальвинских) островов послужит предложением правительства южноамериканской страны очистить Мальвинки от мина.

Об этом заявил информационному агентству ТЕЛАМ заместитель министра иностранных дел и культуры Аргентины Фернандо Петрелла. Глава внешнеполитического ведомства республики Гидо ди Телла довел до сведения английской стороны намерение аргентинцев обезвредить около 30 тысяч мин, установленных ими в 1982 году во время вооруженного конфликта в Южной Атлантике. Потерпев поражение от англичан, аргентинцы оставили после себя в окрестностях Порта Аргентино (английское название — Порт-Стенли) 117 минных полей с 30 тысячами взрывных устройств. Английские минеры предприняли попытку их уничтожить, однако после гибели двух саперов прекратили эту операцию. Минные поля обнесены колючей проволокой, однако нередки случаи, когда на минах подрабатывают гражданские лица или животные.

ПАНОРАМА

● КОНТАКТЫ

«Я ВИЖУ БОЛЬШОЕ БУДУЩЕЕ ГРУЗИНО-ЭФИОПСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ»

Культурные и исторические связи между Грузией и Эфиопией уходят корнями в Византизм. Первые контакты между грузинами и эфиопами состоялись еще в Иерусалиме. Летописец эфиопского императора Галадесоса (1509—1510) сообщает, что грузины жили на севере Эфиопии и строили огромные каменные дворцы и церкви в IV в. н.э. В эфиопской «Книге чудес Марии» сказано, что эфиопы называли грузин «людьми пола». Некоторые ученые также утверждают, что первый епископ Эфиопии был грузином.

В XVI в. эфиопские священники, опираясь на поддержку грузинской дипломатии, получили от мамлюкского султана Египта Кансух ал-Гаври важную привилегию: для богослужения у «Гроба господня» они входили в церковь «Воскресения» свободно и бесплатно, наравне с греками и христианами, а также вносили плату мусульманам.

В XVII в. два выходца из Грузии предприняли первые попытки наладить дипломатические отношения между Эфиопией и Россией.

Эфиопия — единственная страна в Африке, 100-летие дипломатических отношений которой с Россией будет отмечаться в 1996 г.

В XIX в. — начале XX в. доктор из Грузии П. Мерабишвили основал первую в Эфиопии больницу и аптеку. Он являлся придворным доктором (лейб-медиком) эфиопского императора Менелика II, а также написал интересный труд о народной медицине и этнографии Эфиопии. Эфиопия и Грузия очень схожи традициями и кухней.

В советское время в Эфиопии работало много грузинских врачей, инженеров, преподавателей, строителей, ученых.

Эфиопия считается «ключевой» страной на континенте. Вместе с Нигерией на западе и ЮАР на юге Эфиопия на востоке является главным объектом внимания США в Африке.

Эфиопия всегда противостояла мусульманскому миру Арабского Востока из-за своего преимущественно христианского населения.

представляет интерес не только в силу общности религиозно-культурной, но и в географо-историческом, политическом отношении. Грузия в своей ориентации на здоровые силы демократизации и национального согласия схожа с Эфиопией. Двустороннее сотрудничество в международном плане демонстрировало бы взаимовыгодный характер грузинской и эфиопской

внешней политики в Африке.

Она доказала бы реальную приверженность руководства обеих стран принципам признания за народами свободы выбора и его верности идеям демократизации.

Руководство Эфиопии предпринимает попытки, не вступая в контакт с правительством России, начать торгово-экономические отношения напрямую с Украиной, Беларуссией, Грузией, Узбекистаном и другими бывшими советскими республиками. Как бы с чисто го листа, когда никто никому не должен.

Между Грузией и Эфиопией могут складываться неидеологизированные отношения на взаимовыгодной и партнерской основе. Их экономическая часть могла бы развиваться по государственному и частно-предпринимательскому направлениям. Имея в виду в перспективе сотрудничество вместе с российскими предпринимателями, промышленниками, коммерческими структура-

ми и ее умственному потенциалу. С другой стороны, трехсторонняя торговля будет развивать экономику, даст работу морскому и воздушному транспорту. Вероятно использование на первом этапе бартера и частного предпринимательства. На втором можно начать осуществление промышленных, сельскохозяйственных проектов с привлечением грузино-российской технологии. Государственные структуры Эфиопии имеют большой опыт в создании СП и торгово-промышленных предприятий с иностранцами. Эфиопы с успехом

мического развития «Тигра», а также крупные общенациональные объединения, например, как корпорация эфиопских предпринимателей. 200 ее учредителей — это эфиопы, проживающие в США и других зарубежных странах. Их капитал, при участии грузино (русско)-эфиопского, может быть использован в торговых сделках, совместных проектах всех отраслей. Эфиопские предприниматели сегодня охотно идут на импорт товаров и техники из стран бывшего СССР. Лицензия на экспортно-импортные операции выдается в течение 48 часов, владелец освобождается от уплаты всех форм госпошлины на период первых 6 месяцев.

Благоприятен и обменный курс доллара США.

Всемирный банк и страны Запада выделили около двух миллиардов долларов США на восстановление и реорганизацию эфиопской экономики. И главным получателем финансовой помощи является не государственный сектор экономики, а представители частного бизнеса — промышленники и совместные предприятия.

В Эфиопии работают около четырех тысяч выпускников советских вузов. Правительство Менелеса Зенау не может сразу изменить своего отношения к русским — вчерашним союзникам Менгисту. Изменения в российско-эфиопских отношениях нуждаются в их новом осмыслении и осознательном переосмыслении, причем это вызвано не только сменой власти в Эфиопии, но и в политической жизни на Африканском континенте и конъюнктурой отношений с каждой отдельно взятой страной.

Не приносит успеха правопреемнице СССР, а тем более пользу России, когда она поднимает вопрос о выплате Эфиопией ее долга — более 5 миллиардов долларов США, из которых более 4-х — за спецпоставки. Хотя и настало время возобновить межгосударственные отношения, но полнейшей застой и неопределенность продолжают, что затрудняет выход российской бизнесмена на эфиопский рынок.

Светлана МАМЕДОВА

«ХОЧУ, ЧТОБЫ В ЭФИОПИИ УЗНАЛИ О ГРУЗИИ»

Светлана Мамедова — наша соотечественница, которая уже 20 лет живет в Эфиопии, в Аддис-Абебе. Она родилась и выросла в Тбилиси, уехала отсюда на учебу в Москву, где познакомилась со своим будущим супругом — гражданином Эфиопии, студентом

Института нефти и химии Бабаем Дзасаса. Музыкант по образованию, Светлана открыла единственную на Африканском континенте частную музыкальную школу.

Сегодня Светлана — гость нашей редакции.

— Какова политическая обстановка на вашей второй родине?

— Сейчас Эфиопия — демократическое государство, которое возглавляет президент, господин Мелес Зенау. Идет процесс демократизации, создается система многопартийности — уже более 120. Развивается рыночная экономика. Готовится референдум по новой конституции страны. В целом же положение стабильное, гражданская война прекращена, идет восстановление экономики.

Считаю, что налаживание контактов между двумя нациями странами может принести много пользы обоим народам. Сейчас, на мой взгляд, главное — создать культурно-экономическое и торговое представительство Грузии в Эфиопии. В этом должно быть заинтересовано не только правительство, но и деловые, коммерческие круги Грузии. Ведь Эфиопия — это не только лично мое мнение — представляет большой интерес для Грузии в торгово-промышленном плане. Но и Грузия устраивает эфиопского потребителя.

— Светлана, вы — владелица единственной частной музыкальной школы на континенте...

— И знаете, с чего начинается у меня обучение? С мелодии «Циннателла»... Я также являюсь основателем в Африке международных музыкальных фестивалей. В Аддис-Абебе уже было четыре. Особенно на высоком уровне прошел III «We are the world, we are the children» (1987). Его спонсором вместе с другими ведущими американскими певцами был Майкл Джексон. Тогда мы весь доход передали в Фонд помощи детям Эфиопии.

— Вы из единственной семьи соотечественниц, которая владеет африканским языком и в то же время имеет в Грузии много близких, конечно, можете внести большой вклад в развитие сотрудничества между двумя странами. С кем из официальных лиц вы встречались в Тбилисти?

— Я сразу же по приезде направила к господину Шеварднадзе. Хочу вспомнить один разговор. Когда он был на посту министра иностранных дел

СССР, встретился с бывшим руководителем Эфиопии, которого в Африке все считали диктатором, и посоветовал ему решить конфликт между Эфиопией и Эритреей мирным путем. «Лучше потерять малое», —

сказал тогда ему Эдуард Амурсович... Диктатор покинул страну и теперь это — два независимых, демократических государства, которые признало все мировое сообщество. Мне бы, кстати, очень хотелось, чтобы Грузия сотрудничала с обоими этими странами.

На встрече с господином Шеварднадзе я предложила развивать сотрудничество между нашими странами. Он поддержал мое предложение и просил содействовать МИД Грузии. Министр, господин Александр Чикавадзе подтвердил свое предложение Грузии в Эфиопии.

Грузинское правительство в силу известного положения внутри страны и со ответственности политической линия на международном арене сегодня может, начав с нуля, развить широкие и разносторонние свя-

Programme of Piano Recital by The Students of Mrs. Svetlana Mamedova

зи с Эфиопией. Флаг Республики Грузия в столице Африканской Женевы — Аддис-Абебе — могут поднять грузины, а в Грузии — эфиопы. И рабочие группы по торгово-экономическому сотрудничеству определяют перспективы развития взаимовыгодных для Грузии и Эфиопии отношений.

Здесь же отмечу, что финансовые средства, выделенные Эфиопией Всемирным банком, строго контролируются, что стимулирует создание совместных предприятий с зарубежными партнерами.

— Вы говорили о создании представительства Грузии в Эфиопии...

— Задачи сотрудничества могут быть решены при открытии в Эфиопии, в Аддис-Абебе культурно-экономического, торгового представительства Грузии. И начала работать над проектом основания Культурного центра Грузии еще в 1987 году. Моя мечта осуществилась, есть возможность выделить финансовую и материальную поддержку будущему представителю, используя при этом не только свой личный капитал, но и многочисленные контакты внутри страны и за рубежом. Я также пригласила представителей ЮНЕСКО и грузинских спонсоров. Хочу предложить, чтобы Грузия аккредитовала своего представителя в Организации африканского единства в Аддис-Абебе.

Кстати, Эфиопия первая на Африканском континенте признала 2 января 1992 года независимость Грузии. А 29 июля 1993 г. установили дипломатические отношения между Эфиопией и Грузией.

Я надеюсь, создание представительства принесет пользу экономике и Грузии, и Эфиопии. Станет возможным и налаживание связей в промышленности, экспорте и импорте товаров. Представительство будет содействовать связям меж-

ду Грузинской православной и Эфиопской православной (православной) церквями, которые начались еще в IV веке н.э. Кроме того, будет налажен обмен студентами, журналистами, спортсменами, музыкантами, художниками и т.д. Представительство будет содействовать установлению и развитию контактов и сотрудничества Грузии с другими африканскими странами. Представительство Грузии, используя свои возможности, сможет принять участие в различных программах международного взаимодействия в области гуманитарных и культурных связей, в расширении международных научных-технических, информационных и прочих связей. Перспективным представляется мне ознакомление жителей моей второй родины с историей, культурой, музыкой, танцами, песнями Грузии. Я хочу, чтобы эфиопы знали, какой грузинский гостеприимный и веселый народ, чтобы во всей Африке знали о грузинских танцах, многоголосии, фольклоре. Еще хочу, чтобы все знали, что грузинам чужды война и вражда, что они несут любовь, мир, единство. Сегодня во всех домах в Грузии певчий тост поднимают за мир в республике. Я бесконечно благодарна парламенту, министер-

вам, мэрии, деловым и коммерческим кругам, музыкантам, АН Грузии, Грузинскому телевидению и радио, газетам «Свободная Грузия» и «Дрон» за понимание, участие, помощь в развитии взаимных отношений и в Грузии и Эфиопии. А также — за готовность принять участие в работе будущего представительства Грузии в Эфиопии.

В ноябре 1993 года представители вышеуказанных государственных институтов письменно обратились к правительству Эфиопии с предложением о дальнейшем культурно-экономическом сотрудничестве, развитии торговых отношений. Павет документов уже отправлен в Эфиопию через посольства. Копия писем я унесу в Эфиопию и рассчитываю способствовать дальнейшим связям между двумя странами.

Считаю, установление дипломатических, культурных, политических, экономических и других связей между Грузией и Эфиопией будет способствовать подъему авторитета как самой Грузии, так и ее лидера, известного дипломата, политика, государственного деятеля Э.А. Шеварднадзе, и президента Эфиопии г-на Мелес Зенау, прогрессивного демократа в Африке.

Интервью взяла Э. АХАЛКЦИ

* ОБОЗРЕНИЯ «СГ» * ОБОЗРЕНИЯ «СГ»

ОБОЗРЕНИЯ «СГ» * ОБОЗРЕНИЯ «СГ»

НЕДЕЛЯ

Криминал

ИНИЦИАТИВА ПО-ПРЕЖНЕМУ У ПОЛИЦИИ

Проведенные за последнее время МВД совместно с другими правоохранительными органами крупные операции по ликвидации преступных группировок способствовали уже вполне ощутимым позитивным сдвигам в состоянии криминальной обстановки в республике. В Дзиджикавском районе, например, положение стабилизировалось, многие сдают незаконно хранившиеся у них огнестрельное оружие. Так, Дурмизхан Дауташвили представил в местный отдел полиции автомат АКМ-74, член Корпуса спасателей Н. Кахнашвили — автомат АКМ с 48 патронами. Из помещения бывшей ветеринарной лаборатории изъятые «рошенные кем-то 6 килограммов наркотических веществ, обнаружены одна мина, двигатель от автомобиля, оперативные мероприятия на территории района продолжаются.

Аналогичные тенденции отмечаются и в других регионах, где преступные элементы, почувствовав, что шутки кончились, значительно поубавили свой пафос, инициатива, судя по всему, прочно перешла (не спадая) в руки полиции. Но обобщать достигнутые первые успехи, конечно, нет оснований. И МВД, как опытный боевик, понимающий, что нельзя давать противнику передышки, наращивает активность, проводя одну за другой серии весьма внушительных по своей силе ударов.

Очередной из них был на прошедшей неделе нанесен по наркомании. В соответствии с заранее разработанным планом 22 января под общим руководством министра внутренних дел республики генерал-лейтенанта полиции Шота Каврава оперативно — профилактические мероприятия были проведены сразу в десяти районах, в них были задействованы сотрудники Управления по борьбе с распространением наркомании и наркобизнеса МВД, крупные силы приписанных им подразделений полиции, внутренних войск Министерства безопасности, гвардии.

Неожиданность проведения операции, четкость и слаженность действий определили ее высокую результативность. Основой упор как и прежде, делался

на выявлении распространителей отравленного зелья. В селе Такекенди Гардабанского района был задержан ранее судимый, неработающий Саид Алахвердов, в квартире которого во время обыска были обнаружены 4 целлофановых пакетика с опием, так называемых «чекеров», большое количество марихуаны, порошка диметрала, автомат с 90 патронами, граната Ф-1, а также добытые отнюдь не праведными путями около двадцати золотых украшений, 2100 американских долларов, 350 тысяч рублей, другие вещи. В селе Вахтангиси на квартире у Наримана Сулейманова изъяты 15 «чекеров» с опием, автомат румынского производства с 30 патронами, аудио- и видеосаппаратура, запчасти машин, 79 бутылок фальсифицированного коньяка. У проживающих в Рустави ранее дважды судимого неработающего Тофика Рагимова изъят совсем не джентельменский набор — 7 «чекеров» с опием, 10 таблеток диметрала, 20 таблеток тазепана и медицинский шприц, у Маамеда Мамедова — 14 «чекеров» с опием и релангум.

В Марнеульском районе на факте реализации двух «чекеров» с опием был задержан водитель местного управления механизации Амирхан Хасмамедов, дома у него обнаружено еще 9 таких же пакетиков и до

кого района у Вахтанга Каврашвили были изъяты 13 «чекеров» с опием, а при задержании его односельчанина Таризла Торошавили, у которого были обнаружены 11 «чекеров» с опием, патроны и баллончик с отравляющим газом, часть местного населения попыталась воспрепятствовать законным действиям полиции, горячие головы оступили только предупредительные выстрелы в воздух.

В Лагодехском районе при осуществлении оперативных мероприятий у члена агрофирмы села Кабало Ибрагима Салимова был обнаружен один килограмм анаши, а другой член этой же агрофирмы Чакмюр Салимов произвел в сторону сотрудников выстрелы из автомата. Тем не менее здесь, да и в других районах, к чести проводивших операции сотрудников, все обошлось без жертв.

Все факты подробно перечислить не представляется возможным, поэтому отметим, что всего их выявлено более 40, за хранение, изготовление, транспортировку и распространение наркотиков задержано в общей сложности более 50 человек, изъято, только по предварительным данным, 215 граммов опием, 400 граммов головки мака, три килограмма марихуаны, килограмм анаши, большое количество различных таблеток. Но и это далеко не полные цифры.

Подобной широкомасштабной операции по борьбе с наркоманией в нашей республике еще не проводилось. Эффект ее, помимо конкретных цифр и фактов, выразился еще и в том, что напуганные размахом операции наркодельцы на данный момент почти полностью прекратили свой грязный бизнес, — гово-

рит начальник Управления по борьбе с распространением наркомании и наркобизнеса МВД полковник Джамал Джанашия. — Надо отметить, что действовать нам приходится в очень сложных условиях, не хватает техники, спецсредств, но надеемся, что эти вопросы вскоре будут решены. Работа наша тем временем продолжается, сейчас сконцентрируем внимание на выявлении отдельных торговцев наркотиками, прекратим каналы ввоза этой отравы в республику, но при необходимости не исключим и проведение новых, столь же крупных мероприятий.

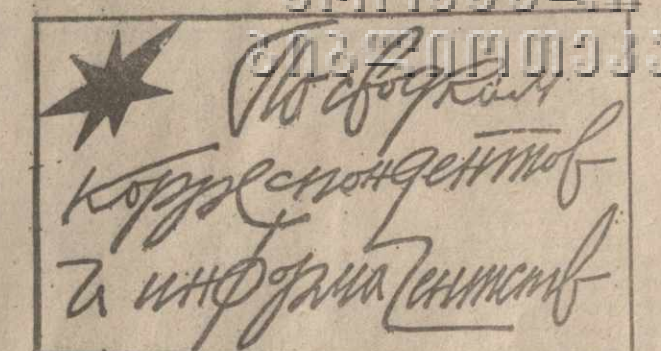
Не только наркодельцы лишились на этой неделе психа, МВД были продолжены операции и по пресечению разгула вооруженных бандитских группировок, очередная из них была проведена на территории Мхетского района. Особенно напряженная обстановка здесь сложилась в поселке ЗАГЭС, где на фоне общей нестабильности обстановки в республике сформировались настоящие банды, терроризировавшие население, совершавшие регулярные грабежи и разбои, всех без разбора, в том числе иностранцев, проезжающих по центральной автомагистрали, связывающей столицу с другими регионами.

«Терпеть подобное положение дальше было нельзя, в течение нескольких месяцев нами осуществлялся сбор необходимой оперативной информации, выявлялись преступные элементы, после чего было решено принять меры по их обезвреживанию», — рассказывает заместитель начальника Управления уголовного розыска МВД полковник полиции Ушанги Мгеладзе, — в ночь с 25 на 26 января сотрудники нашего, а также управлений по борьбе с наркоманией, органи-

зованной преступностью и коррупцией, транспортной, дорожной и экологической полицией, Душетского и Марнеульского РОВД, МВД Абхазии при поддержке подразделений национальной гвардии — всего свыше 500 человек с приданными им несколькими единицами бронетехники полностью блокировали поселок. Затем в дело включились группы захвата, ими были задержаны, в частности, подозреваемый в совершении убийства на территории Душетского и Мхетского районов Михаил Джангирашвили. У него изъяты автомат, пистолет и противопаточная граната. У братьев Завлада и Важи Аликнашвили во дворе дома обнаружены два ствола винтовки, пистолет, 27 ящиков патронов к нему, три тепловые ракеты. Аналогичные полные арсеналы обнаружены и у других задержанных, всего их 29, которые подозреваются в совершении тяжких преступлений, либо находились в розыске. Следствие по всем фактам продолжается, так что повеление окончательных итогов операции еще впереди.

К сказанному остается добавить, что столь решительные действия полиции по общей стабилизации обстановки находят конкретное отражение и в криминальной статистике. В течение прошедшей недели с 20 по 27 января общее число преступлений сократилось по сравнению с таким же периодом прошлого года сразу на 82 единицы, в том числе убийства на 6 единиц, телесные повреждения — на 5, разбои — на 6, угоны автотранспортных средств — на 17, кражи государственного и личного имущества — на 39 единиц.

Артем ПАТУРОВ
Старший инспектор пресс-центра МВД Грузии, майор полиции

В ИЗРАИЛЕ СОЗДАЕТСЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ПОДДЕРЖКУ ЭДУАРДА ШЕВАРНАДЗЕ И СОЮЗА ГРАЖДАН ГРУЗИИ

На днях из Израиля вернулся заместитель председателя Союза граждан Грузии пост Резо Амашукели, который находился в этой дружественной стране по приглашению газеты «Алиа Сакарвелодан».

Как сказал в беседе с корреспондентом ГИА г-н Резо Амашукели, в Израиле внимательно следят за создавшейся в нашей стране политико-социальной обстановкой, происходящими в Грузии событиями, здесь с большим интересом ожидают визита Главы Грузинского государства.

24 января в городе Батуми под председательством главного редактора газеты «Алиа Сакарвелодан» Абрама Сепашвили состоялось собрание инициативной группы, в работе которого участвовали 85 представителей со всех уголков Израиля. В соответствии с их решением создается общество в поддержку Эдуарда Шеварнадзе и Союза граждан Грузии. Именно на этом собрании инициативной группы с обширным докладом о сегодняшней жизни Грузии выступил Резо Амашукели. ГИА

О БЮДЖЕТНОМ КРЕДИТЕ

В интервью корреспонденту агентства зам. председателя Палаты контроля Грузии З. Двали заявил: «Из общей суммы государственного кредита, составляющей 600 млрд. рублей, нашими силами было проконтролировано только 6 млрд. затраченных на закупку пшеницы в Казахстане, очевидно остальные деньги пошли на личные нужды видных должностных лиц. Я не вижу выхода из сложившейся ситуации» — подчеркнул З. Двали — «без установления строгой кредитно-финансовой политики, которая естественно должна осуществляться с помощью правительства, государственного банка и контрольных органов».

ИПРИНДА

ЕЩЕ ОДНО УБИЙСТВО

По предварительным данным, полученным от оперативного дежурного МВД 28 января, днем, в одной из руставских парикмахерских произошел взрыв. В результате погибло четверо, в том числе начальник Руставского отделения «Мхедриони» Темира Талахадзе. Ведется следствие.

Соб. инф.

ТЕНДЕНЦИИ КИТАЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

27 января первый заместитель министра иностранных дел Республики Грузия Михаил Укелеба принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Китайской Республики господина Ван Фэн Сяна. Посол представил торгового представителя Китайской Республики в Грузии — г-на Ли Юаньчжэна.

В ходе беседы были отмечены положительные тенденции в китайско-грузинских взаимоотношениях. Торговый оборот в прошлом году составил 1 миллион долларов, что вдвое превышает показатель 1992 года.

Посол и торговый представитель отметили, что существует замечательная основа для расширения грузинско-китайских торгово-экономических взаимоотношений, в частности, в текстильной, фарфоровой промышленности, производстве малогабаритных тракторов.

В ходе беседы китайская сторона особенно заинтересовалась опытом грузинских гидростроителей и отметила, что он должен развиваться в пользу обеих стран.

На встрече дипломатических сторон Китая и Грузии беседа касалась болезненных сегодня для Грузии политических вопросов. Речь шла об очередном раунде женевских переговоров, был выражен большой интерес к предстоящему визиту Президента Российской Федерации Бориса Ельцина в Грузию.

ПАРТНЕРСТВО ОВЕЩАЕТ БЫТЬ ВЫГОДНЫМ

Турция готова к широкомасштабному сотрудничеству с Грузией в области сельскохозяйственного производства, сообщил корреспонденту ГИА министр сельского хозяйства и пищевой промышленности Георгий Квесидадзе. Во время недавнего пребывания в этой стране мы убедились, что турецкие аграрии нуждаются во многом том, что у нас имеется в избытке. Речь идет прежде всего о чаеводстве. Что касается этой отрасли, то они заинтересованы во всем, например, в рекомендациях по возделыванию чая, в прогрессивных технологиях по выработке готового продукта.

Как стало ясно из бесед с ответственными работниками Министерства сельского хозяйства Турции, в частности, с министром-государственным по национальности — Ганином Лорджинидзе, кроме всего прочего, Турция заинтересована в получении от нас новых сортов пшеницы, фасоли, сорго, кукурузы, научных разработок по защите растений от болезней и вредителей. Сейчас, сказал Георгий Квесидадзе, мы ожидаем приезда группы турецких специалистов, готовым соответствующим предложениям. Турция — страна, располагающая большим потенциалом в области производства продуктов питания, и мы гадаемся на выигрышные сделки.

ПАРЛАМЕНТ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ПРИНЯЛ ПАКЕТ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

Пакет постановлений утвержден на состоявшейся сегодня сессии Верховного Совета Северной Осетии. В связи с избранием Ахсарбена Галазова президентом Республики он освобожден от должности Главы парламента. Досрочно прекращены и его депутатские полномочия. По предложению президента избран новый Председатель Верховного Совета. Им стал 55-летний Юрий Вирагов, который ранее занимал пост первого заместителя главы парламента.

Глава правительства Сергей Хетагуров освобожден от занимаемой должности по его просьбе. Совету Министров, подавшему заявление об отставке, президентом поручено продолжать свои обязанности вплоть до утверждения Верховным Советом правительства республики.

Парламентом принято также постановление: просить президента РФ продлить срок действия режима чрезвычайного положения до 31 марта 1994 года на территории Моздокского района части территории Пригородного, Пригородного районов и города Владикавказа. Во исполнение указов президента РФ о реформах органов местного самоуправления северосетийский парламент постановил: прекратить деятельность горсовета во Владикавказе, а также районного республиканского управления по управлению выборами в органы местного самоуправления снят с повестки дня. Он передан на подготовку в комиссии и комитеты парламента и будет рассмотрен на следующем заседании сессии.

ЖИРИНОВСКИЙ ВЕЛ ТАКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ С ВОЕННЫМИ

По сообщению газеты «Московский комсомолец» со ссылкой на информационного сотрудника российской спецслужбы, в конце декабря на конфиденциальной даче службы внешней разведки России, арендуемой Аркадием Волыным, лодным режиссером Жириновский встретился с командирами нескольких дивизий московского военного округа и представителями командира одной из воздушно-десантных дивизий. «Совещание, по информации источника спецслужбы, носило противоречивый характер, — пишет газета. — Жириновский призывал военных к сотрудничеству и говорил о необходимости дальнейшего сближения некоторых фракций парламента с командирами боевых подразделений».

ГИА

Культура

Вокруг книги

В СЛИ подумать о том, стали ли мы меньше читать, то сразу скажу — да! Во-первых, еще более стал ощущать «голод» на периодическую журнальную: о центральных газетах говорить не приходится. Спасают только «Новости» ЦТ, дающие информацию о том, что в мире происходит.

А с книгами как? В незапамятные времена книга была таким же дефицитом, как и все прочее. Достать хорошее издание, популярную книгу, или обзавестись подписками, было просто невозможно. В ход шли знакомства, блат в магазинах, у букинистов, или покупка чего-либо происходило у редких в то время спекулянтов духовных товаров. Но именно они первыми отреагировали на надвигающуюся рыночную экономику.

Так лет семь-восемь назад стал процветать новый бум — книжный. Сначала появились коммерческие букинистические лавки, бойкие молодые люди на каждом углу продавали, что душе угодно. И, правда — купить можно было все. И многие утолили этот голод, пополнили свои библиотечки.

На этом фоне совсем бледно выглядят книжные магазины. Скорее всего их можно назвать «бывшие». В большинстве из них сегодня можно купить все, исключая книги. Им отводится лишь пара полуторных полок. Получив право аренды известного магазин «Чай-радажи» стал обычной комиссионкой, «Сауджиде» также торгует чем попало, но слава Богу, о книгах не забывает. В основном издается из старых запасов что-то оставшееся с лучших времен или завалявшееся. Не лучшая участь у других крупных и мелких магазинов.

Что говорить о причинах. Они такие же, как и во всем другом. После распада Союза разорвались многие наши связи, в том числе и с «Союзкиндизом». Кстати, организация эта готова к партнерству, но пока нет договора о торговом сотрудничестве между нашими странами, рассчитывать на книжные вливания не приходится.

А между тем книголюбия и, в частности, подписчики, считают себя обманутыми государством. Пару лет назад многие приобрели (и кстати, с трудом) квитанции на интереснейшие подписные издания. Теперь вся эта армия подписчиков оказалась ни с чем, не считая нескольких томов из каждой серии, тех что вышли к 1993 году. Знаю, что продавцы специальных магазинов уже устали отвечать на вопрос «когда же?». Тем не менее еще год назад в «Союзкинде» держали и придерживали для Грузии «Книги из серии подписных на 10 миллионов рублей. Однако пока шли переговоры, в силу вступил купон, книги ушли к другим хозяевам. Даже если они поступят теперь в Грузию, как и по каким ценам расплачиваться книголюбам пока не знают.

...На всем этом фоне следовало бы ожидать, что оживит местные издательства и завалит нас книгами. Но дефицит и астрономические цены на бумагу, типографские и другие расходы также не дали им возможности расцвести. И тем не менее наши издательские работники находят силы и издают книги, которых ждет читатель. «Мерани», «Сакартелло», «Хеловнеба», имея в столице и других регионах республики свои магазины, как-то стараются обеспечить народ. Недавно на прилавках появились новые издания с именами Галактиона, Важа Пшавела, современных писателей и поэтов. Охотников приобрести их немало. Цены, кстати, достаточно декоративны.

В тяжелейшем положении оказались библиотеки, не имеющие возможности оплачивать ни книги, ни поставки. Библиотек фактически умирает. Если так продолжится, то через несколько лет книжные фонды библиотек будут попросту истощены.

Примерно год назад Комиссия по культуре приняла решение о помощи книгоиздателям, которое по сей день не нашло отклика. А заверное, поспешить следует. Иначе катастрофа станет неминуемой и первым пострадает подрастающее поколение, которому просто нечего будет читать.

Ирина ФРИДКИНА

Шутки кончились.

Число преступлений сократилось.

Дефицит пошел на убыль, но читать по-прежнему нечего.

Первый блин не обязательно должен выйти комом...

Спорт

ОКНО В ФУТБОЛЬНУЮ ЕВРОПУ

I группа

Франция
Польша
Румыния
Израиль
Словакия
Азербайджан

II группа

Дания
Испания
Бельгия
Македония
Кипр
Армения

III группа

Швеция
Швейцария
Венгрия
Исландия
Турция

IV группа

Италия
Украина
Литва
Эстония
Хорватия
Словения

V группа

Голландия
Норвегия
Чехия
Беларусь
Мальта
Люксембург

VI группа

Ирландия
Северная Ирландия
Португалия
Австрия
Латвия
Лихтенштейн

VII группа

Германия
Уэльс
Болгария
Грузия
Албания
Молдова

VIII группа

Россия
Греция
Шотландия
Финляндия
Фарерские острова
Сан-Марино

Итак, сборная Грузии попала в VII группу, которую можно оценить как достаточно сильную, хотя могло быть и хуже. Лидер — сборная Германии, которая является фаворитом в любом розыгрыше. Англичане букмекеры уже произвели оценку команд, дав самую высокую немцам. Нашим футболистам традиционно трудно играть с немцами. В играх с клубами Западной Германии любительские «Динамо» во всех случаях терпело поражение. Сейчас трудно предугадать, какой будет команда Германия в отборочном турнире, поскольку после финального этапа чемпионата многое изменится. Очевидно, сборную покинут известные футболисты-ветераны: Матеус, Бреме, Вухвальд, однако высокий класс немецких футболистов и большой резерв снова сделают их командой номер один.

Очень сильна сборная Болгарии. Для доказательства достаточно вспомнить победу над сборной Франции в Париже в решающем матче. В игре на кубок чемпионов первая команда Болгарии «Левский» на первом этапе выбила из розыгрыша чемпиона Шотландии «Рейнджерс», на втором же этапе проиграла «Вердере» с минимальным счетом.

22 января в Манчестере состоялась жеребьевка чемпионата Европы 1996 года, в котором впервые принимал участие сборная Грузии.

Напомним, что в отборочном турнире примет участие 48 команд, распределенных следующим образом:

В сборной Болгарии играют великолепные футболисты: Стойков, Балаков, Костадинов, Пенев, Левков, которые с большим успехом выступают в известных клубах Европы. Очевидно, у болгар есть шанс выйти из группы.

Хорошая команда у Уэльса. Играть против валлийцев трудно всем. Сборная укомплектована достаточно сильными футболистами, из которых следует отметить Хьюза, Сандерса, Гиза, Ра-

на, Саутхола. У этой команды есть шанс бороться за финальную путевку. Команды Албании и Молдовы все относят к аутсайдерам. Трудно представить себе их какие-либо претензии на два первых места, хотя, возможно, в некоторых играх они подпортят настроения фаворитам.

Что касается сборной Грузии, к ней на этом этапе трудно предъявлять высокие требования, однако наша команда обязательно

должна выступить достойно в отличие от юношеской сборной. Для этого у нас есть группа хороших футболистов, способных играть на довольно высоком уровне.

Гия ГИГАШВИЛИ

ИА «Ари-Экспресс»

18.35 — Лето... 19.00 — Реклам...
20.00 — МАЦНЭ 20.30 — Суперкинг...
20.55 — Лето... 21.30 — Олимпийская па...
21.55 — ВЕСТИНИК 22.30 — ИИ...
23.00 — КВИШИС СААТИ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 ФЕВРАЛЯ

10.05 — МАЦНЭ 10.15 — Мультфильм...
10.40 — Художественный фильм. 12.00
МАЦНЭ 12.15 — Клуб «Намертон». 14.15
— Вильямс-93. 15.15 — В гостях у худо...
— Манана Туманашвили. 15.45 —
Студия «Альфа» — ау-ау. 16.20 — Сто на...
родных песен. 17.00 — МАЦНЭ 17.10 —
Таланты и поклонники. 18.10 — Тбилиси и
тбилисцы. 18.40 — Телеканал. 19.00 —
Тайм-аут. 19.40 — Час улыбки — Мелен...
Джаравидзе. 20.50 — Реклама. 21.00 — Па...
дая студия. 22.00 — Спортивная програм...
22.45 — Добрый вечер! 24.00 — КВИШИС
СААТИ.

ПЕРВАЯ
ПРОГРАММА
ТБИЛИСИ

ТВ

ПОНЕДЕЛЬНИК, 31 ЯНВАРЯ

7.25 — АЛИОНИ — информационно-музыкальная программа. 13.00 — НАШУАД-ГЕВИ — информационно-музыкальная программа. 17.00 — МАЦНЭ — информационная программа. 17.15 — Французский язык.

ПРОГРАММА
«ОСТАНКИНО»

ТВ

ПОНЕДЕЛЬНИК, 31 ЯНВАРЯ

6.00. 9.00. 12.00. 15.00. 18.00. 21.00.
1.00 — НОВОСТИ. 6.30 — УТРО. 8.45 —
Мультфильм. 9.20 — Посмотри, послушай...
9.40. 19.10 — Мелочи жизни. Телесериал.
10.10 — Тема. 10.50 — Играет Э. Грач.
11.20 — Звездный час. 12.20. 18.25 —
Гол. 15.25 — Предприниматель. 16.20 —
Концерт. 16.30 — Новые имена. 17.10 —
Звездный час. 17.50 — ТехноДом. 18.55 —
Документы и судьбы. 19.40 — Министера.
19.55 — Светлана — дочь Иосифа. 20.40 —
Спокойной ночи, малыши! 21.45 — «Княж...
на Тараканова». 22.45 — Актуальная пуб...
лицистика. 22.55 — Театр + ТВ. 23.45 —
Пресс-клуб.

ПОКАЗЫВАЕТ
КАНАЛ
«РОССИЯ»

ТВ

ПОНЕДЕЛЬНИК, 31 ЯНВАРЯ

7.00. 14.00. 20.00. 23.00 — ВЕСТИ.
7.20 — Требуется... требуется. 7.30 — Формула-730. 8.20 — Время деловых людей. 8.50 — Мультфильм. 9.00 — Новости Эй-би-си. 9.30 — Совершенно секретно. 10.10 — Военное ретро. 11.30 — Новая линия. 12.00 — «Павел Корчагин». Художественный фильм. 13.40 — Крестьянский вопрос. 14.25 — Художественный фильм. 15.40 — Параллели. 15.55 — Телегазета. 16.00 — Бизнес в России. 16.30 — Там-там новости. 16.45 — Устами младенца. 17.15 — Новая линия. 17.50 — Спасение 911. 18.45 — Русская виза. 19.15 — Абракадабра. 19.45 — Праздник каждый день. 20.25 — Подробности. 20.30 — «Невероятная кража». Художественный фильм. 21.40 — Хроно. 22.15 — Без ретуши. 23.40 — Автомиг. 23.45 — Звезды говорят. 23.50 — Спортивная карусель. 23.55 — Музыка крупным планом.

ВТОРНИК, 1 ФЕВРАЛЯ

7.00. 14.00. 20.00. 23.00 — ВЕСТИ. 7.20 — Требуется... требуется. 7.30 — Формула-730. 8.00 — «Дело мастера боится». 8.30 — Время деловых людей. 8.50 — Мультфильм. 9.00 — Новости Эй-би-си. 9.30 — «Мой друг Иван Лапшин». Художественный фильм. 13.40 — Крестьянский вопрос. 14.25 — «Урок жизни». Художественный фильм. 15.15 — Концерт. 16.40 — Там-там новости. 16.45 — Студия «РОСТ». 17.15 — Новая линия. 18.00 — Романсы Чайковского П. И. 18.30 — «Рубежи». 18.45 — «Проще простого». 19.45 — Праздник каждый день. 20.25 — Подробности. 20.40 — «Санта Варбара». 21.30 — Артобстрел. 22.15 — Тихий дом. 23.40 — Автомиг. 23.45 — Звезды говорят. 23.50 — Спортивная карусель. 23.55 — «Зов Водолее».

17.45 — Немецкий язык. 18.15 — Английский язык. 18.45 — Андза-телемаркетинг. 19.00 — Бизнес-курьер. 19.20 — Меридиан — международное обозрение. 19.40 — Передача для детей. 19.55 — Реклама. 20.00 — МАЦНЭ 20.30 — Рампа. 20.35 — Документальный фильм. 22.00 — ВЕСТИНИК — информационная программа. 22.30 — Художник и гражданин — Тенгиз Абуладзе. 24.00 — КВИШИС СААТИ — информационная программа.

ВТОРНИК, 1 ФЕВРАЛЯ

7.25 — АЛИОНИ. 13.00 — НАШУАД-ГЕВИ. 13.45 — Андза-телемаркетинг. 17.00 — МАЦНЭ 17.15 — История Грузии. 17.45 — Грузинская литература. 18.15 — Мультфильм. 18.45 — Кто мы есть? 19.20 — От истоков творческого пути. 20.00 — МАЦНЭ 20.30 — Не могу без музыки — Шошиа Чхадзе. 22.00 — ВЕСТИНИК 22.30 — Отар Носелиани. 24.00 — КВИШИС СААТИ.

ВТОРНИК, 1 ФЕВРАЛЯ

6.00. 9.00. 12.00. 15.00. 18.00. 21.00.
1.00 — НОВОСТИ. 6.30 — УТРО. 8.45 — Мультфильм. 9.20 — Веселые нотки. 9.40. 19.05 — Просто Мария. Телесериал. 10.30 — Человек и закон. 11.00 — Маленький концерт. 11.10 — Наш музыкальный клуб. 11.50. 1.20 — Пресс-экспресс. 12.20 — «Соломенная шляпка». Художественный фильм. 1-я и 2-я серии. 14.30 — «Во дворце на Садовом кольце». 15.25 — Деловой ретинг. 15.40 — Хроника деловой жизни. 16.10 — Дело. 16.20 — «Моя семья и другие животные». Телесериал. 16.50 — «Между нами, девочками...». 17.10 — «Наш музыкальный клуб». 17.50 — Азбука собственника. 18.25 — За кулисами. 18.50 — Документы и судьбы. 19.55 — Тема. 20.40 — Спокойной ночи, малыши! 21.45 — Бал олимпийцев. 0.00 — Кино до востребования. 0.50 — Жизнеописание. 1.30 — Авторалли «Русская зима».

СРЕДА, 2 ФЕВРАЛЯ

6.00. 9.00. 12.00. 15.00. 18.00. 21.00.
1.00 — НОВОСТИ. 6.30 — УТРО. 8.45 — Мультфильм. 9.20 — Сорочка. 9.40 — Кот в сапогах. Фильм-спектакль. 10.30 — Клуб путешественников. 11.20 — Джем. 11.50. 1.20 — Пресс-экспресс. 12.20 — Чисто английское убийство. Художественный фильм. 13.40 — Русские гости. Документальный фильм. 14.35 — И. Гайдн. Симфония № 2.

СРЕДА, 2 ФЕВРАЛЯ

7.00. 14.00. 20.00. 23.00 — ВЕСТИ. 7.20 — Требуется... требуется. 7.30 — Формула-730. 8.00 — «Поезда Грибоедова и Чадаева». 8.30 — Время деловых людей. 8.50. 13.25. 15.50 — Мультфильм. 9.00 — Новости Эй-би-си. 9.30 — Доброе утро. 10.00 — Без ретуши. 10.55 — Документальный фильм. 12.00 — Новая линия. 12.30 — «Малыш». Художественный фильм. 13.40 — Крестьянский вопрос. 14.25 — «Барбара — красавица, длинная коса». Художественный фильм. 15.55 — Телегазета. 16.00 — «Золотая шпоро». 16.30 — Там-там новости. 16.45 — Студия «РОСТ». 17.55 — Новая линия. 18.00 — Мир и война. 18.30 — М-трест. 18.45 — Документальный фильм. 19.45 — Праздник каждый день. 20.25 — Подробности. 20.35 — Санта Варбара. 21.30 — Л-клуб. 22.15 — Зал ожидания. 23.05 — «ЭКС». 23.40 — Автомиг. 23.45 — Звезды говорят. 23.50 — Спортивная карусель. 23.55 — «Ностальгия». Музыка всех поколений. 0.25 — «Памяти великого художника».

ЧЕТВЕРГ, 3 ФЕВРАЛЯ

7.00. 14.00. 20.00. 23.00 — ВЕСТИ. 7.20 — Требуется... требуется. 7.30 — Формула-730. 8.00 — Сигнал. 8.20 — Время деловых людей. 8.30 — Поехали! 9.00 — Новости Эй-би-си. 9.30. 16.10 — Мультфильм. 9.40 — «Зов Водолее». 10.40 — «К-2» представляет. 11.30 — Новая линия. 12.00. 20.40 — «Санта Варбара». 13.40 — Крестьянский вопрос. 14.25 — «Дело было в Пенькове». Художественный фильм. 16.00 — Концерт. 16.25 — Там-там новости. 16.40 — Студия «РОСТ». 17.10 — Новая линия. 17.55 — Глубок. 18.25 — Азы карьеры. 18.40 — Будни. 19.25 — Я — лидер. 19.45 — Праздник каждый день. 20.25 — Подробности. 21.30 — «Миф Дмитрия Покровского». 22.20 — Отечество мое. 23.40 — Автомиг. 23.45 — Звезды говорят. 23.50 — Спортивная карусель. 23.55 — «ЭКС». 0.05 — Диалог с собой. 0.30 — Концерт.

ПЯТНИЦА, 4 ФЕВРАЛЯ

7.00. 14.00. 20.00. 23.00 — ВЕСТИ. 7.20 — Требуется... требуется. 7.30 — Формула-730. 8.00 — Не будь кинозвездой. 8.20 — Время деловых людей. 8.50 — Поехали! 9.00 — Новости Эй-би-си. 9.30 — «Миф Дмитрия Покровского». 10.15 — Зал ожидания. 11.05 — Наш сад. 11.35 — Новая линия. 12.05 — «Санта Варбара». 12.55 — Белая ворона. 13.40 — Крестьянский вопрос. 14.25 — Телевизионный театр России. 15.35 — «Жизнь

СРЕДА, 2 ФЕВРАЛЯ

7.25 — АЛИОНИ. 9.05 — Французский язык. 9.35 — Немецкий язык. 10.05 — Английский язык. 13.00 — НАШУАД-ГЕВИ. 17.00 — МАЦНЭ 17.15 — Мультфильм. 17.40 — Человек и закон. 18.10 — Андза-телемаркетинг. 18.30 — Документальный фильм. 19.00 — Международный турнир по футболу (прямой репортаж из Москвы). 20.50 — МАЦНЭ 21.20 — Поезия — Григор Днелухидзе. 22.00 — ВЕСТИНИК 22.30 — ВИДЕО, ВИДЕО... 24.00 — КВИШИС СААТИ.

ЧЕТВЕРГ, 3 ФЕВРАЛЯ

7.25 — АЛИОНИ. 13.00 — НАШУАД-ГЕВИ. 13.45 — Андза-телемаркетинг. 18.15 — Мультфильм. 18.40 — Ирао. 19.15 — Рампа. 19.50 — Реклама. 20.00 — МАЦНЭ 20.30 — Грузия и окружающий мир. 21.10 — Телекомпания и кинофестиваль «Золотой орел». 22.00 — ВЕСТИНИК 22.30 — Софико Чинаурели. 24.00 — КВИШИС СААТИ.

15.25 — Предприниматель. 16.20 — Моя семья и другие животные. Телесериал. 16.50 — Джем. 17.20 — Летящий дом. Мультфильм. 17.50 — ТехноДом. 18.25 — В эфире межгосударственной телерадиокомпания «Мир». 18.55 — Футбол. Международный турнир. Кубок чемпионов Содружества. 21.45 — Счастливый случай. 22.35 — Актуальная публицистика. 22.50 — Сережа. Художественный фильм. 0.30 — Максима. 1.30 — MTV.

ЧЕТВЕРГ, 3 ФЕВРАЛЯ

6.00. 9.00. 12.00. 15.00. 18.00. 21.00.
1.00 — НОВОСТИ. 6.30 — УТРО. 8.45. 9.20. 13.40 — Мультфильм. 9.40. 19.05 — Просто Мария. Телесериал. 10.30 — В мире животных. 11.10. 17.20 — «...до шестнадцати и старше. 11.50. 1.20 — Пресс-экспресс. 12.20 — Чисто английское убийство. Художественный фильм. 13.50 — А. Шинтис. Фортепианный квартет. 14.00 — Футбол. На пути к Уэмбл. 15.25 — Предприниматель. 16.05 — Как добиться успеха. 16.20 — Моя семья и другие животные. Телесериал. 16.55 — Музограф. 18.25 — Лабиринт. 18.50 — Документы и судьбы. 19.55 — Четыре поминки... Авторская программа Л. Филатова. 20.40 — Спокойной ночи, малыши! 21.45 — Лотто-Миллион. 22.15 — Актуальная публицистика. 22.25 — Тина Пикс. Художественный фильм. 23.30 — Музыка в эфире. 0.30 — Академия. 1.30 — Футбол. На пути к Уэмбл.

дце по Корану». 15.50 — Мультфильм. 16.00 — Телегазета. 16.05 — Бизнес в России. 16.35 — Там-там новости. 16.50 — Параллели. 17.05 — Новая линия. 17.55 — «По следам белого медведя». Художественный фильм. 18.45 — Шарман-шоу. 19.45 — Праздник каждый день. 20.25 — Подробности. 20.40 — «Вояж террора». Художественный фильм. 22.15 — Никто не забыт. 22.25 — «К-2» представляет. 23.40 — Автомиг. 23.45 — Звезды говорят. 23.50 — Спортивная карусель. 23.55 — Вечерний салон.

СУББОТА, 5 ФЕВРАЛЯ

8.00 — Ретро-шлягер. 9.30 — Непознанная вселенная. 10.00 — Студия «РОСТ». 10.30 — Пилитрим. 11.15 — Публицистическая программа. 12.00 — «Острова мертвых». Документальный фильм. 13.30 — «Сигнальный эксклюзив. 13.40 — Крестьянский вопрос. «Сев». 14.00. 20.00. 23.20 — ВЕСТИ. 14.20 — «Александр Невский». Документальный фильм. 14.30 — Амика-вергас. 15.30 — Гранд-репортаж. 16.00 — «К-2» представляет. 16.30 — Фильм-репортаж. 16.45 — Футбол без границ. 17.40 — Вечер Шотландского телевидения на РТР. 17.45 — «Сильвер». Художественный фильм. 18.15 — «У них будет зима». Документальный фильм. 19.15 — Устами младенца. 19.45 — Праздник каждый день. 20.25 — «Роковое наследство». Художественный фильм. 22.00 — Документальный фильм. 23.00 — Репортер. 23.40 — Автомиг. 23.45 — Звезды говорят. 23.50 — Спортивная карусель. 23.55 — Программа «А». 0.55 — «То, что ты можешь лгать». Художественный фильм. 1.55 — Программа «А» (продолжение).

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 ФЕВРАЛЯ

9.00 — Доброе утро, Европа! 9.30 — Большая хохля. 10.00 — Студия «РОСТ». 10.30 — Козырная дама. 11.00 — Аты-баты... 11.30 — К. Майея. Репортажи из «Малой Европы». 12.00 — «Лисопод». Художественный фильм. 14.00. 20.00. 23.20 — ВЕСТИ. 14.20 — «Не вырубать...». Великий В. Копля. 14.35 — Шесть соток. 14.55 — «Российская энциклопедия». 15.25 — Лучшие игры НБА. 16.35 — В мире животных. 17.35 — «Кино в феврале». 17.55 — «Гуфи и его команда. Черный плащ». 18.45 — «Шпионажи». 19.45 — Праздник каждый день. 20.25 — «Фавориты Луны». Художественный фильм. 22.45 — У Юсуса. 23.40 — Автомиг. 23.45 — Звезды говорят. 23.50 — Спортивная карусель. 23.55 — «Пана Бауш и другие».

Первая выставка товаров
Греции в Грузии

ПРОЙДЕТ С 29 ЯНВАРЯ ПО 1 ФЕВРАЛЯ В «КАРАВАН-САРАЕ»

В СТАРОМ ТБИЛИСИ

Это первая выставка европейских стран не только в свободной Грузии, но и на Кавказе. В ней принимают участие более 30 греческих фирм и компаний, фирмы из Голландии и других европейских стран.

Участники выставки предлагают посетителям: продукты питания, сладости, хлебобулочное оборудование, зубобра-

чебную технику, оборудование для метрологических кабинетов: мебель, оборудование и технику для офиса, компьютеры и электронные системы, водства, упаковочную технику, швейные принадлежности, домашние предметы и средства для рекламы, текстильные изделия, обувь, стиральные машины, моющие средства.

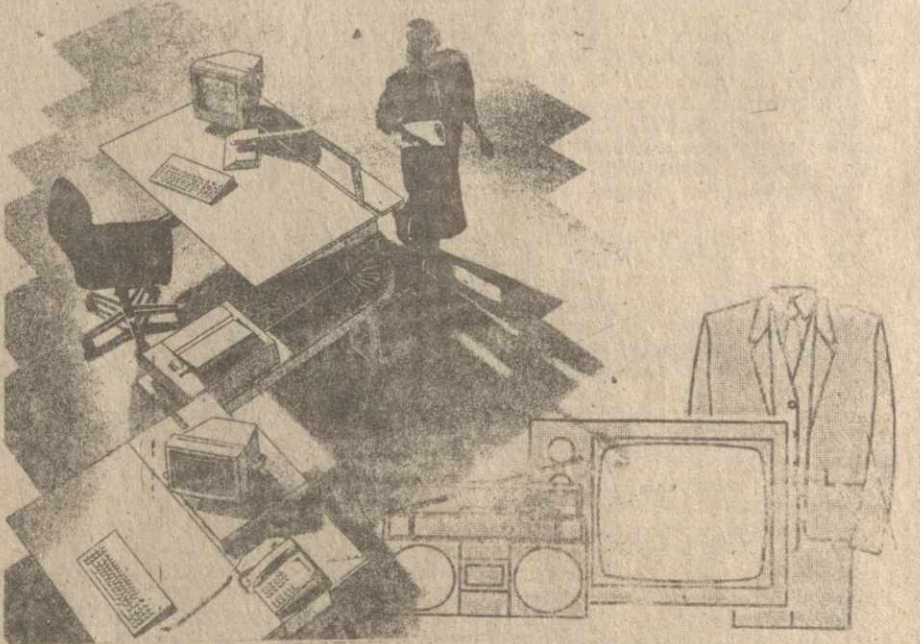
Организаторы выставки «КОНТРАСТ С ГРУЗИЕЙ», ассоциация «САТАР-ВЕЛО», с греческой стороны — фирма «УНИТРАД» имеют богатый опыт проведения подобных мероприятий во всем мире.

С грузинской стороны выставку организует греко-грузинский центр «ЭЛЛА-ДА», который приглашает всех, в особенности грузинских бизнесменов. Вам предоставляется возможность установить контакты с известными бизнесменами.

Часы работы выставки: 10.00—16.00, 10.00—13.00 — для посетителей. 13.00—16.00 — для посетителей.

В программе выставки — официальный прием, показ мод, посетителям будет предоставлена греческая кухня. Вас ожидает большое разнообразие товаров и высокое качество обслуживания.

ПРИГЛАШАЕМ НА НАШУ ВЫСТАВКУ.

Покупам старинные новы
ручной работы.
Звонить по тел.: 30-16-22.

Купим старинные новы,
паласы, домашние поделки
ручной работы.
Тел.: 98-58-97.

Новый аффентивный лечебный
препарат
«СТОМАТИН»

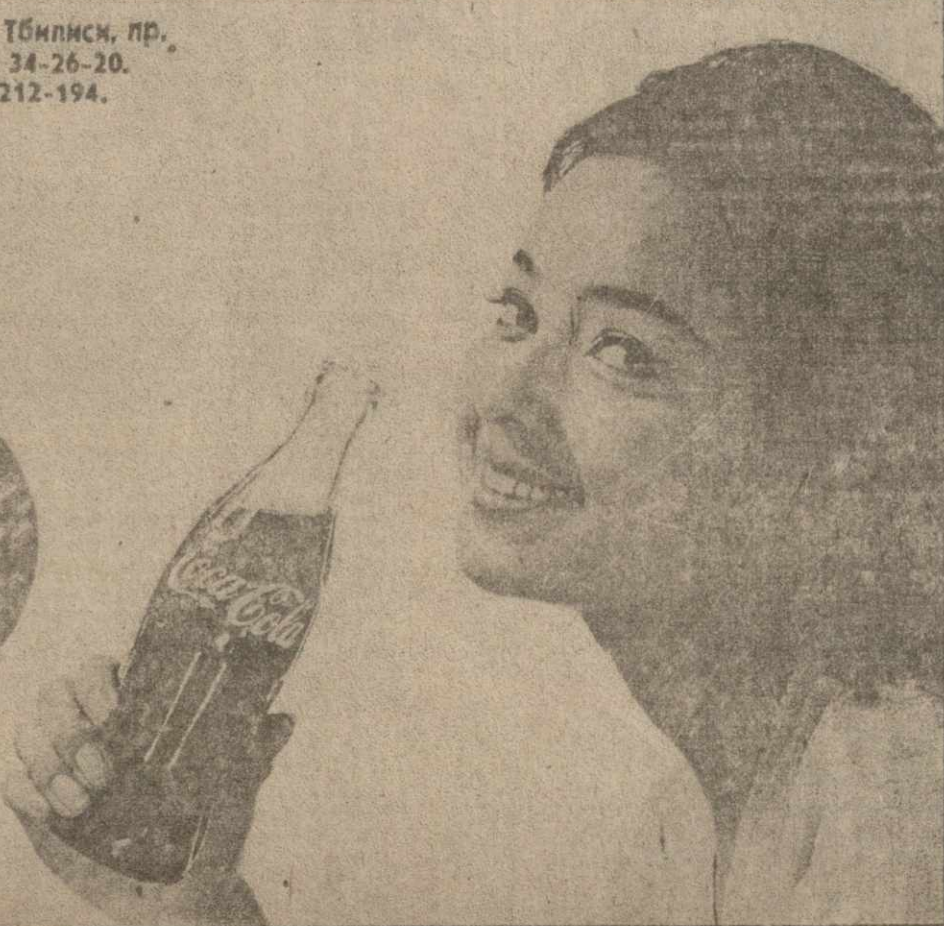
лечит полость рта, глотку и десны от стоматитов, молочницы и от других заболеваний слизистой оболочки, а также защищает от микробов. Ускоряет заживление ран и язв.

«Стоматин» можете приобрести в центральных аптеках г. Тбилиси.

За консультацией обращайтесь по телефону 08-88-28, 31-94-01.

Фирма «Клиника», Лечебный отдел.

НАШИ РЕКВИЗИТЫ: 180019, Тбилиси, пр.
А.Церетели № 114. Тел.: 34-26-20.
Факс: 34-73-06. Телекс: 212-194.

ФИРМА
«ТБИЛИСИ-2000»

Кремлевский стиль
за последние
несколько десятилетий,
ремонт,
также гаражей.
Здесь можно увидеть
старинные дома.

В продаже имеются
строительные и сантехнические материалы, металлические сетки для ограды.

Магазин-офис расположен по адресу: Тбилиси, проспект Русаветы, 37 (площадь). Республика, напротив масс Аэрофлота). Вход со двора.

Часы работы с 9 часов до 18.00 ежедневно, кроме воскресенья.

САМАЯ ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ФАМИЛИЯ

«СГ» впервые публикует мемуары отца генералов США Огара и Джона Шаликашвили

Еще совсем недавно имя Димитрия Шаликашвили мало что говорило грузинской общественности. В 1991 г. проф. Г. Гачечиладзе опубликовал его дневник, повествующий о деятельности грузинского меньшевистского посольства в Анкаре (1921 г. январь — март). Кроме того, стало известно, что его сыновья — Огар и Малхаз (Джон) Шаликашвили — генералы США. Недавно Малхаз Шаликашвили, а также начальник Объединенных штабов армии США, до этого занимал пост Верховного главнокомандующего войск стран НАТО, расположенных в Европе.

НЕСОМНЕННО, столь блистательный успех не случаен, и он предопределен, в известной мере, всей многовековой историей дома Шаликашвили, о чем мы намерены рассказать вкратце. Об этом же свидетельствуют «Мемуары» Димитрия Шаликашвили, отца Огара и Малхаза, обнаруженные нами в Центральном государственном историческом архиве Грузии. Микрофильм этих «Воспоминаний» имеется среди архивных материалов Демократической республики Грузии, приобретенных в 1990 г. из Парижа. Оригинал же хранится в библиотеке Гарвардского университета (США).

Шаликашвили принадлежали к числу крупных и влиятельных феодалов Самхле-Сатабаго (Юго-Зап. Грузия). В одном из документов начала XVI века читаем: «Тмоги, вместе с кладбищем, монастырем и придворной порочкой владеют Элибар и Иотам Шаликашвили» (Хр. Шарашидзе. Материалы ко истории Южной Грузии (XV—XVI вв.), Тб., 1961, с. 34 (на груз. яз.).

Сведения о феодальном доме Шаликашвили встречаются и в османском документе 20-х годов XVI века. Здесь упоминают тестя агабага Самхле Кваркваре III (1515—1535), отца Анны, Сурхана, имеющий пять сыновей, двоюродный брат Элибара и Иотам. Все они члены рода Шаликашвили. (П. А. Абуладзе, Турецкие источники по истории Самхле-Сатабаго первой четверти XVI в., Тб., 1983, с. 40, (на груз. яз.).

По сведениям того же источника: «По верхнему течению реки Тмоги находится преступная крепость, именующая Мгелхце («Золотая крепость»), подчиняющаяся хакне Тмоги, Елад-бег Тмогской крепости называют Тебаром. Он племянник Сурхана, тестя Кваркваре, и прославился за то, что нечестивца Кваркваре» (П. А. Абуладзе, указ. соч., с. 41).

Шаликашвили были в родстве не только с азербайджанцами (дом Джанкелли), но и с иранцами шахом. Так, например, дочь Огара Шаликашвили была женой шаха Аббаса I (1524—1576 г.г.). Интересно, что дочь Огара Шаликашвили, мать шаха Худабанде, была родом из грузинского рода. О ее браке с шахом Карли Симона I на борьбу против турок, «обернувшись саблом в уаль», и прислала царю Симону (по общему грузинскому и велела сказать: «Победить, какую хочешь и иди в свою страну с дарами больше, чем в войну с османами». (Вахушти Багратиони. История царства Грузинского, перевод с грузинского Н. Т. Нанушадзе, Тб., 1978, с. 42).

Шаликашвили самоотверженно боролись с иноземными захватчиками. После покорения османами Месхетии они покинули родной край и поселились в Кахети.

Царь Карли наделил их поместьями, а в 1611 году Луарсав I пожаловал Джанкелери Шаликашвили княжескую грамоту. (Сергей Васильевич Титулованные роды Российской империи, СПб., 1910 г., с. 90, 81).

В 1724 году, когда Бахатан VI отправился в Россию, в его свите был и Димитрий (Семетр) Элибаридзе Шаликашвили, его шталмейстер.

В 1738 году императрица Анна, явившись просить проживавших в России грузин, основала грузинский гусарский полк. Димитрия зачислили рядовым, и как князя пожаловали поместье (30 дворов) в деревне Сандонаре Полтавской губернии. Вскоре Димитрий получил чин капитана, в 1762 году, он, в чине полковника вышел на пенсию. (П. М. Сихарулидзе. Из истории грузинского поселения в Москве, Тб., 1992, с. 95—103; Р. В. Чичинадзе. Семья московцев

Шаликашвили, Тб., 1967, с. 10, 11. (на груз. языке).

Димитрий стал родоначальником ветви Шаликашвили (Шаликовых) в России. Некоторые ее представители оставили славный след в истории России.

Сын Димитрия, Иван Шаликашвили, в 1757 году был зачислен в Грузинский гусарский полк, дослужился до майора, в 1797 году вышел на пенсию. Он был награжден четырьмя Георгиевскими крестами и орденом Владимира. (Там же).

Особое внимание заслуживает деятельность его сына Петра Ивановича Шаликашвили (1767—1852 г.г.). Он проявил незаурядные способности в военном деле, участвовал в штурме Очакова и русско-польской войне. В 1797 году он был удостоен почетного звания премьер-майора и назначен командиром эскадрона гусарского полка.

Однако вскоре гусарскую саблю он сменил на перо, оставил военную службу и занялся литературной деятельностью. Его перу принадлежат

сборники стихов, прозаические произведения «Путешествие в Малороссию» (1803—1804 г.г.), «Путешествие в Кронштадт» (1805 г.), мемуары «Исторические сведения о пребывании французцев в Москве 1812 года», (1813 г.). В течение 25 лет он редактировал журнал «Московские ведомости» и др. Петр Иванович, ученик и последователь Карамзина, активно участвовал в московской литературной жизни, знаком с Пушкиным, посвящая ему стихи, вел с ним переписку.

Творческая деятельность Петра Шаликашвили весьма разнообразна: он был автором поэтических сборников, мемуаров, исторических и критических статей. (Р. В. Чичинадзе, указ. соч., с. 12; Грузинская советская энциклопедия, т. 10, с. 678).

Старшая дочь Петра Ивановича Наталья также занималась литературной деятельностью и была одной из первых в России женщин-журналистов. (Р. В. Чичинадзе, указ. соч., с. 44).

Один из видных представителей московских Шаликашвили — Антон Степанович (1756—1821 г.г.), служивший в русской армии с 1774 года. Участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 г.г., в походах Суворова в Италию и Швейцарию (1799 г.), русско-австрийско-французской войне (1805 г.) и в русско-прусской войне (1806—1807 г.г.). Особенно отличился в Аустерлицкой битве 20 ноября 1805 года, в которой был ранен, за проявленную храбрость был награжден орденом св. Владимира (четвертой степени) с бантом, и золотой саблей, с надписью «За храбрость».

Антон Степанович мужественно сражался в Отечественной войне (в

боях под Витебском, Смоленском, Бородинской битве). После изгнания из России Наполеона участвовал в заграничных походах русской армии (1813—1814 г.г.), в том числе Лейпцигской битве и освобождении Парижа в 1814 году. Был награжден многими русскими и иностранными орденами: св. Владимира 2 ст., Большого креста св. Анны 1 ст., св. Георгия 3 кл., иностранными — Австрийским св. Леопольда, командорским, Баварским военным орденом, Прусским Красного Ордена 2 кл. и др.

После окончания Отечественной войны, Антон Степанович был командиром Гвардейской дивизии (военная галерея 1812 года под ред. Н. Михайловича, СПб., 1912 г., с. 245; Т. Рухадзе, Грузины в русской Отечественной войне 1812 г., Тб., 1942 г., с. 43, 44; Грузинская Советская энциклопедия, т. 10, с. 678).

ВЕРНЕМСЯ к Шаликашвили, оставшимся в Кахети, выясняется, что они играли активную роль при дворе Ираклия II (1762—1796 г.г.).

О прадеде Димитрия — Иосифе Шаликашвили интересные сведения содержатся в книге: «Титулованные роды Российской империи», там записано: «Шаликовы. Род, этот локализован в списке картийских князей, приложенном к трактату, заключенному 24 июля 1783 г. с грузинским царем Ираклием II.

Высочайше утвержденным, 25 марта 1826 г., мнением Государственного Совета признаны в княжеском достоинстве князья Шаликовы I. Иосиф Иванович и сыновья его, поручик Семен, Иван и Николай». (С. Васильевич, Титулованные роды Российской империи, СПб., 1910 г., с. 81).

Об отце Иосифа Ивановича (Иоан) в одном грузинском источнике записано: «В 1783 г. войско всеялостельской гвардии Екаторины вступило в Грузию, а 2 ноября — Сабуртало, встретил везир Шаликашвили Иоан, затем царь Ираклий, прославившийся государь». (Хроники и другие материалы по истории Грузии, под ред. Г. Жордания и Ш. Хантадзе, т. III, 1963 г., с. 380).

Итак, выясняется, что отец Иосифа Иоан был везиром (министром) Ираклия II.

Привлекает внимание и то, что в этом месте имеется примечание: «эта надпись, выполненная мхедрули, сделана на кожаном Евангелии XII—XIII вв., которое, очевидно, вывезено из Ахальского монастыря св. Георгия». (Хроника, т. III, с. 380).

Дело в том, что сын Ивана Шаликашвили Иосиф в начале XIX в. женился на дочери князя Андроникашвили, которая, в качестве приданого, получила земли в Кахети из владений Андроникашвили. Затем сыновья Иосифа — Семен, Иван и Николай купили из владений Чавчавадзе 300 десятин и построили в Гурджаани дом. По-видимому, Шаликашвили хранили свою семейную

реликвию Евангелие в гурджаанском монастыре св. Георгия.

Дед Димитрия и его братья — Семен и Николай служили в Российской армии, принимали участие в Кавказских войнах, в которых отличились и были награждены Георгиевскими крестами. Двое старших братьев получили генеральский чин. Семен участвовал в Крымской войне, затем в борьбе против Шамилей, был первым военным губернатором Дагестана, где и погиб во время восстания. Иван скончался от ран, полученных в боях, Николай же погиб в 1855 г. при взятии Кавказа.

У Семена и Николая не было детей. Дед Димитрия Иван был женат дважды. От первой жены Дарьи Нопревановны Чавчавадзе родился отец Димитрия (Дарья Нопревановна скончалась во время родов). Вскоре он женился на Дарье Гулабавне Чавчавадзе, родившей ему пять дочерей.

Отец Димитрия Иосиф учился в Петербурге, в Кадетском корпусе. Когда ему исполнилось 18 лет, скончался его отец и он был вынужден вернуться в Тбилиси. Позднее он продолжил учебу в Одессе, в лицее Рихелье. Одно время служил в кавказских войсках и администрации.

Мать Димитрия — Нина Димитриевна Старосельская, была в родстве с Давидом Гурамидзе. Мать Нины — Екатерина была сестрой Ольги Гурамидзе, жены Ильи

Чавчавадзе Муж Екаторины — Димитрий Семёнович Старосельский (1832—1884 г.г.) в 1874—1884 гг. был губернатором г. Баку, в 1877—1884 гг. исполнил обязанности заместителя царского наместника на Кавказе, возглавлял главное управление наместника, был сенатором. Дед Старосельский участвовал в общественной жизни Грузии, в частности, оказал помощь грузинским деятелям при утверждении устава «Общества распространения грамотности среди грузин» (И. Чавчавадзе, Соч. т. X, под ред. П. Ингорюва, 1961 г., с. 231 (на груз. языке).

Димитрий Старосельский был в хороших отношениях со своим сыном Ильей Чавчавадзе. Он положительно относился ко многим начинаниям Ильи Чавчавадзе и оказывал помощь в их реализации.

Маленький Димитрий бывал в доме у дедушки Ильи, там же познакомился с немецким писателем и переводчиком Артуром Лейстом.

После трагической гибели Ильи Чавчавадзе мать Димитрия, Нина, ухаживала за его больной вдовой.

СЕМЕЙНЫЕ обстоятельства помешали вовремя отдать Димитрия в школу. Первоначальное образование он получил в семье, под руководством своей матери. Дома у них имелась богатая библиотека, в которой были книги на грузинском, русском и европейских языках. По просьбе Ильи Чавчавадзе, часть грузинских рукописей и книг из этой библиотеки передали «Обществу распространения грамотности среди грузин» (Дробеа, 1889 год, VIII, 8, № 186, с. 2—3).

В учебе Димитрий проявил незаурядные способности, он дважды сдал

экзамены за два класса и догнал своих сверстников и успешно продолжил учебу в Первой мужской гимназии.

В 1914 году он окончил гимназию с медалью и поступил в военное училище. Во время первой мировой войны воевал на русско-германском фронте. После установления в Грузии демократической республики он в 1918 г. вернулся на родину и принял участие в создании нового государства. В конце 1920 года его послали в Анкару членом грузинской дипломатической миссии.

После установления в Грузии советской власти в 1921 году Димитрий эмигрировал в Польшу, там он женился, там родились его сыновья — Огар и Малхаз (Джон).

У Димитрия были старшие брат и сестра: Давид и Тамар (Давид был старше на 10 лет, Тамар — на два года).

В 1906 году Давид окончил Первую мужскую гимназию и избрал военную карьеру, его зачислили в кавалерийский гвардейский полк, участвовал в первой мировой войне. Затем вернулся на родину и служил в грузинской армии. После установления в Грузии советской власти, уехал во Францию и служил во французском иностранном легионе, в 1939 году в чине капитана вышел на пенсию, однако с первых же дней второй мировой войны, он сражался в рядах французской армии.

Сестра Тамар вместе с матерью осталась в Тбилиси.

Во время второй мировой войны в чине майора Димитрий Шаликашвили сражался против Германии в рядах польской армии. После оконча-

ния войны он переехал в Германию, затем в США.

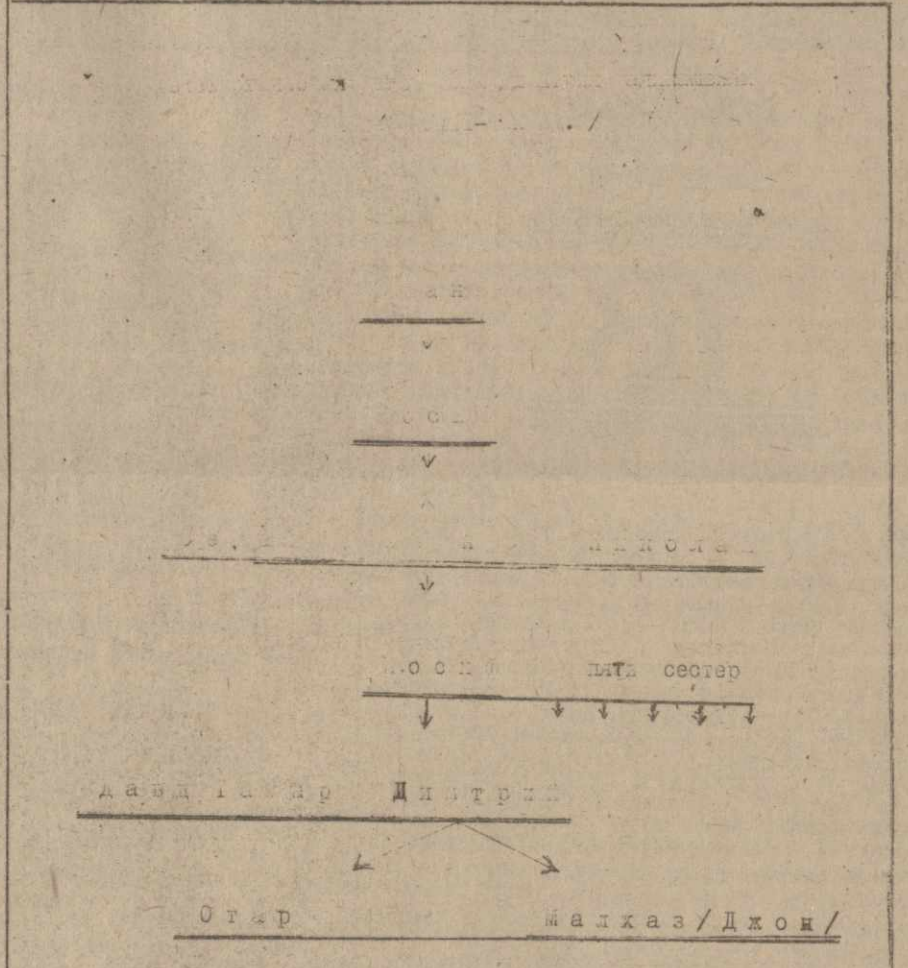
В СВОИХ «Воспоминаниях» Димитрий Шаликашвили рассказывает о своем детстве, родителях, близких, с большой теплотой описывает родные края, Гурджаани, его жителей. Встречаются ценные наблюдения о сельской жизни, взаимоотношениях крестьян и помещиков и др.

Привлекает внимание та часть мемуаров, в которой дана картина городской жизни Тбилиси начала XX века, ничто не ускользает от наблюдательного мемуариста (общественная и культурная деятельность, просвещение, театры, опера, выставки, торговля, ремесленное дело, улицы, караван-сарай, базары, бани и др.). Все это описано столь живо и красочно, что читатель как бы переносится в то время и приобретает к жизни города.

Большое внимание уделяет мемуарист русской — грузинским отношениям, Облудая и осуждая колониальную политику царского правительства в отношении Грузии, вместе с тем, он отмечает и положительные стороны. Вообще в этом вопросе суждения Димитрия Шаликашвили объективны, актуальны и сегодня, поэтому полагаем, что читателю будет интересно познакомиться с ними.

Публикуем I часть «Воспоминаний» Димитрия Шаликашвили.

Михаил СВАНИДЗЕ
Доктор исторических наук, профессор
Георгий ГАЧЕЧИЛАДЗЕ
Кандидат филологических наук

1. Михайловский проспект — пр. Давида Строителя.
2. Кирочная ул. — ул. Марджанишвили.
3. Эриванская пл. — пл. Свободы.
4. Царские Колоды — Дедоплис Цкаро.
5. Ксеньевская ул. — ул. З. Чавчавадзе.
6. Андреевская ул. — ул. Тевдоре Мгелели.
7. Дворцовая — начало пр. Руствавели.
8. Головинский пр. — пр. Руствавели.
9. Храм славы — Художественная галерея на пр. Руствавели.
10. ул. Петра Великого — ул. Ингорюва.
11. Давидовская пл. — пл. около нижней станции фуникулера.
12. Армянский базар — ул. Деселидзе.

ВОСПОМИНАНИЯ ДИМИТРИЯ ШАЛИКАШВИЛИ

К прекрасным словам забытого мыслителя я, со своей стороны, присовокуплю тихую молитву, чтоб Providence дозволило мне передать надлежащим образом свои воспоминания. Видел я на своем веку много интересного, и мне кажется, как мне кажется, не только для меня, но и для иных и прежде всего для моих братьев-грузин.

Уносьте моя протекала в годы русского владычества на Кавказе, видел я и эпоху нашей независимости. Многие годы прожил в возмужавшей после долгой неволи Польше. Знаю и пережившую небывалую военную катастрофу Германию, разоренную и разбитую, но не терпящую себе в свой силы и в свое высокое предназначение. Знаю и Соединенные Штаты Северной Америки, могущественнейшее государство нашей эпохи, считающее себя предназначенным руководить судьбами мира. Пережил я две мировые войны, в которых принимал личное участие, пережил тоже и революцию со всеми ее последствиями.

За жизнь нашего поколения произошли грандиозные сдвиги экономического, политического и социального порядка. Прогрессом небывалое в истории человечества развитие техники. Все это, вместе взятое, внесло коренные изменения в жизнь людей и народов, а без преувеличения можно сказать, что за последние 50 лет, во многом имевшим и духовный и материальный характер, произошли большие перемены, чем с времен эпохи Возрождения до начала нашего 20-го столетия.

Хорошо, когда известная эпоха освещается не только историческими материалами в узком значении слова, но и воспоминаниями современников. Эти разные по форме источники освещают события каждый по-своему, дополняют друг друга и дают нам более полную картину.

При составлении воспоминаний весьма важным является умение подходить ко всем событиям и эпохам с одинаковой беспристрастностью и применять во всех случаях одну и ту же меру оценки. Это отнюдь не так просто. Уносьте мыслями в прошлое и вспоминай времена, когда нам лично было хорошо, нам часто начинает казаться, что и времена эти были хороши. Вспоминая мое счастливое

детство, старался я отнестись критически к той эпохе, в которой оно протекало, и не видеть в ней одно только хорошее. И так же старался я не приписывать исключительную вину за постигшие меня неудачи на времена, когда они меня постигли.

В начале новых воспоминаний, приводя имена людей и названия местностей, сохранил их русифицированную форму, бывшую в то время в общем употреблении.

Многое, о чем пишу, может нам сегодня показаться архаичским и уже неинтересным, многое может нас даже раздражать. Считаю, однако, целесообразным ничего не пропускать, чтобы лучше передать колорит эпохи.

Пишу воспоминания мои по-русски, а не по-грузински. Это тоже характерно для минувших уже, к счастью, времен, да и не только для них, но и для всей истории нашего народа. В прошедшие века, вероятно, нашлось бы немало грузин, которым легче было высказывать свои мысли хотя бы по-персидски, чем на родном и языке.

Ноябрь 1956 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВОСПОМИНАНИЯ

И шли передо мной
в лучах воспоминаний...
Надсон

Грузия славится красотой своей природы. Отдельные ее провинции, не уступая ни в чем одна другой, имеют, однако, свои индивидуальные особенности. Помедам ниже краткое описание природы Кахети.

Надеясь, что представители иных частей страны последуют нашему примеру и мы общими усилиями создадим панораму прекрасной Грузии.

Д. Ш.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Приезд в деревню

Приехали мы поздно вечером, и после утомительного и полного тревожений дня я вскоре заснул. Спал я беспорядочно, но зато, когда я проснулся на следующее утро и вышел на балкон, глазам моим представилась такая бесподобная по своей красоте картина, что нужна была бы кисть большого художника, чтоб соответствующим образом нарисовать ее. Думаю тоже, что если б на свете существовала идеальная красота, не была бы она намного лучше того, что дает нам божественная Кахетия.

Дом наш стоял на возвышенной, холмистой местности. Впереди открывалась глубокая, на 30 верст, равнина, за которой тянулся Кавказский хребет. Смотри по сторонам, не видно было конца этой равнины. Не было нигде следа человеческого жилья и ничто не нарушало девственной красоты природы. Вдали серебряной лентой вилась Алазани, за ней, в некотором отдалении, вырастал величавый горный хребет. Подножья гор были покрыты лесами, далее начиналась полоса бурого-серых скал, и все завершалось полосой горных вершин, покрытых вечными снегами. Зидны были гиганты Казбек, Эльбрус, Барсело и многие иные на всем пространстве от моря до моря. Особенно красивы вечера вечера с игрой лучей заходящего солнца на снежных вершинах.

Что делало картину бесподобной, это то, что во всем были правильные пропорции, правильные расстояния и перспективы. Горы были в таком отдалении, что не давила своей массой, но вместе с тем не так далеко, чтоб потерять что-нибудь из своего величия.

Димитрий Шаликашвили

Продолжение на 9-й стр.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!
К сожалению, в микрофильме оригинала «Воспоминаний» отсутствует 30-я страница.

ВОСПОМИНАНИЯ ДМИТРИЯ ШАЛИКАШВИЛИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

3 февраля 1896 года у князя Иосифа Ивановича Шаликова и законной жены его, Нины Дмитриевны, родился сын Дмитрий. Так значится в свидетельстве Грузино-Имеретинского Святейшего правительствующего Синода Котеры, а новонарожденным младенцем Дмитрием был пишущий эти строки.

Родился я в старом прекрасном Тифлисе в одном из домов Михайловского проспекта, того самого, что наши меньшевики в эпоху независимости переименовали в проспект Плеханова и доказали тем свою неизменную преданность вождям российской социал-демократии.

Принято обыкновенно начинать повествование о своей жизни с первых младенческих воспоминаний.

Мое первое воспоминание, а, вернее, уже только воспоминание о воспоминании, это высоко протянутый парусиновый навес, защищающий находящийся под ним от палящего солнца.

В 1898 году мать наша с нами, тремя детьми: моим старшим на десять лет братом Давидом, сестрой Тамарой и мной выехала во Францию. Ехали мы из Батума в Марсель на французском пароходе, и вот протянутый над палубой полосатый навес неизвестно почему произвел на двухлетнего ребенка неизгладимое впечатление, затмившее собой иные и, наверное, более интересные события и предметы.

Сестру мою, когда она была еще совсем маленькой, князь по неосторожности уронил на землю, и после этого у нее началось искривление позвоночного хребта. Местные врачи ничем не могли помочь, и родители мои, еще до моего рождения, возили ее к известным немецким специалистам. Те тоже ничего не сделали, и вот теперь в Тифлис дошли сведения, что на севере Франции в курорте Бэрк-Пляж живет знаменитый доктор Калло, совершающий чудеса с пациентами, страдающими болезнями позвоночника. Полные надежды, родители решили поручить ему лечение моей сестры.

6 лет прожили мы в Бэрке, и надежды наши не были обмануты. Тамара после продолжительного и, правда, довольно мучительного лечения совершенно поправилась и, смотря на нее, никому бы и в голову не пришло, что в детстве она имела искривленный позвоночник.

Хотя мы и жили за тридевять земель от Тифлиса, но совершенно не чувствовали себя оторванными от родной обстановки. Отец приезжал к нам несколько раз на более или менее продолжительное время. Кроме того, нас навещали сестры матери, которые довольно часто приезжали во Францию. Хорошо помню приезды тетей княгини Тамары Кильдишовой, а также брата матери, Гиви Старосельского. Одна из сестер матери, Елизавета, была замужем за французом, инженером Пелладо. Работал он в свое время на нефтяных промыслах в Баку, познакомился с тетей Лизой и они поженились.

Имели они двух сыновей, из которых старший был моего возраста. Жили они в Виши, куда мы как-то поехали их навещать. Сам Пелладо был милейшим человеком, большим фантазером, весьма предприимчивым, но, к сожалению, очень неудачным делом. Был он всегда в ожидании разбогатеть, но до самой смерти это ему не удавалось. Когда мы были у них в Виши, был он всецело погружен в грандиозные планы постройки новых кварталов города. Кварталы эти действительно были построены, но разбогател не он, а кто-то иной.

Приезжала во Францию и младшая сестра матери, тетя Кегуля, муж которой симпатичный, но беспутный князь Залико Баратов был усердно занят специальным разстраиванием своего богатейшего в 10 тысяч десятин имения. После одного из приездов вернулись они домой с купленным в Париже автомобилем и произвели поистине сенсацию в Тифлисе, так как автомобиль их был, пожалуй, первым, показавшимся на тамошних улицах.

Брат Давид достиг вскоре того возраста, когда нужно было серьезно подумать об его подготовке в гимназию. Выясло это сделать вышедший в то время в Париже студентом, а позднее видный грузинский политический деятель Дмитрий Андреевич Деканозов. Прожил он с нами года два, до самого того момента, когда Давид в 1902 году уехал в Тифлис, где с успехом сдал экзамены в пятый класс и поступил во Вторую мужскую гимназию. После этого Дмитрий Андреевич вернулся обратно в свой парижский университет, оставшись мы, однако, большими друзьями.

Первое время при мне была княжна из Тифлиса, но ее вскоре охватила тоска по родине, и ее пришлось отправить обратно домой. Уехала она, наверное, с кем-нибудь из наших родственников, возвращавшихся в Тифлис. Трудно иначе вообразить, как бы она могла совершить далекое путешествие, не зная ни одного иностранного слова.

В это время к Тамаре и ко мне пригласили англичанку-гувернантку, мисс Матюс. Было это еще до отъезда Давида, но он, как уже намного старший, был более самостоятельным и брал только уроки английского языка, мы же с сестрой находились всецело под двойной опекой матери и гувернантки.

Так жили мы своим маленьким кружком, довольные собой и окружающими, занимали мы просторную и очень хорошую виллу, расположенную в большом саду.

Некоторое время в Бэрке жили две тифлиские дамы с большими сыновьями. Были они привлечены туда сведениями об удачном лечении Тамары. Были это вдовы двух двоюродных братьев и носили одну и ту же фамилию — Битутлиских. Одна из них была по рождению русская, другая армянка, одна красивая, другая нет, и обе недолгобывали друг друга.

Однажды появился на горизонте и некто Гогоберидзе, приехавший во Францию из Кутаиса. Был это человек уже пожилой и занимал какую-то важную должность по ведомству народного просвещения. Был он в Париже и приехал на несколько дней на наш курорт навестить свою милую знакомую, мадам Битутлискую-красивую.

В Бэрке был великолепный пляж, и все летние, теплые дни проводили на нем, купаясь и греясь на солнце. Была у нас там хорошая кабина, где мы держали вещи, а во время дождя находились приют. Зимой мы тоже не сидели дома, совершали мы ежедневно большие прогулки. Имели мы крытый брезентовый вершок шарабан, в который был запряжен медленно шагающий симпатичный старый осел.

Бэрк в то время был сравнительно небольшим курортом, людей было мало, и никто друг другу не мешал.

Имея воспитательницу англичанку, первым языком, на котором я научился читать и писать, был английский, в этом отношении судьба была ко мне не особенно милостива. Предназначила она для меня науку на одном из самых трудных языков для начинающего. Долгое время мне было совершенно непонятны грамматические комбинации и сложная техника соединения различных букв для получения одного какого-нибудь звука. Дело осложнялось еще тем, что в разных словах те же самые звуки создавались при помощи иных комбинаций, и все это нужно было заучивать наизусть.

Читали мы обыкновенно сборник коротких рассказов поучительного содержания. Рассказ, который мы почему-то часто перечитывали и который я от всей души ненавидел, был о библейском Иосифе. Когда дело доходило до него, я начинал горько плакать. Слезы мои были тем более горючи, что плакал я не только над печальной судьбой проданного в рабство Иосифа, но и над самим собой, принужденным сидеть за нелюбимой наукой.

В один из приездов отца устроили мы пикник, съезжав куда-то на целый день. На углях костра жарились прелюсные шашлычки, которые мы ели с большим аппетитом. Был это один из тех редких случаев, когда на французской земле жарились кавказские шашлычки. Случай эти сделали гораздо более частыми много лет спустя. Когда во время второй мировой войны во Франции появились грузины-легенеры, по иронии судьбы стоящие здесь на страже Атлантик Валла и равных немецких завоеваний.

Недалеко от Бэрка находился дом знаменитого творца повестей научно-фантастического содержания Жюль Верна. Я был еще мал, чтоб читать его рассказы, но мне было внушено, что дом этот принадлежит великому человеку.

Первые три года жили мы лето и зиму в Бэрке, выезжая оттуда только на короткое время. Помню Парижскую всемирную выставку 1900 года, на которую мы попали во время одного из наших выездов. Больше всего впечатления на меня произвели роскошные иллюминации изогнутых фонтанов и искусственных водопадов.

Последние две зимы провели мы в Швейцарии на берегу Женевского озера в Кларан, недалеко от Веза. Была это в высшей степени живописная местность, где, как везде в Швейцарии, природа создала счастливые соединения величественных гор и чудных озер. Вся окрестная местность была неоднократно посещена и описана в художественных произведениях различных народов. Читая эти описания, уношуся всегда мыслями в тот прекрасный уголок, о котором сохранил самые теплые воспоминания, как о чем-то близком и бесконечно милым.

Одну зиму провела здесь с нами тетя Тамара Кильдишева с дочерью своею Ниной. Оба ее сына были в то время в Петербурге, где обучались в лицее.

К этому времени относится мое первое посещение кинематографа. Было это, пожалуй, первое представление присутствующих, и нашей семьи, но и для огромного большинства присутствующих. Кинематографическое искусство только что зарождалось. Представление происходило в какой-то зале, специально на это время приспособленной для сеансов. Показывался полет на Луну, согласно

известной повести Жюль Верна. Фильм произвел на всех большое впечатление, в особенности же на детей, которые не столько прониклись уважением к техническим чудесам новонарождающегося искусства, сколько были охвачены страхом от самой мысли летения куда-то в темное пространство.

Тут же в окрестностях Кларан, были мы свидетелями интересной встречи. Во время прогулки по горам увидели мы двух монахов, сидящих на придорожной скамейке. Оказались они близкими знакомыми мисс Матюс по Южной Африке, где последняя прожила несколько лет в качестве воспитательницы одной из капштатских женских школ. Провела она весь следующий день со своими старыми друзьями. Что они делали в Швейцарии и каким образом попали туда из далекого Трансвааля, не знаю. Очевидно английским монахиням тоже была присуща отличительная черта их народа, глоботорство. Встреча эта доказала также, что хотя еще и не было преиспущающих скорость звука самолетов, но расстояния постепенно теряли свое значение, и земной шар делался весьма небольшим.

Зимы, проведенные в Швейцарии, были очень приятны. Совершали мы частые экскурсии в горы и много занимались саночным спортом. Ранней весной, после того, как растаяли последние снега, все покрывалось морем нарциссов, ослепляющий аромат которых наполнял воздух.

Осенью 1903 года окончился курс лечения Тамары, и мы могли вернуться к себе в Тифлис. Сестре предписано было еще каждые несколько лет приезжать в Бэрк, показываться доктору. Была она теперь совершенно здорова и при позднейших приездах к доктору Калло ничего плохого никогда не было замечено.

Перед возвращением в Тифлис остались мы на некоторое время в Париже. Были мы теперь втроем. Давид уже давно нас покинул, а мисс Матюс, выехав осенью в отпуск к себе в Англию, опасно там заболела и не могла к нам вернуться.

Приятно протекала наша жизнь в Париже. Общее внимание было тогда занято известиями, приходящими с Дальнего Востока, где только что вспыхнула русско-японская война. Газеты полны были сведениями, касающимися тамошних событий. Поразило всех, как нечто совершенно неожиданное, известие о катастрофе русского флота под Порт-Артуром. Французская пресса уделяла много внимания всем этим событиям, которые действительно оказались чрезвычайно важными для всего света последствиями.

На меня, правда, большое впечатление производили иные события, хотя и менее значительные, но непосредственно меня касавшиеся. К этому времени относятся мои первые посещения театра и цирка. В этом отношении мне, конечно, повезло, так как происходило это в Париже и лучших представлений нельзя было и пожелать.

Встречались мы часто с семьей Барских, с которыми познакомилась и подружилась в Бэрке. Сам Барский был евреем, уроженцем Одессы, жена же его — русская немка. В молодости он был замешан в каких-то беспорядках и принужден был скрываться за границей. Теперь работал он в качестве инженера при газовом заводе в Париже. Мадам Барская была массонисткой, и летний сезон проводила в Бэрке, где работала при клинике доктора Калло. Имели они дочь, Мариану, которая была в моем возрасте. Были они очень милыми людьми, с которыми мы рады были встречаться теперь в Париже.

Приятную нашу жизнь в Париже прервало неожиданное известие о том, что отец опасно заболел, и мы, не задерживаясь, выехали в Тифлис. Не суждено нам было, однако, застать отца в живых, болезнь подточила его силы в несколько дней.

На станции Евлаха встретила нас сестра отца, княгиня Тамара Сумбатова, которая сообщила, что отец накануне скончался. Было это для меня, впервые переживавшего нечто подобное, чем-то так поразительным, что не вмещалось в голову и казалось вообще невозможным. Был даже момент, когда я поверил, что совершилось чудо, и известие о смерти отца оказалось ложным. По приезде в Тифлис, в передней нашей квартиры встретил нас некто так похожий на отца, что я на один момент поверил, что он живой стоит перед нами. Надежды мои, однако, скоро рассеялись, а вместе с ними была подорвана вера в чудеса. Был это не отец, а его дядя — князь Заал Ношрванович Чавчавадзе.

Не сыграл он особенной роли в моей жизни, а посему скажу теперь несколько слов о нем, чтоб уже больше к нему не возвращаться. Был он довольно легкомысленным, но интересным человеком, который, несмотря на то, что не отличался особенными достоинствами, возбуждал к себе симпатии и любовь окружающих.

Мать его, княгиня Сопо, была женщиной религиозной. В ее спальне под образами к стене была прибита копилка, куда она собирала деньги, которые ежегодно в день Храмового праздника жертвовала на деревенскую церковь. Накануне одного из этих праздников, открыв копилку, она нашла в ней вместо денег расписку, подписанную ее сыном, а выставленную на имя того святого, в честь которого была построена церковь. В расписке значилось, что раб Божий Заал взял такую-то сумму, которую за него заплатит его мать.

В молодости служил он в армии, причем рассказывали, что во время русско-турецкой войны 1877 года он перешел на сторону турок. Те его встретили с почетом, но потребовали, чтоб он принял мусульманство. Когда он отказался это сделать, турки выдали его обратно русским. Было ли так в действительности, не ругаясь, возможно, что кое-что прибавлено к его настоящим похождениям, а кое-что изменено, но, зная хорошо душу Залико, совершенно не был бы удивлен, если бы все это оказалось правдой.

Как рассказывали дальше, проделка его прошла для него относительно безнаказанно, его только исключили из рядов войска. Не знаю, чем объяснить такое милостивое к нему отношение. Возможно, что нежелание отречься от христианской веры в глазах, решающих его судьбу, было чем-то таким достойным, что искупило все его остальные грехи.

Женат он был на богатой русской помещице, с которой, однако, скоро разошелся. Трудно сказать, с чего он дальше жил, имея свое он давно уже продал и доходов никаких не получал. Полагаю, что ему помогали друзья и знакомые. Умер он уже глубоким стариком в дни независимости Грузии.

Имел он двоих детей, сына Алеку и дочь Низу. Сын его служил в России, дослужился до чина полковника и в Грузии никогда не бывал. Низу мне пришлось встретить в 1940 году в Варшаве. Была она тогда уже старушкой-вдовой. Попала она в Варшаву во время войны. Следы о ней потерялись во время восстания 1944 года, и надо полагать, что она тогда погибла.

Вернемся, однако, к событиям далекого 1904 года.

Похоронили отца в нашем имении Гурджаани. Тело из Тифлиса повезли на пришедшей из деревни арбе. Видно, того, что нужно было ехать больше ста верст, траурное путешествие продолжалось три дня.

Похоронили отца, согласно его желанию, в маленькой часовне в густом лесу нашего имения. Часовню эту отец отремонтировал, и вот теперь в ней поместили на вечный покой его прах.

Много таких часовен и церквей находилось в лесах и на холмах Грузии. Кто их строил и в какие времена, покрыты мраком неизвестности. Никто о них уже не заботился, и они постепенно превращались в развалины.

Горестивый чин погребения совершал наш деревенский священник, отец Полз. На похороны я не присутствовал. Мать, очевидно, полагала, что они произведут на меня слишком сильное впечатление. Остался я в Тифлисе с двоюродной сестрой Кильдишовой, которая вместе со своей матерью проводила эту зиму в Тифлисе и которую тоже не звали в Гурджаани.

После смерти отца остались мы еще месяца два в городе, а затем уехали к себе в деревню.

В продолжение этих двух месяцев со мной произошло важное событие, оказавшее влияние на всю мою дальнейшую жизнь. Осознав я себя тогда впервые грузином. Пока мы жили во Франции, сознания принадлежности к какому-нибудь определенному народу у меня не было. Знал я, что я не француз, а иностранец, и этим дело ограничивалось. Теперь при приезде в Тифлис, попав в грузинскую среду, почувствовал я себя грузином. Было это нечто естественное, что пришло само собой и осталось у меня на всю дальнейшую жизнь. Впоследствии задумываясь я над тем, что было бы, если б я попал тогда в менее грузинскую обстановку, а могло это легко случиться. В то время в Грузии, по крайней мере в ее восточной части, были слои общества, постепенно терявшие духовную связь со своим народом и национальной культурой и обрусевавшие.

Услышанный однажды разговор о печальных последствиях, какие влечет за собой обрусение, привел меня в волнение. Мне, только недавно осознавшему свою принадлежность к грузинскому народу, стало жутко при мысли о том, что народ этот может быть, как мне тогда казалось, поглощен русскими. Решил я просить помощи у Бога. К вечерней молитве прибавил я короткую просьбу о том, чтоб Бог спас Грузию. Вошло это у меня в привычку, и уже взрослым продолжал я это вплоть до светлого Дня 26 Мая, когда решил, что Господь уже исполнил мою просьбу. Начал я снова молиться после катастрофы 21 года и продолжал это долгие годы.

К этому же времени относится то, что можно назвать моим первым уроком грузинского языка. Ехал я на извозчике с одной из княжен Сумбатовых. Поднимались мы по Верийскому подъему, и она спросила меня, как по-грузински называется кислое молоко. Мне хотелось ответить, что называется оно мацони, но я не был вполне уверен, не есть ли это русское название, и поэтому сказал, что не знаю. Таким образом, мацони было первым словом, которое я узнал из моего родного языка. Все эти события казались мне тогда, восьмилетнему ребенку, чем-то очень важным и на всю жизнь врезались в память.

Раз уж разговор зашел о Верийском подъеме, мне хотелось бы сказать несколько слов об этом названии. Ничто, кажется, как следует не знал, называется ли он подъемом или спуском. Люди, жившие в верхней части города, называли его обыкновенно спуском, те же, кто жил за Курой, в Куки, называли его подъемом. Известную роль играло и то, кто куда шел или ехал, если в гору, то называл его подъемом, если спускался с горы, — спуском. Самыми хорошими судьями в этом вопросе были бы несчастные лошади, которые, надвываясь, тащили на гору переполенные ягнцы монки.

Мы в то время жили за рекой на Кирочной улице, у самого берега Куры, где-то напротив Летнего кружка, а потому, говоря о событиях того времени, говорю Верийский подъем.

Княжна Сумбатова, которая дала мне первый урок грузинского языка, имела брата и четырех сестер. Покойная мать их была урожденная Светлейшая княжна Грузинская и происходила по прямой линии от царя Ираклия. Старшая и младшая из сестер были фрейлинами императрицы, но, несмотря на это, много времени проводили в Тифлисе.

Их дом был, кажется, единственным в то время, где висел большой портрет царя Ираклия, писанный масляными красками. Если и были иные дома с портретами грузинских царей, мне во всяком случае таких не пришлось видеть. Полагаю также, что портрет царя Ираклия у Сумбатовых не являлся показателем их высокого национального самосознания, а висел исключительно с той целью, чтобы подчеркнуть их родственные связи с царями.

Сумбатовы жили на Эриванской площади, где имели большой дом. Во время нашей независимости продали они его, и там была открыта гостиница. Таким образом, еще один старый дом перешел в чужие руки, хорошо еще, что купил его кто-то из грузин.

Поехали мы как-то с матерью за город на Тамамшевскую мельницу. Проводила там лето пожилая мать генерала. При мельнице был большой сад, в котором был расположен старый просторный дом. Тамамшева была очень мила, пользовалась симпатией тифлиского общества, и когда выезжала на лето на мельницу, ее там многие навещали. Тамашевы, хотя и являлись частокровными армянами, но держались гораздо ближе грузинского и русского общества, чем своих армян. Не были они в этом отношении исключением, много иных армянских дворянских семей поступали тем же образом. Генерал Тамашев был женат на грузинке-католичке Лизете Зубаловой. Был он директором Казенного театра, как тогда называлась тифлисская опера.

Провели мы в Тифлисе месяца два, после чего выехали с матерью в Гурджаани. Давид поехал туда несколько раньше, а сестра Тамара была в гостях у тети Тамары Сумбатовой в Царских Колодах — Тукурмиши.

В то время еще не было Кахетинской железной дороги. Начали ее строить незадолго до первой мировой войны, а открыли для движения уже во время самой войны. Путешествие совершалось на лошадях. По дороге были разные станции на расстоянии 15—20 верст одна от другой, там менялись лошади. Кучера-ямщики были по большей части русские — молокоане, а также армяне. До Гурджаани было 100 верст, и путешествие длилось целый день. Забавно одновременно приходила из деревни арба, на которой отсылались весь тяжелый багаж, на ней же ехала часть прислуги. Остальные служащие ехали на дилижансе. Мы с матерью совершали путешествие в коляске, имея с собой кого-нибудь из прислуги на козлах. В этот первый переезд ехал с нами молодой Еремей Цатурваши, которого судьба надолго связала с нами и которого мы все очень любили. Лучшим показателем наших к нему отношений служит, пожалуй, тот факт, что сегодня после пятидесяти с лишним лет среди немногочисленных предметов, сохранившихся у меня с прежних времен, находится и его маленькая вышитая фотография.

В назначенный день и час, после волнительных ожиданий, все было готово, и мы выехали. Дорожная коляска не имела резинных шин, и пока мы ехали по городским улицам с их булыжной мостовой, изрядно тряслось. Стало лучше после выезда на шоссе, к тому же все кругом было для меня так ново и интересно, что я перестал думать о тряске. Ехали мы благополучно, пока на одной из станций не увидели в высшей степени неприятное зрелище: кучера какой-то коляски, державшегося рукой за окровавленное лицо. Оказалось, что его избил пассажир, которого он вез. Зрелище это было для меня, недавно приехавшего из Франции, чем-то необыкновенным и в высшей степени отталкивающим.

В Гурджаани попали мы поздно вечером, когда было совершенно темно. После ужина Давид вывел меня во двор. Мне, первый раз появившемуся в деревенскую обстановку, все казалось таинственным и страшным. Дунал я, что вокруг нас находится всеобщее животное, и был этим очень взволнован. В действительности вокруг нас вертелись, наверное, не три бесовские собачки, так как злые собаки бывали спускаемы с цепей уже после того, как все на ночь возвращались домой.

После утомительного и полного тревожений дня я сразу заснул. Спал я беспорочно, но зато когда проснулся на следующее утро и вышел на балкон, глазам моим открылась такая бесподобная по своей красоте картина, что княжна бы кисть большого художника, чтоб соответствующим образом нарисовать ее. Думаю то же, что если б на свете существовала идеальная красота, не была бы она намного лучше того, что дает нам божественная Кахетия.

Дом наш стоял на возвышенной, холмистой местности. Вперед открывалась глубочайшая, на 30 верст, равнина, за которой тянулся Кавказский хребет. Смотри по сторонам, не видно было конца этой равнине. Не было нигде следа человеческого жилья, и ничто не нарушало девственной красоты природы. Вдали серебристой лентой висела Алазани, за ней в некотором отдалении вырастал пеленавый горный хребет. Подолга гор покрыта была лесами, далее начиналась полоса бурого-серых скал, и все это завершалось полосой горных вершин, покрытых вечными снегами. Видны были гиганты — Казбек, Эльбрус, Варбало и многие иные на всем пространстве от моря и до моря. Особенно красивы были вечера с игрой лучей заходящего солнца на снежных вершинах.

Что делало картину бесподобной, это то, что во всем были правильные пропорции, правильные расстояния и перспективы. Горы были в таком отдалении, что не давили своей массой, но вместе с тем не так далеко, чтоб потерять что-нибудь из своего величия.

Как я говорил выше, между нашей усадьбой и горами не было было человеческого жилья. Деревни в этом районе находились на одной линии с нами, на востоке ближайшими селами были Виджани и Вакурцихе, на западе — Велисцихе.

Усадьба наша находилась между самими Гурджаани и Котехами. Была она совершенно отделена от обеих глубочайших, покрытых лесом оврагами, по которым протекали две горные реки, соединявшие там, где кончалось имение, и текущие дальше по направлению к Алазани. Сама усадьба тоже была покрыта в большей своей части густым нетронутым лесом. Одна из рек, а вернее, горных потоков, отделяющих наше имение, называлась Навтисхеви, и вода в ней имела вкус нефти. Сама усадьба переходила постепенно в ряд невысоких гор-холмов, закрывавших горизонт и отделявших нас от Пховеи и нижних деревень Унаатхари.

Обе реки, между которыми лежало наше имение, придавали ему своеобразную форму, отчасти напоминавшую околос. В стародавние времена сыграло это известную роль при разрешении одного конфликта, который мог бы окончиться печально. Перед тем, однако, как рассказывать о нем, хотел бы сказать несколько слов о том, каким образом мы, Шаликашвили, попали в Кахетию.

Кольбелью нашего рода является старая Месхетия. После завоевания южной части Грузии турками Шаликашвили переселились в Карталию, где им были пожалованы Скра и окрестные деревни. Прадед мой, князь Иосиф, в самом начале 19-го столетия женился на княжне Андрониковой и получил в приданое за ней часть общедворянского имения. Таким образом, дети, их, мой дед и его два брата, стали одновременно владельцами земель в Кахетии и имения в Скра. Прадед купил у одного из Чавчавадзе участок земли в 300 десятин, на котором впоследствии возникла наша усадьба. Вот при объяснении того, каким образом, в центре андрониковских земель мог найтись участок, принадлежащий Чавчавадзе, вернемся к упомянутому конфликту.

Было это в давно прошедшие времена. На Пасху один из чавчавадзских крестьян нес своему помещику в подарок поросенка. По дороге встретил его кто-то из Андрониковых, у которого аромат жареного поросенка возбудил такой аппетит, что он, не задумываясь, отрезал от него ногу, которую тут же съел. Когда перед Чавчавадзе предстал его крестьянин с искромсанным даром, сел он его за кровавую обиду, и дело грозило принять опасный оборот. Обо всем этом узнал вбегая царь и рассудил дело по-соломоновски. В наказание за то, что Андроников отрезал ногу от поросенка, от его имения был отрезан участок соответствующей формы и отдан Чавчавадзе. На этом стороны примирились.

У прадеда моего было три сына: Семен, Иван и Николай. Все трое, как полагалось в те времена, служили в войске, все трое принимали участие в кавказских войнах и все трое погибли во время этих войн. Были они Георгиевскими кавалерами, оба старшие дослужились до генеральских чинов, младший же, Николай, был убит еще совсем молодым в чине майора.

Семен был первым военным губернатором Горного Дагестана и был убит во время восстания, Иван умер от ран, полученных в боях, а Николай был убит при взятии Карса.

В связи с его смертью рассказывали следующее. Будучи в отпуску у себя в Виджани, проходил он мимо деревенской церкви, откуда услышал крики и споры. Это его заинтересовало, и он вошел узнать, в чем дело. Оказалось, что происходит спор между

(Продолжение на 10-й стр.)

ВОСПОМИНАНИЯ ДИМИТРИЯ ШАЛИКАШВИЛИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

крестьянском, пришедшим венчаться, и священником. Не могли они согласиться насчет того, сколько следует заплатить за обряд венчания. Дед выслушал обе стороны и решил, что священник запрашивает слишком много. Выгнал он его из церкви, наложил на себя крест и сам повенчал крестьянскую пару.

За такой святотатственный поступок виновного ожидало самое суровое наказание. Дело дошло, однако, до сведения императора Николая Павловича, который не желая гибели молодого выдающегося офицера, соизволил наложить на него, наказание собственной властью без предания суду. Наказание заключалось в том, что деду Николаю за профанацию обряда венчания запрещалось на определенное количество лет вступать самому в брак. Когда ему была объявлена Высочайшая Воля, он, не задумываясь и не откладывая дела в долгий ящик, венчался со своей соседкой, княжной Андрониковой.

Положение стало теперь действительно серьезным. Против деда были уже церковные власти, а своим новым поступком рисковал он навредить на себя справедливого гнев императора, который, как известно, путить не любил. Рачизма получилась следующая. Чуть ли не во время брачного пира пришлось известить о начале военных действий против Турции, и дед должен был спешить, догонять свой полк, выступивший на театр военных действий. Во время штурма Карса воевал он со своими людьми в крепость и был зарублен на неприятельской батарее.

Поспешную женитьбу деда можно объяснить или тем, что он уже был помолвлен со своей соседкой и спешил с ней теперь венчаться, пока ему в этом не помешают, или же тем, что он вообще считал наложенное на него наказание, запрещающее ему жениться, вмешательством в его личные дела и отнюдь не желал этому подчиниться.

Весьма возможно, что последнее соображение играло известную роль при принятии решения делом Николаем. Так, впрочем, полагала и рассказавшая мне обо всем этом тетя Джанджери.

В ее рассказе было, наверное, много неточностей, упрощений и преувеличений, но в основном не отходили они, полагаю, далеко от истины. Подобные акты несубординации и неподчинения властям не были редкостью в то время. Достаточно вспомнить поступки Захария Чачавадзе, Ивана Гивенчава Амилахвари и иных, а прежде всего легендарного храбра и будущего генерала Ясона Чачавадзе, который, будучи молодым офицером, не признавался схваченным за шашку, когда ему не понравился тон, каким генерал Муравьев отдаст ему приказание.

Офицеры-грузины представляли из себя первоклассный боевой материал, в особенности для специфических условий кавказских войн, жили они, однако, еще старыми традициями и духом наполненную феодальной Грузии 18-го столетия. Сражались они великолепно, потому что такова уж натура каждого грузина, а, кроме того, сражаться приходилось с некими врагами — турками и горцами. Многим из этих офицеров, в которых они принимали участие, казались продолжением боев царя Ираклия, где сражались их отцы и деды.

Взять хотя бы Ивана Малхазовича Андроникова. Мог он быть генералом русской службы, мог прожить долгие годы в Петербурге, но когда команду русским войскам, гримолит турок под Ахалциком, наверное, чувствовал себя грузином — вступком царя Соломона и помнил о печальной судьбе Самхеле-Саатабаго.

В грузинах-офицерах того времени еще не было общеперского, а тем более русского патриотизма, и отличались они существенно от будущих поколений своих чад обрусевших потомков.

Как бы то ни было, но братья Шаликовы пользовались заслуженной славой дельных и храбрых офицеров. Найдутся эпизоды, которые они из уст неизвестного мне грузина — пассажира Кахетинской железной дороги. В 1920 году ехал я из Тифлиса в Телав. Сидящие в соседнем купе завели разговор о кавказских войнах и о пользовавшихся славой изванных участниках их. Кто-то при этом начал старческим голосом прославлять боевые заслуги трех братьев Шаликашвили. Слова эти заставили сильнее загореться сердце их молодого потомка и, наверное, услышав были и речи в их одиночных мыслях.

Вдова деда Николая тетя Кэз пережила его на много лет. Скончалась она, когда я был еще маленьким ребенком, и я ее лично не помню.

Семен и Николай умерли, не оставив после себя потомства. Дед Иван был женат два раза. От его первого брака с Дарией Нопревановой Чачавадзе родился мой отец. Бабушка умерла при рождении отца. Через некоторое время дед женился вторично на Дарии Гумбатовне Чачавадзе, сестре знаменитого князя Захария. От этого брака имел он пять дочерей.

Когда отец подросток, его определили в Первый кадетский корпус в Петербурге. Послали его туда с целой группой подростков под опекой старого майора, уходящего в отставку и возвращающегося к себе на родину в Россию. В то время в Российской империи была так называемая Николаевская железная дорога, соединяющая между собой Москву и Петербург, а потому наши будущие дяди ехали до самой Москвы на фурунке. Путешествие длилось несколько месяцев.

Отец был еще в корпусе, когда наступила смерть деда. Было ему тогда 18 лет, оставил он корпус и вернулся в Тифлис. Впоследствии учился он в Ришельевском лицее в Одессе, служил некоторое время в войске и во администрации на Кавказе.

После деда осталось следующее наследство: Скря, кахетинское имение, участок земли на берегу Черного моря, пожизненное ему за боевые заслуги, и два дома в Тифлисе, один в старой части города против бывшего царского дворца, а позднейшей резиденции Эварха Грузини, и один — в новом городе. Имущество это было разделено следующим образом: отец получил любимое кахетинское имение, тетя Кэз со своими дочерьми — Скря и тифлисские дома. Не прошло и много времени со смерти деда, и имение в Скря было продано какому-то армянину, отпрыску там впоследствии консервную фабрику. После за имением пошли и дома. Кому был продан старый родовый дом, наверное, не знала и сама бабушка. Ее больше интересовали деньги, чем разные sentimentальные соображения.

С момента раздела имения потеряли мы всякую связь с Карталинией и стали всецело кахетинцами. Скря мне лично пришлось видеть только из окон поезда при поездках в Батум. Были там развалины старой башни, расположенной вблизи полотна железной дороги.

Отец был хорошим хозяином и свою часть имения не только не продал, но сделал из него для ее улучшения и поднятия доходности.

Вскоре после моего рождения был он избран членом предводителя дворянства. В семье нашей сохранилась память о том, как в 1901 году во время заседания Дворянского депутатского собрания, посвященного обсуждению вопроса об организации торжества по случаю столетия со дня присоединения Грузии к России, отец высказал мнение, что в связи с подобной годовщиной грузинам вряд ли подобает думать о торжествах. Высказывание подобных мнений требовало известного гражданского мужества и являлось показателем здорового национального самосознания.

После таких долгих отступлений вернемся снова к Гурджаани и нашему туда приезде.

Усадьба наша, как я говорил выше, находилась в отдалении от деревни и была довольно сильно заросшая. Отдаление от людского жилья принуждало, принимая известные меры предосторожности, которые заключались прежде всего в том, что надо было держать злых собак. Были это легионские овчарки, отличавшиеся большим ростом и силой. Часть из них находилась на свободе и была в дружеских отношениях с постоянными жителями усадьбы. Псторонних встречали они бешеным лаем, но никого не кусали. Роль их сводилась к постоянному наблюдению и предупреждению о приходе чужих. Другая часть собак сидела на цепи, так как они представляли собой серьезную опасность и загрызли бы не только псторонних, но и своих. Было их тогда две: Мурадхан и Мгело. Допускали они к себе только старую женщину, которая их кормила и в которой они приважили еще со своих щенячьих дней. Вечером, убедившись, что все дома, спускала она их с цепи, и после этого никто уж не мог выйти во двор. Собаки были наилучшей охраной, и, имея их, можно было спокойно спать. Кормили их раз в сутки кашей с салом.

Насколько ценные собаки были грозны, испытать я на себе, когда попал в пасть освободившемуся от приважи Мурадхану. С того времени прошло 50 лет, но до сегодняшнего дня у меня сохранились на предплечьях следы его зубов. Если бы в критический момент я не успел извернуться, он вскопал бы мне на грудь и разорвал горло. Подоспевшие на крик люди палками отбили меня от разъяренной собаки.

Когда Мурадхан и Мгело состарились, их перестали сажать на цепь. Место их заняли кандидаты на злых собак из молодого поколения. Мурадхан и Мгело со временем сделались совершенно спокойными и, по крайней мере, для своих, не представляли уже опасности. Я мог играть с ними и терзать, сколько хочу. Сделались мы, словом, добрыми друзьями после ожесточенной и, в буквальном смысле слова, кровопролитной войны.

Замечательны бывали щенята. Представляли они из себя маленькие пушистые клубки с парой светящихся хитрых глазенок. В раннем детстве оживала их болезненная операция, им нужно было отрезать, а вернее, отрубить уши. Делалось это для того, чтоб в случае нападения на них волки не могли схватить их зубами за уши. Раны после топорной операции зализывались паутиной, что останавливало кровотечение, и все скоро заживало. Через несколько

но дней щенки забывали не только об операции, но и о том, что у них когда-то были уши.

Учили их сторожевым обязанностям старые собаки. Видно, и учителя были хорошие, и ученики сообразительные. Последние быстро постигали премудрости сторожевой службы и знали, на что следует лаять и в каких случаях поднимать тревогу.

Волков было, правда, мало в наших лесах, но зато было много разного мелкого зверья: лисы, барсуки, дикие кошки. Фазаны подлетали чуть ли не под веранду и, если кого-нибудь боялись, то скорее собак, чем людей. Много крупного зверя было в Алазанских лесах. Были там олени, медведи, кабаны, барсы. Леса те были допотопные, девственные, и охота первоклассная. В прилегающих горах были горные козлы и бараны.

В Заалазанских лесах, ввиду их близости к Дагестану, в старые времена не было людских поселений. Впоследствии начали там строиться отдельные деревни. При этом вырубались чудные, вековые леса, и, за неимением дорог и возможности вывоза, тут же на месте сжигались высокоценные дубовые, каштановые и чинарные деревья.

Дом наш был небольшой. Был он построен еще при деде Иване. Поручил он подрядчику-армянину одновременно постройку трех одинаковых домов в Гурджаани. Скря и Виджини. Самому ему пришлось вскоре выступить в поход, и некому было следить за работой. Какими были два других дома, не знаю, в гурджаанском же, несмотря на то, что стены были толщиной чуть ли не в два аршина, в скором времени появились трещины, и нужно было его постоянно ремонтировать.

Позднейшая история виджинского дома была довольно оригинальной. Отец в свое время променял его и виджинские земли на участок, прилегающий к нашему гурджаанскому имению. Дом стал собственностью двух братьев Андрониковых, которые вначале жили в нем вместе. Впоследствии поссорились они между собой и приступили к разделу имения. Пока дело касалось земель, особых трудностей не возникало, когда же дошло до дома, один из братьев назвал другому потребовал, чтоб он был разделен пополам и то в буквальном смысле слова. Провели линию, делящую дом на две части, и потребовавший этого брат срыл свою половину до самой земли. Много лет спустя, когда мне пришлось его видеть, предостерегал он из себя все то же странное зрелище. Так и остался он разрезанным пополам, и он сам, и веранда, окружающая его, и все, что к нему относилось.

Несмотря на все недостатки нашего дома, был он весьма уютным, и мы его очень любили. Был он с трех сторон окружен верандой, на которой можно было сидеть, оставаясь целый день в тени.

К первому завтраку, или, как тогда было принято называть, к утреннему чаю, садовники по очереди приносили фрукты из своих садов. В зависимости от сезона, были это инжир, виноград, яблоки, орехи и иные. Завтрак состоял из самого чая, фруктов, хорошего свежего чурчхи с овечьим сыром, меда и орехов.

Дом был одноэтажный, причем ввиду недостатка почвы, под передней верандой находился вход в погреб. Здесь в летние месяцы жил забавный старичок-кичирок, Иван Давидович.

Весной, как только делало достаточно тепло, переселялся он под веранду и жил там до поздней осени, пока непогода не заставляла его вернуться обратно к себе в комнату. Как каждый порядочный кичирок, был он болезненно скуп и вечно боялся, чтоб кто-нибудь не забрался к погребу и не украл его запасов.

Был это старый инвалид, который в свое время, то есть лет пятьдесят перед описываемыми событиями, был денщиком у дедушки Семена. По-русски умел он только ругаться, но умел это, правда, в совершенстве. Не знал русского языка, требовал он, однако, чтоб его величали не иначе как по русскому способу Иван Давидович. Объяснить это следует, наверное, тем, что, когда он сделался генеральским денщиком, то достиг тем самым известного положения, и солдатская братия начала его почтительно называть по имени и отчеству. Теперь, на старости лет, требовал он, чтоб ему продолжали оказывать эти знаки уважения. Забавно было слышать, как рабочий, ни слова не говорящего по-русски, коверкал его имя, пронося его каждый на свой собственный лад.

Ворчал он целый день и то обыкновенно без всякого повода. Так, приход повара за провинцией портил ему настроение на несколько часов. В его распоряжении находилась, между прочим, кожа, из которой делалась бывшая в то время в общем употреблении обувь, каламаны, которую каждый мастерил сам для себя.

Когда кто-нибудь из рабочих приходил к нему за кожей, Иван Давидович выматывал ему душу. Осматривал он со всех сторон его старую обувь, ища в ней достаточное количество дыр. Если осмотры проходил благополучно, это еще не означало, что дело окончено. Теперь начинались споры относительно того, сколько нужно дать кожи. Все это сопровождалось непрерывными упреками и ворчанием. Люди его терпеть не могли, но побаивались, ибо старый генеральский денщик шутить не любил и в случае чего умел не только ворчать, но и проехаться палкой по плечам рассердившего его смеякача.

Когда мы сидели наверху, на веранде, начинал он ворчать на нас, причем делал это так громко, что мы могли его как следует расслышать. Ворчанье его всегда бывало на одну и ту же тему, на ту именно, что мы приезжаем в деревню только для того, чтоб съездить его запасов.

Управляющим я то время был милый Григорий, долгие годы служивший при отце. Как сейчас вижу его старую, но еще прямо держащую фигуру в серой череске, а в особенно жаркие дни — в одном только архадухе.

Характерной личностью являлся старый Иванко, помнящий еще времена крепостного права, о которых любил поговорить. Был он ровесником отца и товарищем его детских лет. Был он теперь садовником в одном из наших виноградников и считался своим человеком. В Кахетии отношения между помещиками и крестьянами в большинстве случаев были хорошие. Такой Иванко и вся его семья являлись для нас действительно близкими людьми. Дарили они нас теми же чувствами и знали, что в случае нужды могут обратиться за помощью и никогда не получат отказа.

Такие отношения существовали в Кахетии, не знаю, как было в иных частях Грузии. Не было так, во всяком случае, в Карталинии, где между помещиками и крестьянами никогда не было той близости. Слова мои находят, наверное, подтверждение в экспедициях, допущенных карталинскими крестьянами по отношению к помещикам во время обеих революций.

То, что отношения между кахетинскими помещиками и крестьянами были хорошие, объясняется главным образом тем, что Кахетия находилась вблизи Дагестана и в старые времена была под вечной угрозой легионских набегов. В случае опасности и помещики, и крестьяне выступали вместе против общего врага. Выработалось это в них чувство взаимной зависимости и солидарности. К тому же люди, воюющие плечом к плечу с общим врагом, делаются друг другу близкими, какого бы они ни были знания и состояния.

Жестокое помещики были редки и считались чем-то таким ненормальным, что вызывали к себе отрицательное отношение не только крестьян, но и своих же соседей-помещиков. В нашем районе сохранилась память об одном, давным-давно умершем жестоком Андроникове, и сохранилась именно как о печальном исключении.

Крестьяне в Кахетии были довольно состоятельными, ибо здесь достаточно было иметь хотя бы небольшой виноградник, чтоб прожить безбедно. В наших краях нельзя было найти чисто звериных берлог деревенских жителей Карталинии. Борчали и юго-восточной части Грузии. Крестьяне имели хорошие каменные или деревянные дома. Кахетинец в продолжение веков выработал в себе независимый характер и чувство собственного достоинства. Материальная обеспеченность его сыграла при этом, конечно, не последнюю роль.

Иванко, между прочим, был армянином. В Гурджаани и окрестных деревнях было сравнительно много армян. Когда и при каких обстоятельствах попали они сюда, не знаю, во всяком случае, считали они себя грузинами и отличались от коренных жителей только тем, что были армяно-григоряне, а не православные. Не имело это, правда, особого значения, ибо милейшие кахетинцы, какого бы они ни были происхождения, особенной религиозностью не отличались, в церковь обыкновенно не ходили, и религия вряд ли могла оказывать на них особенное влияние.

Работа над тем, чтоб возбудить национальное чувство в огрузинившихся и испокон веков живших в Грузии армянах, была начата армянскими кругами позже и имела в разных частях страны различный успех. В то время в Кахетии вопроса этого еще не существовало.

Гурджаани имели несколько тысяч жителей, но несмотря на это, считались простым селом и не имели ни почты, ни докторов. Почтово-телеграфная контора находилась в Велицких, а местопребывание ближайшего доктора было, кажется, в самом Ситнахе. В Гурджаани находилась только аптека с самыми примитивными лекарствами вроде хины и настоек. Аптекарем был некто Уназде, неудачник в своей профессии, живший здесь и извезающий род изгнания и вряд ли имевший много клиентов. Тогдашние кахетинцы считали самым действенным лекарством хорошее вино, которое, по их мнению, помогало при всех болезнях. В более серьезных случаях прибегали они к более крепким напиткам, вроде чачи-арак.

Когда мы приезжали в деревню, то всегда привозили с собой много лекарств, в особенности хины. Вся окружающая местность была малярийная, и было много больных этой изнурительной болезнью. Принято было не выходить после заката солнца, а если этого нельзя было избежать, то следовало одеть что-нибудь потеплее, чтоб не простудиться.

В Гурджаани жили несколько помещиков. Ближайшими к нам

были Иван Рамазович Андроников, проживавший с женой в районе будущей железнодорожной станции, и пожилая вдова, княгиня Кэз Чачавадзе, дом которой находился на западной окраине деревни. Ее единственный сын Мико сделался первой жертвой тифлисского трамвая, когда, вскакивая на ходу, попал под прицепной вагон, отрезавший ему обе ноги. Умер он от кровотечения.

Была у нас еще одна соседка, страстная любительница сардинок, про которую говорили, что она разорилась, удовлетворив свою гастрономическую страсть. Была в этом, возможно, и доля истины, так как деревенский лавочник умел, наверное, потребовать хорошую плату за привозные, заграничные лакомства.

Близлежащие помещики часто навещали друг друга. Любимым занятием при этом была игра в рамс. Не была это особенно сложная карточная игра, о чем можно судить хотя бы по тому, что, когда не хватало партнеров, меня сажали за доменный стол и я обыкновенно еще выигрывал, увеличивая тем мои карманные деньги.

У матери были всегда хорошие отношения с крестьянами, которые ее очень любили. Когда мы приезжали, появлялась масса крестьянок с приветствиями. Мать беседовала с ними, пила чаем, и все расходилось, довольные собой и окружающими.

Следует сказать несколько слов о гурджаанских лечебных грязях Ахтале. Уже гораздо позже там был устроен курорт, но мне его не пришлось видеть. В описываемое время под голым небом находилось несколько десятков земли, покрытых застывшей серой грязью, в которой были отдельные озера с довольно густой и изредка булкаяющей грязью. Озера эти были небольшие, по несколько саженей в диаметре. В одном из них, несколько большим, купались волы и буйволы. Грязь была настолько густой, что в ней нельзя было потонуть. Особенно любили купаться буйволы и охотнее остальных бы в грязи целый день. Люди купались в меньших озерах, причем женщины заворачивали все вокруг простынями и одеялами.

Грязи имели высокоцелительные свойства. Часто бывает, что когда людям приходится иметь дело с труднообъяснимыми силами природы, они создают разные фантастические предположения и теории. Так было и с Ахталой, с которой была связана легенда, гласящая о том, что на месте сегодняшних грязей в стародавние времена находилась церковь, которая за грешное поведение священника и прихожан провалилась в преисподнюю. На ее месте возникли ахталские грязи, имеющие прямую связь с подземным миром.

Каково было действительно происхождение этих грязей, не знаю, но кроме вышеуказанных целебных качеств, имели они еще и то свойство, что делали всю прилегающую к ним местность весьма хорошей для виноградарства. Вина из тамошних садов были одними из лучших в целой Кахетии и высоко ценились любителями. У нас там тоже был сад, назывался он Нижним в отличие от иных, находившихся в самом имении и лежащих несколько выше.

Как я говорил раньше, усадьба наша была сильно заросшая, причем лес подходил под самый дом и принимал здесь вид, несколько напоминающий парк. В более отдаленных местах носил он характер дикой природы с чудными вековыми деревьями, перевернутыми часто лианами.

О водопроводе не было и помину. Ближайший находился, наверное, в самом Тифлисе. В лесу было много родников с великолепной питьевой водой. Самый хороший из них назывался Бесариант Цкаро, откуда вода привозилась на ослах.

Ледника тоже не было. Вместо этого было вырытое глубоко под землей помещение — саван. Имело оно форму длинного и довольно узкого коридора с отверстиями для вентиляции с обоих концов. Даже в самую сильную жару прохлады здесь долго сохранялась в свежем виде, а вода и вино были так холодны, как будто были сняты со льда.

Хлеб и наивкуснейшие чурчхи и лаваш пеклись дома в торне. Была это вырытая в земле круглая, довольно широкая и соответственно глубокая яма, стены которой были из обожженной глины. Высовывались они на аршин или полтора из земли и были окружены второй, уже земляной стеной. Перед тем, как печь хлеб, в торне бросался сухой хворост и поджигался. Когда он обжаривался в красный уголь, и стены раскалялись, готовое тесто в форме хлеба прилеплялось к стенам и сразу прилипало к ним. После этого торне покрывалось досками и одеялами и так оставалось, пока хлеб не был готов.

В этот наш первый приезд в Гурджаани остались мы там до поздней осени. Давид вернулся раньше в Тифлис, так как в сентябре начиналось учение в гимназии. С ним поехал наш молодой рабочий, Гига, которого предполагалось взять для домашних услуг. Когда мы приехали в город, бросился он к матери, прося ее защиты. Оказалось, что Давид заказал ему лиавро и сбрил усы. Не мог он с этим примириться, и матери пришлось наводить порядок. Велела она ему обратно одеть череску и отпустить усы. А когда помылся он и в дальнейшем был доволен своей судьбой, охотно пользовался прелестями городской жизни. Остался он в Тифлисе, впрочем, недолго. Его потянуло обратно в Гурджаани, где у него в то время уже была невеста. Впоследствии сделался он у нас садовником.

Эту зиму жили мы на новой квартире в доме Либериана на Крыловской улице. Был это один из редких в то время домов, где уже было электрическое освещение. Телефонов, как тогда, так и гораздо позже, на частных квартирах обыкновенно не имелось. Совершенно не имелось автомобилей и не было собственных выездов.

В Тифлисе была великолепная извозничья биржа. Обыкновенно не нанимались помещикам фазот, который приезжал на определенные часы. Когда кто-нибудь из дам выезжал с визитами или за чем иным, на козлах всегда сидел слуга в череске. Кроме чисто декоративной стороны его пребывания на козлах, главная и, пожалуй, единственная обязанность его заключалась в том, чтоб при визитах подхватывал к нужному дому, соскакивать, звонить и узнавать, дома ли хозяева.

Поздней осенью из Гурджаани приходила арба с запасами на зиму. Главное, что она привозила, было вино, разливалось оно по бутылкам и малым бочонкам, и часть его, а также часть чурчхел, посылались в подарок друзьям и знакомым.

Приход арбы являлся для меня близким событием. Интересно было осматривать и пробовать все привезенное, но самое интересное было встретиться с друзьями-погощниками, увидеть приятелей-волов и самого главного друга и приятеля — ну, кто-нибудь из наших гурджаанских собак, которая пришла в город вместе с арбой. Получала она здесь такое угощение, что делалась круглой, как шар, и с трудом передвигала ноги.

Арба оставалась на одном из постоялых дворов на Песках день или два, чтоб отдохнуть перед возвращением в деревню. На обратном пути везла она что-нибудь нужное для имения, обыкновенно серу и купорос для садов или что-нибудь в этом роде.

Мы, привыкшие жить в современных больших городах, с несущимися во все стороны автомобилями, с трудом можем представить себе то старое спокойное время, когда по главным улицам Тифлиса тихим шагом двигались кахетинская арба, запряженная в две пары волов. Между колесами ее с сосредоточенным видом шагала огромная легионская овчарка. Старалась она не показывать и виду, что все ее в незнакомом городе смущает: и небывалое количество людей, и ряд высоких домов и даже несуровые городские собачки, которых при иной обстановке она, не задумываясь, перегрызла бы горло.

Большим событием бывал день 14-го января. День Святой Нины, именин матери. Был это праздник не только тех семей, в которых имелись Нины, но и всей Грузии, а это, тем более, что, не имея своего национального государственного праздника, грузины, может, и бессознательно, сосредотачивали все свои чувства на Дне Святой Нины и на майских торжествах Тамары.

В это время стали слышны первые, еще слабые раскаты революционного грома. Была это, впрочем, для меня довольно темная и малопримечательная история, которой к тому же я не особенно интересовался. Помню услышанные мною разговоры о том, что под дворцом наместника устраиваются подземные галереи, которые должны сделать невозможными попытки революционеров подползти и взорвать дворец. С одной стороны, не особенно ориентируясь в том, что такое революционное движение, а, с другой, помня, что идет война с Японией, перепугал я революционеров с японцами и не мог понять, каким образом последние могут сделать подполз с находящейся на другом конце света Японией под дворец наместника в Тифлисе.

Я уделил довольно много места описаниям семьи моего отца, теперь мне хотелось бы сказать несколько слов о семье моей матери.

В середине прошлого, 19-го столетия, в Тифлисе жил старый князь Талеоз Гурмишвили, или, как тогда было принято называть, князь Фадей Гурамов. Был он главой рода и владетелем Сагурамо, где сто с лишним лет перед тем родился автор «Давитяна», от первого брака с княжной Визировой имел он двух дочерей — Екатерину и Ольгу, а от второго — сына Заала и дочь, вышедшую впоследствии за князя Цицанова. Заал был ненормальным от рождения. Останом нам внимание на дочерях от первого брака.

В шестидесятых годах в Тифлисе появился молодой гвардейский офицер Дмитрий Семенович Старосельский. Приехал он на Кавказ, привлеченный романтизмом шамилевских войн и кавказской экзотикой. Познакомился он с князем Гурамовым и его дочерьми, со старшей из которых у него вскоре завязался роман.

Когда старый князь Талеоз узнал об этом, не согласился он на их брак, так как хотел, по-видимому, чтоб дочь его вышла замуж за кого-нибудь из своих грузин. Не помешало это, однако, молодым при осуществлении их планов. Екатерина бежала из дому и попала тайно к любимым человеком. Впоследствии произошло

(Продолжение на 11-й стр.).

ВОСПОМИНАНИЯ ДИМИТРИЯ ШАЛИКАШВИЛИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

примирение с отцом, который простил свою старшую дочь, а со временем очень полюбил ее мужа. Да и было за что его полюбить. Оказался он человеком в высшей степени достойным. Происходил он из помещичьей семьи Нежинской губернии. Остался он навсегда на Кавказе, дослужился здесь до генеральского чина, был сенатором и помощником наместника. Перед этим был он некоторое время бакинским губернатором и заслужил себе там репутацию справедливого и доброго человека, заботящегося о нуждах местного населения. Интересовался он именем своей жены, Сагурамо, и сделал много как для самого имени, так и для тамошних крестьян.

Имели они трех сыновей и пятерых дочерей, которые получили общепринятое в Тифлисе воспитание. Из них старшая, Инна, была моей матерью.

Отец мой умер, когда я был еще ребенком, и благодаря этому мать была той, которая оказала большое влияние на мое развитие. Ей, прежде всего, обязан я тем, что во мне пробудилось грузинское национальное самосознание. Родившись и воспитавшись в Грузии, имея мать грузинку и вышедши замуж за грузина, считала она себя грузинкой и соответствующим образом воспитывала своих детей. Имела она исключительно мягкий характер и отнюдь не старалась господствовать над ними. Пользовалась она влиянием среди окружающих благодаря своим нравственным качествам. Имела она в высшей степени развитое сознание того, что следует, а чего не следует делать, причем все ее поступки были просты и естественны, и мы, дети, инстинктивно старались подражать ей.

Несмотря на то, что до замужества мать носила русскую фамилию, не была она похожа на тех позднейших русских барышень, которые, выйдя замуж за грузин, не только не приобрели ничего грузинского, но приложили все старания к тому, чтоб обратить своих мужей в русских. Не было это, правда, особенно грудно, ибо обращаемые только в редких случаях оказывали должное сопротивление.

На Рождество 1905 года объявила она нам, что мы не будем устраивать елки. Было это после восстания в Гурии, подавленного русскими войсками с большой жестокостью. Мать сказала, что это год траура и что не следует устраивать развлечений. Не знаю, нашелся ли во всей восточной части Грузии другой дом, где детям бы не устраивали елку, отдавая тем дань погибшим в Гурии грузинам.

Другой факт не менее красочен. В начале XX столетия и вплоть до Первой мировой войны и революции кахетинские помещики начали частично продавать свои земли. Покупатели на них были двух категорий: грузинские крестьяне и русские переселенцы. За последние стоял переселенческий банк, и благодаря этому они могли платить значительно высшую цену и платить к тому же наличными деньгами. Грузины, не имея соответствующей поддержки, являлись менее соблазнительными покупателями. Результат был тот, что Кахетия начала покрываться переселенческими селами, разными Воронцовками, Илларионовками и тому подобными. Если бы война и последовала за ней наша независимость, весьма возможно, что со временем грузинским крестьянам за отсутствием собственной земли пришлось бы переселиться куда-нибудь в Восточную Сибирь.

Несколько продаж грузинских земель русским считались вешью обыденной и неперсудительной, свидетельствует следующий факт. На Пасху 1913 года ехали мы с братом в Гурджаани. Ехал с нами его друг, молодой офицер-грузин, который рассказывал, что продает свое картальское имение какому-то русскому купцу. Считал он это вполне естественным и не мог понять, отчего Давид отнесся к этому критически. Пример этот показывает, какие ненормальные понятия были в то время. Офицер этот не был каким-нибудь ренегатом своего народа, был он хорошим грузином, что доказал как в годы нашей независимости, так и во время большевистского владычества, когда погиб в 23-м году, и считается одним из народных героев Грузии.

Мы тоже продавали далеко лежащие от главного имения участки. Но мать объявила, что земля будет продана только грузинам. И действительно, ни одна поляна нашей земли не попала в чужие руки. Была она продана крестьянам на гораздо менее выгодных условиях. За некоторые из участков был получен только первый взнос, потом началась война, за ней пришла революция, и дальнейших денег мы уж никогда не увидели.

После всего вышесказанного странным может показаться то, что я хотел бы еще добавить о нашей семье. Отдавая дань печальной действительности того времени, мы, ни на минуту не терявшие национального самосознания, тем не менее говорили между собой не на родном языке, а по-русски. Таких грузинских семей в Тифлисе было большое множество, и такое непонятное нам сегодня отношение к делу следует скорее всего объяснить какой-то неадекватной халатностью. Сказалось и влияние русской школы, которая приучала уже несколько поколений грузин думать и выражать свои мысли по-русски. Важным было и то, что вследствие разных причин, к которым я еще вернусь в дальнейшем, в то время не чувствовалось специальной ненависти к русским. В этом отношении отличались мы существенно от поляков, которые благодаря непобедимой ненависти отрезались от всего, что русское. Не отдавали мы себе отчета в том, что мы постепенно обрусеем.

Как я говорил выше, у князя Талоеза Гурамишвили от первого брака были две дочери. Старшая, Екатерина, вышла за Димитрия Старосельского и была моей бабушкой, младшая же, Ольга, вышла замуж за Илью Чавчавадзе, и с моих детских лет помню я хорошо дедушку Илью и бабушку Ольгу.

Бабушка Старосельская умерла, когда я был еще совсем маленьким, дедушка умер еще раньше, за несколько лет до замужества матери.

Что касается замужества матери, бабушка была против того, чтоб она выходила за отца. Имела она, кажется, кого-то иного на примете. Создавала она разные препятствия молодым и не позволяла им встречаться. При тогдашних условиях этому трудно было поспособить, находили они, однако, разные способы видаться. Так, отец переделывался извозчиком и в условленном месте поджидал мать. Отвозил он ее в магазин или куда ей нужно было ехать. Таким образом имели они возможность встречаться.

Молодые обошли и иные препятствия и поженились тайно. Начались они в Анчисхатском соборе. Вскоре, однако, произошло примирение с бабушкой, и часто повторяющаяся между родителями и детьми история закончилась тем, что теперь принято называть «хэпни эндом».

Осенью 1904 года, вскоре после нашего возвращения в город, семью нашу постигли еще две потери. При трагических обстоятельствах умерли старшие сыновья теток Тамары Кильдишовой и Тамары Сумбатовой.

Сын тети Кильдишовой, Андрей, тогда два года перед этим окончил Лицей в Петербурге и служил по Министерству иностранных дел. Был он очень способным и многообещающим молодым человеком; перед которым открывалась блестящая дипломатическая карьера. Был он, однако, страстным игроком и уже несколько раз проигрывал большие суммы. Не желая позависать родителями в своем последнем проигрыше, решил он покинуть жизнь самоубийством.

Тетка Сумбатова, а то время уже немолодая вдова, жила с двумя своими сыновьями, Шакуро и Георгием, в Парских Колодцах, где Шакуро был офицером Тверского драгунского полка. Однажды утром, когда время обычного его вставания давно прошло, а он не выходил из своей комнаты и не отвечал на стук в дверь, к нему вошла его старая немка-губернантика. Полина, которая продолжала жить у них на покое. Глазом ее представлялась следующая картина: мертвый Шакуро лежал на кровати с раздробленной головой, а на полу валялся окровавленный топор. Кто его убил и с какой целью, никогда не было выяснено. Подозревали дежника, но доказательства не было, и суд его оправдал.

Тетка Тамара была долгое время немвеняма и впоследствии перенесла всю свою любовь на младшего сына, Георгия. Похоронили Шакуро в родовом склепе Сумбатовых в церкви Дальней Варвары, в Навтлуге на окраине Тифлиса.

Были это первые из ряда ударов, постигших обеих теток, которым пришлось впоследствии потерять всех своих близких. Невольно возникает вопрос, не соответствует ли правде старое поверие о том, что каждая семья имеет свои счастливые и несчастные имена и что имена вообще играют известную роль в жизни людей. Меня самого, по семейным традициям, предполагалось назвать Семеном, но мать просила этого не делать, так как опасалась, что это может принести несчастье. Дед Семен погиб во время восстания в Дагестане, а за год до моего рождения был убит в Баку старший брат его, Семен. По просьбе матери меня назвали Димитрием в честь дедушки Старосельского и, как говорили впоследствии, был я на него похож и по характеру и по наружности.

Тетка Сумбатова была самая интересная из сестер отца. Покойный муж ее, князь Мухомор, служил в одном из малых гарнизонов на Северном Кавказе. Любила она рассказывать о своем житье-бытье среди примитивных людей и обстановки, причем рассказы ее были всегда полны неподдельного юмора. Однажды был устроен торжественный обед, на котором присутствовали жены офицеров. К десерту подали желе. Понравилось оно одной молодой даме, которая захотела его повторить и попросила дать ей «тряпку». Когда ее кто-то поправил, сказав «желе», она с обиженым видом отетила: «Нечего жалеть, мой муж платит такие же деньги, как вы».

На лето 1905 года мы опять поехали в Гурджаани, где так же приятно провели лето, как в прошлом году.

В годовую день кончины отца на его могилу была положена надгробная плита из белого мрамора. На ней были соответствующие надписи на двух языках: наверху по-русски, а внизу по-грузински.

Зинский. Сегодня такой порядок может нам показаться странным, а то же время было много плит, положенных над грузинскими могилами, на которых надписи были вообще только на русской языке.

Плита была заказана в Тифлисе в мастерской Андриколетти. Когда ее перевозили в Гурджаани, сломалась она на две части, и в таком виде ее пришлось положить на могилу. Дело в том, что по старому обычаю надгробный памятник можно было ставить только в первую годовщину кончины. Если поставить его в иной срок, должно это было вызвать смерть кого-нибудь из семьи. Вынув этого нельзя было в данном случае откладывать и заказывать новый памятник.

В первую годовщину кончины можно было ставить памятник не только на могилу данного умершего, но и на могилы всех почивших членов семьи, если таковые почему-либо не были поставлены своевременно. Так обстояло дело с могилкой деда Ивана в Викирии, простоявшей сорок лет без плиты. Бабушка-Дария по халатности не поставила памятника на положенный срок.

Перед нашим выездом в деревню сестра поехала в Баку на осмотр к доктору Калло. Доехала она с кем-то из знакомых до Парика, там ее встретила мисс Матисон, с которой она провела лето в Баке, и осенью они вернулись вдвоем в Тифлис.

В это время в деревнях нормальным способом передвижения было верхом или на арбе. Обычай этот сохранился с давних времен и был все еще в силе благодаря безнадёжному состоянию дорог, которые во многих местах вообще трудно было назвать этим именем. Когда ехали к соседям на дальнее расстояние, то делали это всегда на арбе. Для меня при этом приятным занятием было править волами, и думаю, что достиг я в этом отношении известного совершенства.

Необходимой принадлежностью каждой арбы являлся буйвол, вольный или вольный рог, наполненный разведенным в воде мылом, которое служило для смазывания деревянной оси.

Уже в то время существовало правило придерживаться правой стороны при встречах, но, если встречались помещичья и крестьянская арбы, помещичью не обязывало правило о правой стороне, ехала она там, где дорога была лучше.

Единственным сравнительно хорошей дорогой было шоссе, соединявшее Тифлис с Телавом и Сигнаком, да и оно на отдельных участках было в весьма печальном состоянии. Так, через реку Иора не было моста, и нужно было проезжать вброд, следя внимательно за тем, чтоб арба или коляска не перевернулась на больших камнях, частично покрытых водой.

Зиму с 1905 по 1906 год жили мы на новой квартире на Ксеиневской улице, напротив здания мужской гимназии. Квартира была очень хорошая и более просторная, чем на Крыловской, но, когда мы туда перешли, была она, как, впрочем, и весь только что построенный дом, еще не совсем закончена. Мы рассчитывали, что уже в ближайшем будущем все будет приведено в порядок, но много осталось в том же состоянии до самого конца нашего там пребывания. Так, балконы остались навсегда без перил, и все следили за тем, чтоб я не полетел с них на улицу.

Хозяином дома был симпатичный инженер. Колла Сегманов. Являлся он представителем редко встречающегося типа неграмотного армянина. Неприятность его заключалась в том, что он не учел прежде всего того, что в Тифлисе того времени еще нельзя было вести дела с таким размахом, как он это делал, и вести их к тому же не имея ни копейки денег.

Каким-то образом ему все-таки удалось окончить постройку, и все, пожалуй, было бы благополучно, но успех его открылся. Да и было чему радоваться: построен был хороший трехэтажный дом с трехэтажной же флигелем во дворе. Теперь ему пришла фантазия приступить к постройке второго дома на соседнем пустоши-полюшке.

Начал он это не только без денег, но и с незапланированными за первый дом долгами. Счастливая звезда продолжала ему светить, пока стены не были возведены под второй этаж. Тут пришел всему конец. Запас кирпичей был израсходован, а хозяин завода, которому Сегманов не мог заплатить своего долга, а в довершение зл. камешки в один печальный день пристуили к разбору стен, и дом постепенно делался все ниже, пока не дошел обратно до линии фундаментов. Впоследствии кредиторы отобрали от этого полуполученного Сегманова и его первый дом, и так печально окончилось одно из неудачных строительных предприятий того времени.

В Тифлисе пользовался заслуженной славой старый и весьма симпатичный доктор Гаспаряни. Для нас, как и для многих иных семей, был он не только домашним врачом, но и близким человеком. Был он настолько стар и знаменит, что его беспокоили только в серьезных случаях. Детским же врачом был сравнительно молодой, но именитый уже широко практикующий доктор Никита Гаврилович Сулдукиани. Настоящее его имя и отчество звучали, наверное, Персес Геворгович, но поскольку по нему не перешел он и свою фамилию и из Сулдукиани не превратился в Сулдуков.

На родственном положении со всеми Старосельскими находился уже покойный в то время Чах Эльмурзиев или, как значилось в официальных бумагах, Чах Петрович Ахриев. В раннем детстве, после покорения Северного Кавказа, был он взят русскими в числе заложников от ингушей. Его напел и взял под опеку дед Старосельский, в семье которого он сделался своим человеком. Окончил он гимназию в Нежинский лицей. Во время моего детства служил он в Нухе в акцизном управлении. Отпуска свои проводил он всегда в Тифлисе, останавливаясь обыкновенно у нас. Был он ярким туркофилом и не любил все, что русское. Свои воззрения высказывал он совершенно открыто, и не только в среде близких ему людей, но и среди посторонних. Последним обстоятельством следует, пожалуй, объяснить то, что, несмотря на свое образование и природные способности, по службе он не продвинулся и занимал какую-то маленькую должность в своем ведомстве.

Умер он незадолго до первой мировой войны. Судьба не дала ему дожить до эпохи независимости Кавказа, и тем лишила его большой радости. Образ дорогого дяди Чаха, как мы, дети, почти всегда называли его, навсегда врезался мне в память. Был он невысокого роста, с седой бородкой и хромой ногой.

Любил он рассказывать о житье-бытье горцев и об условиях, господствовавших на Северном Кавказе после завоевания его русскими. Первым человеком сделался пристав, и горцы не могли представить себе, чтобы кто-нибудь был могущественнее него, по-прежнему они, что и царь в далеком Петербурге подчиняется ему. В это время в Сагурамо, родовом гнезде Гурамишвили, были следующие помещики: постоянно жил там только ненормальный дедушка Залико. Наблюдая за ним специально приставленный к нему человек. Был он совершенно невменяем, но уход за ним, даже как на те времена, был самым примитивным. На бумаге являлся он хозяином большей части имения, но находился под опекой родственников, мало обращающих на него внимание.

Кроме того, в Сагурамо был помещиком дед бабушки Ольги Чавчавадзе, которая приезжала обыкновенно проводить здесь летние месяцы с дедушкой Ильей.

Сыновья бабушки Старосельской, Гиви и Всеволод, не жили здесь постоянно. Старший, Гиви, получил при разделе большой бабушкин дом, Всеволод же имел маленький домик, в котором жил еще реже своего брата.

Несмотря на то, что самое молодое поколение Старосельских, то есть мои двоюродные братья, мало знали Сагурамо, сохранили они навсегда теплую память об этой далекой грузинской деревне. Так, сын Всеволода, Димитрий, назвал свое поместье на Карибских островах у берегов Центральной Америки — Сагурамо.

Гиви в молодости был офицером, потом вышел в отставку и жил в Тифлисе. Всеволод вначале служил в полку в Петербурге, потом был адъютантом принца Ольденбургского и заведующим Гагариным курортом, создателем которого следует считать принца.

Деревенский дом Гиви был хороший, большой, с парижской обстановкой и электрическим освещением. Электричество, правда, обыкновенно не действовало, и вместо него в комнатах горели керосиновые лампы и простые свечи.

В 1906 году Давид окончил гимназию, а я же выдержал экзамен в первый класс. На это официальное образование мое превратилось на несколько лет. После окончания экзаменов выехали мы в Гурджаани, причем было решено, что мы останемся там на зиму.

Решение это было принято главным образом по экономическим соображениям. Во время революционного движения в Баку были сожжены нефтяные промыслы матери. Было это для нас большим ударом, от которого мы смогли оправиться только в 1912 году, когда все сооружения были восстановлены и промыслы начали снова давать нормальный доход. Не все было благополучно и с кахетским имением, доходность которого после смерти отца сильно уменьшилась. Сказалось отсутствие хозяйского надзора, кроме того, старый нап. управляющий, Григорий, ушел на покой, а заменивший его новый оказался далеко не на высоте.

Облегало нам принятое решение провести зиму в Гурджаани и то обстоятельство, что после того как Давид окончил гимназию, ничто нас особенно не связывало с Тифлисом. Тамара получала, как тогда часто бывало с молодыми девушками, домашнее образование, я же был еще настолько молод, что без особенного вреда мог сделать перерыв в науку.

Целая масса о революционном движении в Грузии не буду. Люди, интересующиеся этим вопросом, легко могут найти лучшие источники, чем мои воспоминания. Некоторое время на горизонте блеснула фигура двоюродного брата матери, Элия Старосельского. Был он по профессии агрономом и никогда не имел соприкосновения к административной работе. Был он к тому же довольно левых убеждений. Кавказский наместник граф Воронцов-Дашков, провозгласив либеральную политику, предложил ему пост куанского губернатора. Старосельский долго отговаривался своею неподготовленностью, но в конце концов уступил усильным стараниям Воронцова и принял предложенный пост.

Опыт либерального управления дилетант-губернатора не дал

положительных результатов и окончился печалью прежде всего для самого Старосельского, который принужден был покинуть пределы Кавказа. После этого пребывал он постоянно за границей. В то время еще не было места для либеральной политики и либеральных губернаторов.

В Гурджаани поехали мы всей семьей. Поехал с нами и товарищ брата, Исаак Чейшвили. Был он уроженцем Кузбасса, где отец его имел галантерейный магазин. Подружились они с Давидом, и дружба эта перешла впоследствии на всю нашу семью. Гимназий он так и не окончил, отстав от своего класса года на два, и теперь не имел ни особенной охоты продолжать учение, ни особенной надежды когда-нибудь получить аттестат зрелости. В Кузбассе он тоже не хотел возвращаться, так как поссорился с родителями, недовольными его слабыми успехами. К всеобщему удивлению, поехал он с нами в Гурджаани.

Лето провели мы по-обыкновенному. Новое, по крайней мере для меня, началось с осени. В имении произошли некоторые перемены, как я указал уже выше, ушел наш старый управляющий Григорий, умер и Иван Давидович, наш старый клещик.

В связи с нашим пребыванием в деревне хотелось бы мне упомянуть о бывшем в общем употреблении способе молотбы на кало. Отличалось оно мало чем от применяемого в библийские времена. На расчищенную и утрамбованную круглую площадку земли, величиной мало чем уступающую цирковой арене, раскладывалась густым ковром скошенная и подсушенная пшеница, по которой начиналась езда досками, подбитыми острыми камнями. Доски эти сбивались по две вместе и были настолько широки, что на них было удобно сидеть. Спереди имели они заостренный и несколько приподнятый конец, так что легко скользили по соломе. В них впрягались волю или лошади, в Кахетии в общем употреблении были лошади, в Карталии же и Борчалю — волю. Для детей мало было большим развлечением, наступления которого все ожидали с сильным нетерпением. Особенно интересно бывало, когда лошади переходили в рысь. Сидящие на досках часто выворачивались на мягкую подстилку, что только увеличивало общее веселье и было совершенно безопасно. Начинаясь кало рано утром, так чтоб имела возможность не работать в самую жару. После того как вся солома была раздроблена на саман, а пшеничные зерна выбиты из колосов, начиналась чистая половина задачи, заключавшаяся в том, чтоб отделить саман от зерен. Для этого все стегалось в одну сторону, на ту, откуда дул ветер, и затем деревянными лопатами подбиралось в возу. Зерно, как более тяжелое, падало на место, саман же отлетался ветром в сторону. Для всей этой операции, собственно, не трудно было и ветра, достаточно было самого незначительного дуновения воздуха. Кало длилось изо дня в день, пока не была перемолота вся пшеница.

В нашем хозяйстве было всегда несколько лошадей, но основную рабочую силу составляли волю, количество которых не должно было быть меньше 12-ти, т. е. того числа, которое впрягалось в плуг. Для волов было много работы во время пахания земли, а именно при сборе винограда, что же делали они в остальное время года? Конечно, и сами хорошо не знали. Лошади, кроме как на кало, тоже не имели особенной работы. Думаю, что и те и другие благоденствовали и наслаждались безмятежной жизнью.

Зато, кто себя чувствовал обиженым, когда наступала осень, и созрел виноград, те были собаки. Подкапывали им под плуг длинные палки, так чтоб они не могли пробраться через настилки или отверстия в изгородях, окружающих сады, и произвели опустошения винограда, которого они были большими любителями.

Были тоже 2, 3 коровы, обыкновенно не дающие молока, что, впрочем, никого не волновало. Ни масло, ни молоко не были в особенном употреблении. Тушинский сыр, а также топленое масло для кухни, как и все остальные продукты, покупались в деревенской лавке местного коммерсанта, Дианоза.

Странное в это время велось хозяйство в Гурджаани, да оно мало чем отличалось от хозяйства в иных кахетинских имениях. Даже как на те времена и как на условиях, господствовавших в тогдашней Кахетии, не имевшей железной дороги, все-таки можно было бы вести лучше дело.

Из сравнительно большого количества земли, которым мы владели, только на 300 десятинах гурджаанского имения велось вообще какое-то хозяйство, доход же приносил только 20 десятин, находившихся под виноградниками. Но это еще не конец. Виноградники обрабатывали не мы сами, а арендаторы-полновинники.

Имели мы также большой фруктовый сад с хорошими деревьями. Сад этот никакого дохода не приносил, так как фрукты некогда было продавать. Часть из них шла на домашнее употребление, причем хватало, в лучшем случае, до Нового года, часть же бесследно пропадала.

Земли пахалось столько, чтоб хватало хлеба для дома и рабочих, 200, а может, и больше, десятин леса давали только дрова для имения и чирок, подпорки для виноградных лоз в садах.

Сегодня такой способ ведения хозяйства нам кажется ненормальным, в то же время считался он вполне нормальным. Люди не волновались и жили безмятежной спокойной жизнью.

Выше я говорил, что отец был фермой хозяйном. И теперь от этого не отказывался, был он, наверное, хорош по сравнению со многими иными. Время и обстановка, в которой он жил, оказывали свое влияние. Главная его заслуга заключалась в том, что он не только не продавал земель, но прилагал старания, чтоб закрутить гурджаанское имение. Не был он подвержен распространенной в помещичьей среде болезни жить сверх средств.

Так обстояло дело с Гурджаани, с нашими землями было еще хуже, не приносили они фактически никакого дохода. Были они, не говоря уже о картальских землях матери, разбросаны на огромном пространстве отдельных участках, самый большой из которых под Аран-Дара, величиной в 300 десятин, был сдан в аренду татарам-овцеводам. На арендарские земли возлагались большие надежды, какая-то французская компания производила там исследования, и были найдены богатые залежи антрацита. Пока же давали они 100 рублей годового дохода.

Остальные участки были по 100 десятин, по 50 и еще меньше, некоторые даже по 10, 15.

Осенью, когда наступало время платы, крестьяне-арендаторы появлялись с озабоченным видом и всегда находили какой-нибудь предлог не платить всей должной суммы. То был неурожай, то кто-нибудь болел, то кто-то венчался. Были некоторые участки, которые вообще никакого дохода не приносили. Арендаторы их обыкновенно кто-нибудь из особенно близких стоющих к нам крестьян. В подобных случаях следилось только за тем, чтоб хотя бы раз на десять лет была заплачена аренда плата, так как в противном случае участок по существующим законам переходил в собственность арендатора.

Имения в Кахетии были так раздроблены вследствие того, что до самого последнего времени находились в общем владении всего рода, в нашем случае — Андриконовых. Род этот был очень многочисленным, каждая семья имела свою усадьбу и прилегающие к ней земли. В результате же обременения имения приступили сравнительно поздно, и не было оно вообще кончено до конца. Конечно, все обременение Андриконовское имение в несколько десятков тысяч десятин нельзя было размежевать сразу, делалось это постепенно, шаг за шагом, причем все из Андриконовых получали в каждом участке свою определенную часть. Утверждали, что русские власти умышленно вели такую систему, желая раздробить имения помещиков-грузин и тем ослабить последних. Мне лично кажется, что первостепенную роль играли тут технические соображения. Помещикам к тому же никто не запрещал производить обмен участков и округлять свои имения.

Самыми крупными землевладельцами из Андриконовых были потомки генерала Ивана Маджазыха. В свое время приобрел он от остальных Андриконовых их права на земли, прилегающие к его имению в Укнамхари.

Интересен случай с общим участком лесного имения в Мелани. В ожидании его раздела наняли специальную стражу, ибо опасались, чтоб кто-нибудь не вырубил леса. Когда в конце концов разделили имение, пришлось лес вырубить, чтоб покрыть расходы по его предыдущей охране.

Насколько мы еще глубоко сидели корнями в минаушей старине, показывает факт, сыгравший роль при разделе андриконовского имения. В давню прошедшие времена, в XVIII, а, возможно, и в XVII столетии, в бою с легкими был убит один из Андриконовых, тело его не удалось вынести с поля битвы, оно осталось в руках противника. Были вызваны охотники, и им была предложена награда в виде большого участка земли, если они вынесут тело погибшего. Нашелся смельчак, которому это удалось, и который тогда же получил обещанный участок. Теперь при разделе имения возник вопрос: все ли Андриконовы должны были участвовать в выплате старому награды или только тот, который вынес мертвое тело было вынесено с поля битвы. Суд постановил, что обязанность вознаграждения лежит только на потомках погибшего, а тем самым при разделе общего имения следует считать, что они уже получили то количество земли, которое было отдано в давню прошедшие времена. Подобное постановление, наверное, было правильным с формальной стороны и соответствовало условиям начала XX столетия, мне, однако, кажется, что при принятии решения следовало бы больше считаться со взглядами, господствовавшими в момент самого происшествия. Существовала тогда гораздо большая солидарность между отдельными членами рода, составлявшими одно целое, а кроме того, известная тень за оставление тела погибшего на поле битвы ложилась не только на его потомков, но и на весь род, и тем самым смельчак оказал услугу всем Андриконовым.

Трудно представить себе кахетинского крестьянина того времени, одетого иначе как в известную пародию чересни с круглой тушинской шапочкой, прикрывавшей одну лишь макушку головы, и

(Продолжение на 12-й стр.).

ВОСПОМИНАНИЯ ДМИТРИЯ ШАЛИКАВИДЗЕ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

которую доводила до состояния чуб-чочор. Редко кто ходил в чустах, была эта роскошь на праздничные дни, в будни же одевались на ноги кафтаны. Зимой и в непогоду обязательной принадлежностью мужского гардероба была солдатская шинель. Приносили их с собой возвращающиеся с военной службы молодые люди. Шинели были удобны и женщинам и завоевали и себе любовь крестьян. Со временем начали их носить даже и те, кто никогда в войсках не служил. На почте кахетинца висел огромный кинжал легионского образца. В руках обязательно держало комбали, кизилова палка с массивным сабуровым концом, прототип пастушеского посоха и одновременно грозное оружие. Недаром в описании одной старой битвы говорится, что воины-крестьяне были вооружены «иан один человек — тридцать палок».

В такую обстановку пришел мы в начале лета и мирно осели в деревне на неопределенное время. Давид после окончания гимназии должен был ехать в Петербург сдавать экзамены в лицей, но он не был особенным любителем наук, которые считал злом, и злом и тому же отнюдь не необходимым. Принимая во внимание его настроение, решено было дать ему возможность отдохнуть после трудов в связи с окончанием гимназии и отложить предстоящие экзамены до будущего года.

В сентябре происходил сбор винограда. В прежние времена собирали его, правда, позже, но что, между прочим, указывало на старое название октября — виноградный. Марани, помещение, где выжили виноград, а потом хранилось вино, находилось при нашем имении Саде абизин Ахтала. Здесь проходило Тифлисское шоссе, по которому было легче вывозить вино, чем из самой усадьбы, а доложившей в стороне.

Вдоль одной из стен марани находилось выдолбленное огромных размеров дерево из заляззанных лесов. Наполнялось оно виноградом, на который заводило человек 10-15. Восьмью ногами толтали они грозди и выдавливали из них сок, который по желобу тек в арку в землю кушину. О величине древесного ствола можно судить по тому, что под конец процесса выжимания люди стояли на нем глубоко по пояс.

Внимание сопровождалось пенем, под ритм которого люди мерно толтали виноград. Происходило это обыкновенно вечером при свете фонарей, что придавало еще более поэзии всему происходящему.

В земляном полу марани были выкопаны кувшины, в которых хранилось вино. Были они разных размеров, от самых больших, вмещающих по несколько сот. Кувшины были выкопаны в землю и со стороны их выступали наружу. Прикрывались они большими плотами из кожи. Отверстия были таких размеров, что в большие кувшины можно было войти человеку, выходящий из перед наполненными.

Одним из способов «закрытия на замок» кувшинов, в котором месте край гладкого камня, лежащего на четверти, и прилепленная к нему земля покрывалась толстым слоем золы, на котором выжигалась печать или какой-нибудь знак. Место это покрывалось изогнутой черепицей и все засыпалось землей. Способ этот был довольно примитивный, но нельзя было открыть кувшина, не нарушив изображенной на золе печати. Никогда не слышал о кражах вина или иных злоупотреблениях, хотя печать и знаки были самые простые и не требовались особенного искусства, чтоб их подделывать.

Скоро после окончания сбора винограда начиналось самое интересное осеннее занятие — приготовление чурчхел. Подготовительная работа продолжалась много вечера и состояла в следующем: на мелкие части резались грецкие орехи и при помощи иглы нашивались на грубую нить. Наклеивались также изюмины и лесные орехи, и таким образом чурчхелы получались трех сортов. Были они несколько длиннее обыкновенной старинной свечи. Нитки с нашивками на них орехами и изюминами обматывались в котел с кипящей массой гата, состоящей из молодого вина и муки. После этого свечки чурчхелы вешались на поперечные шестаки, чтоб дать им возможность высохнуть. Процедура обматывания повторялась два раза. Чурчхелы приготавливались ежегодно несколько сот штук, так чтоб их хватало на всю зиму, а кроме того, большое количество рассылалось всегда друзьям и знакомым.

Кроме чурчхел, на зиму делались запасы срежнего винограда и изюма чамичи, которые вешали на чердаке. Из гранатов варились машараби, изумительная по вкусу приправа к мясным и рыбным блюдам, изобретение которой делает честь персидским любителям кулинарного искусства.

Несмотря на то, что у нас был хороший повар, еда зимой не могла быть такой вкусной и разнообразной, как в теплое время года, когда леса и луга изобиловали целым рядом полезных диких овощей. Осенью было большое количество грибов, из которых заготавливались маринады. Зимой в частом употреблении бывало джонджио, вкус которого, несмотря на то, что не имел его в устах уже многие годы, мне хорошо памятен.

Устроились мы очень приятно на зиму, и когда теперь думаю о нашей тогдашней жизни в Гурджаани, напоминают она мне во многом повесть об оазисах в пустыне. Дом наш во многих отношениях действительно являлся культурным оазисом, отделенным лесами от близкого человеческого жилья в самой деревне. Вечером, когда темнело и собаки бегали снушены с цепей, всякая связь с внешним миром прекращалась, но в самом деле не переставала кипеть культурная содержательная жизнь.

Имели мы хорошую библиотеку, где, кроме русской и южной, были и европейские классики: Гете, Шкеллер, Шенклер, а также книги серьезного научного содержания. Получались газеты и журналы, среди них видное место занимали «Вестник иностранной литературы» и специально «Юнкерский» для меня «Юнкерский» с его великолепными приложениями.

Почта приносила письма от друзей из Тифлиса и из далекого света. Вечером, когда семья собиралась у горящего всю зиму камина, все предавалось чтению и иным культурным занятиям.

Характерной для нашей библиотеки было, однако, то, что в то время, как шкафы полны были русскими и иностранными книгами, было в них место только для двух грузинских. Попадались они, правда, к наивысшей категории. Были это «Дела зна», учившая целые поколения грузин грамоте на их родном языке, а также редкий экземпляр одного из первых изданий Библии, на обложке которой были записаны выдающиеся события из жизни Шаликавида.

В семье нашей в старые времена имели мы убогого монаха Иосе, после которого осталось богатое собрание книг, в том числе и упомянутая Библия. Илья Чавчавадзе попросил однажды отца дать ему прочесть эти книги. Взял он их все, кроме Библии, которая его, очевидно, меньше интересовала. После довольно продолжительного времени, отец при встрече спросил дедушку Илью, прочел ли он уже книги и может ли их вернуть. Дедушка ответил со смехом, что книги давно прочел и после этого пожелал их от имени отца Обществу распространения грамотности среди грузин. Несмотря на все свое неудовольствие, отец ничего иного не оставалось сделать, как примириться с совершившимся фактом. В конечном результате все вышло, пожалуй, и лучше, ценные книги сохранились в целости, что же случилось с Библией, не знаю, и, можно опасаться, что ее постигла печальная участь.

Поистине оригинальны и как же характерны были надписи на книгах нашей гурджаанской библиотеки. На всех из них и русских, и на грузинских было написано по-грузински четким почерком отца: «Тавади Шаликавида».

Еще одним примером невнимательного отношения к своему родному может послужить то, что в то время как наверху находилась богатая библиотека иностранных книг, внизу в подвале лежали бумажные дела Ивана, и среди них его записки о наважских войнах. Записки эти, наверное, были интересны и пропали без следа, постепенно растаскиваемые мышами.

Почти приходила два раза в неделю в Велицкие, куда за ней посылались верховой. Мы, участвующие себя сегодня несчастными, когда почтовый не приходит по воскресеньям, и с нетерпением ожидающие поезда последние новости по радио, с трудом можем представить себе то время, когда люди считали вещь нормальной получение писем и газет всего лишь два раза в неделю.

Каждый из нас имел товарища детских игр, с которым навсегда сохранялись близкие отношения. Так, товарищем отца был старший Иванко, у Давида сын Иванко Дарко, а у меня мой одноклассник Сандро, сын жеманши, работавшей у нас при усадьбе. Мне, правда, не удалось сохранить настолько близкие отношения с моим приятелем, как с товарищем моего детства, погиб он во время войны.

Взрослым детям бывал приход покупщиков вина из Тифлиса, покупавших эти, скрадки, были из года в год одни и те же и в большинстве случаев армяне. После заключения сделки скрадки должны были оставить традиционные подарки в виде разных продуктов, среди которых главную роль играла сушеная рыба, балык. Получал он тоже подарки: чурчхелы, виноград, фрукты, и после этого рассаживались до следующего года.

К Рождеству и Новому году бывало много приготовлений. Делались гозинаки, алвахаи и разные иные вкусные вещи. Сами праздники проходили в торжественной обстановке.

Зимой виделись только с самыми близкими соседями. Приходили тоже крестьяне и крестьянки, спрашивая советов, помощи или просто же поговорить.

Революционное движение оказало некоторое влияние и на спокойную кахетинскую деревню. Настроение подавляющего большинства крестьян, правда, не изменилось, но на смену вытеснили разные темные личности, одинаково чуждые и крестьянам, и помещикам. Появилось тоже больше, чем прежде количество разбойников и так называемых опасных людей.

Все это принуждало принимать известные меры предосторож-

ности, что касалось в особенности нас, живших в отдалении от людского жилья в нашем жилом оазисе. В доме нужно было иметь вооруженных людей. Были сделаны ставни, не пропускающие наружу света, ибо бывали случаи стрельбы в освещенные окна.

Весьма важным было иметь хорошее оружие. Еще перед выездом в деревню получили мы разрешение на 5 берданок. Было это связано с довольно сложной процедурой. Население в деревнях имело старые пистолеты, заряженные с дула, которые были действительны только на небольшое расстояние. Берданками назывались винтовки на один патрон, которыми раньше была вооружена армия и которые после введения пятизарядной трехлинейной винтовки были выведены из употребления.

Их берданки, можно было чувствовать себя спокойными, но ружья эти впоследствии послужили причиной гибели трех из наших слугаков.

В то время в Кахети не было профессиональных сельскохозяйственных рабочих в современном значении слова. Кахетинские рабочие обыкновенно имели свою собственную землю, и служба у чужих людей была для них лишь временным занятием.

Женщины при имении работали двое: пичинца, жившая в избушке при курятнике, и другая, на которой лежали разные обязанности, главной из которых было печенье хлеба в торие. В то время была это мать товарища моих детских игр, Сандро. Жила она со своей семьей у себя дома в деревне и только по утрам приходила на работу.

Вознаграждение рабочие получали минимальное, насколько можно, не больше 10 рублей в месяц. Пичинца, старая Кеке, получала 15 рублей в год и одежду.

Весна приходила рано, природа пробуждалась, появлялись — полевые и лесные цветы. Первыми и то, кажется, уже в феврале расцветали фиалки, покрывавшие лесные поляны душистым ковром. Вскоре появлялись разнообразные полевые овощи, чему и мы, и повар бывали бесконечно рады.

Начиналась работа при огороде. Я имел тоже свой небольшой участок, который должен был вскопать и засадить грядки. Помогала мне в этой работе мисс Матюс, которая делала надписи с названиями посаженных овощей. Бывал я и на колыхках при соответствующих грядках. Было ей почему-то особенно трудно написать по-английски названия «кишки». Не приходится говорить о том, как она произносила это оказавшееся ей не по силам слово.

С тех времен сохранился у меня навсегда любовь и запах сырой распахнутой земли.

Недалеко от дома имели мы довольно большую пасеку, дающую много хорошего меда. Часть ульев была нового образца, часть же была сделана из выдолбленных стволов деревьев. Весь мед шел на домашнее употребление.

С приходом теплого времени года начиналась работа в винограде.

В то время в некоторых местах Кахети начинала появляться филлокера. В наших садах ее еще не было, но уже предвиделась необходимость начать принимать соответствующие меры, чтоб избежать грядущей катастрофы.

Филлокера — это болезнь корневой виноградной лозы, ведущая к гибели виноградарей. Единственный способ борьбы заключался в замене местных лоз американскими, ибо корни последних не подвержены этой болезни. Следовало, однако, считать с тем, что американские лозы на местной почве не давали бы хорошего качества.

Агрономам удалось найти удачный выход из положения: сажались американские лозы, которые срезались на соответствующую высоту и к которым затем прививались черенки местных лоз. Таким образом, получалась удачная комбинация американских корней и европейских лоз, дающая по-прежнему вина высокого качества.

Переход на американские лозы связан был с большими расходами, к тому же первые несколько лет новые виноградники не давали урожая. Все, понятно, было озабочено и ждало пресловутых библейских худых лет.

В то время действительным врагом виноградарей являлись паразиты, но борьба с ними не была трудна. Лозы обрызгивались раствором мелкого купороса, а потом обсылались серой.

Лозы были посажены в огромном большинстве случаев не рядами, а в виде беспорядка. Благодаря этому было гораздо больше работы, так как приходилось весь виноградник оканывать лопатами, в то время как при посадке лоз рядами земля вскапывалась малым плугом, зарытым в одну лошадей. Каждая лоза требовала тоже своей собственной подпорки кола, а были их тысячи и тысячи, что сильно отражалось на расходах. При посадке же плантациям было небольшое количество вбитых в землю столбов с протянутой между ними проволокой.

У нас был один сад, посаженный рядами. Был он величествен в несколько десятков и назывался шарей. Все же остальные сады были посажены старым способом.

Весьма опасными для виноградарей были грозы. Несколько минут града могли уничтожить урожай целого года и доказать этим всю беззащитность расчетов в сельском хозяйстве. Для удельных имений были установлены батареи мортир, специальных приборов, стреляющих воздушными волнами по грозовым тучам. Были они довольно эффективны и, как утверждали знатоки, помогали не столько самым удельным имениям, как местностям, лежащим в известном отдалении, а Гурджаани были именно одной из таких счастливых местностей.

В каждом виноградаре бывало по несколько деревьев, в тени которых рабочие могли отдыхать в зной, а также есть приносимую с собой пищу. Были это обыкновенно ижирные и ореховые деревья. Еда крестьян состояла главным образом из фасоли — лобио, хлеба с сыром и всевозможных овощей. Мясо употреблялось очень редко и обыкновенно только по большим праздникам, были это почти исключительно баранина и куры. Лобио составляло как бы национальное кушанье восточной части Грузии, и я был крайне удивлен, узнав, что название это не чисто грузинское, как можно было ожидать, а монгольского происхождения.

Несмотря на то, что полное отсутствие мяса, еда населения была питательной и здоровой, делало ее таковой также и большое количество орехов, обильно приправленных соевым. Все заправлялось изрядным количеством вина, которое пили обязательно во время еды.

Отправляясь в поле, крестьянин брал с собой кувшинчик вина, который умещался где-нибудь в тени, в прохладном месте. Считалось, что вино предохраняет от малярии, но следует полагать, что и без этого оправдания кахетинцы поглощали бы его в том же количестве.

Одной из характерных особенностей наших помещиков было то, что многие из них не сидели у себя на земле, а служили на военной или гражданской службе и вообще предпочитали жить в городе. Есть та черта, присущая в той или иной мере дворянско-помещичьей среде всех народов, но это отнюдь не меняет положения вещей.

Уходили с земли мелкопоместные помещики, которых нужна гнала из деревни и заставляла идти на службу, уходили сплошь да рядом и люди, имевшие по несколько тысяч десятин. Многие помещичьи семьи смотрели на свои поместья как на известного рода дачу, многие даже на лето не приезжали к себе в имения, предпочитая проводить время по модным курортам и дачным местам.

После разных неудачных опытов с новыми управленческими, таковым сделался у нас Исаак. Полагаю, что от его неопытности имение особенно не пострадало. Все шло своим обычным, установленным порядком, не следует забывать и того, что хозяйство не было особенно сложным и легко можно было обойтись без специальных знаний. Среди помещиков исключением являлись те, кто имел хотя бы самое примитивное агрономическое образование. Все было просто и шло по обычному предку. Если начинающий помещик или управляющий на первых порах и не знал, как нужно поступать, его мог научить любой садовник или даже простой рабочий. Главное достоинство Исаака заключалось в том, что это был свой человек, на которого можно было всецело положиться.

Летом мисс Матюс решила покинуть нас. Здоровье ее уж не было то, что раньше, да кроме того, надо полагать, что стосковалась она по Англии и своим тамошним друзьям. Расстались мы с большим сожалением и до самой войны 1914 года были с ней в постоянной переписке. После этого по независимости от нее и нас обстановка переписки эта прекратилась, и мы окончательно потеряли друг друга из виду.

Прожив некоторое время в Англии, мисс Матюс пошла в Вену гувернанткой в одну австрийскую семью.

Давид тоже покинул нас, так как осенью должен был сдавать вступительные экзамены в Лицей. Экзамены эти были довольно трудны, Давид же за время пребывания в деревне не брал книги в руки. Теперь единственная надежда была на те несколько дней, что длилось путешествие в Петербург.

Благополучно выехал он из Гурджаани, и мы с нетерпением ожидали от него известий. Пришли они в свое время, но отнюдь не были того содержания, что мы ожидали. Оказалось, что Давид вместо того, чтобы поступить в Лицей и окончить там свое образование, поступил в Конную гвардию.

Как и можно было ожидать, экзамены он не выдержал и обратился к проживающему в Петербурге князю Александру Ираклиевичу Ваграцкому-Мухомовскому, бывшему командиру Конной гвардии, нашему родственнику, и тот помог ему устроиться вольноопределяющимся в полк. Оказалось тоже: в последнюю минуту перед выездом из Тифлиса Давид забыл взять книги, нужные для приготовления к экзаменам.

В революционном Петербурге всегда находились пользовавшиеся влиянием грузины, которые охотно помогали обращающимся к ним за содействием соотечественникам. Одним из таковых именно и был князь Александр Ираклиевич.

Вольноопределяющимся назывались молодые люди с соответствующим образовательным цензом, обывавшие воинскую повинность в частях. Были они на привилегированном положении и тем отличались от солдатской массы. После года пребывания в полку

могли они держать экзамены на производство в офицеры запаса или действительной службы.

Вольноопределяющиеся делались также и те молодые люди, опять-таки с соответствующим образованием, которые не подлежали призыву в войско, но поступали туда добровольно. Так обстояло дело с Давидом, который как старший сын был освобожден от отбывания воинской повинности.

Поступая в гвардейский полк, даже вольноопределяющимся, было совсем не так легко. Нужно было иметь согласие полка, а для этого требовалась серьезная рекомендация.

История с поступлением Давида в Конную гвардию напоминает мне повесть Дюма «Три мушкетера», где Александр Ираклиевич выступает в роли де Тревиля, а Давид в роли приехавшего из Гасконии молодого д'Артаньяна. Много в то время находилось в Петербурге грузинских де Тревиля и много к нам приезжали грузинские д'Артаньяны.

К Конной гвардии я еще вернусь и посвящу ей больше места, когда дойду до описания того, как много лет спустя я сам поступил в этот заслуженный полк.

После отъезда мисс Матюс и Давида семья наша сильно уменьшилась. Что было бы дальше и остались бы мы еще на одну зиму в Гурджаани, еще не было решено, когда пришла поразившая нас всех телеграмма от тети Руси Меликовой, в которой она сообщила об убийстве дедушки Илья Чавчавадзе и тяжелом ранении бабушки Ольги. Просила она мать немедленно приехать в Тифлис.

Выехали мы на следующий же день утром и больше уже в Гурджаани не вернулись. Так неожиданно окончился интересный период нашей деревенской жизни.

Приехав в Тифлис, остановились мы в доме дедушки Илья на Андреевской улице. Бабушка Ольга находилась там же в бессознательном состоянии. Убийство Илья Чавчавадзе — вещь настолько хорошо известная, что только коротко остановлюсь на нем.

Дедушка Илья и бабушка Ольга ехали из Сагурамо в Тифлис. Ехали они в коляске, на колесах ехал с кучером сидел лакей. Нападение на них произошло в районе деревни Цинаури. Дедушка и слуга были убиты ружейными пулями, у бабушки же был пробит прикладами череп, и из-за этого она была в бессознательном состоянии. Кучер остался невредим, и его потом судили за соучастие в убийстве. Трудно решить, был ли он их соучастником или остановил коляску, повинуясь убиению из страха.

Хотя и удалось спасти жизнь бабушки Ольги, но она осталась на всегда не вполне нормальной. Осложнил черепу давил ей на мозг, операция же по каким-то причинам нельзя было произвести. Помешательство ее было тихое, и только по временам наступали у нее периоды повышенной нервозности, когда нужно было за ней внимательно следить.

Совершенно не сознавала она, что произошло, и в минуты откровенного просветления, помнила, только и то смутно, как коляска их почему-то остановилась. Дело в том, что она была совершенно глухой и благодаря этому не слышала ни разговоров, ни выстрелов. Возможно тоже, что убавканная мерным покачиванием коляски, она задремала, а потому во время нападения тоже ничего и не видела.

Бабушка была настолько глухой, что еще задолго до нападения на них пошла как-то под трамвай и была серьезно ранена. Глухота выработалась в ней болезненной подостроумностью, которая причиняла бедному дедушке много неприятных моментов.

Теперь после сурового ранения она долго болела. Была она окружена самым тщательным уходом. Было ей оказано много внимания, и это не только со стороны грузинского общества, но и русских властей. Так, по личному распоряжению графа Воронцова при подъезде дома на Андреевской долгое время стояли часовые. Известную роль при этом играло, конечно, и то, что покойный дедушка был членом Государственного Совета.

Убийство Илья Чавчавадзе было крупным событием в жизни грузинского народа той эпохи. Похороны его были поистине народной демонстрацией и были весьма торжественными. Больше всего поражали огромные массы, принимавшие участие в траурном шествии, совершенно загроможденные улицы. Приехали делегации со всех концов Грузии. Получено было бесконечное количество соболезновательных писем и телеграмм. Не знаю, попали ли они потом в музей на Андреевской улице. Могли они занять там почетное место, ибо являлись отличным показателем народных чувств той эпохи иносезного владычества над Грузией.

Читал я часто и перечитывал все эти письма и телеграммы. Одна из них осталась у меня навсегда в памяти. Пришла она откуда-то из Мингретии и была следующего содержания: «Анафемское проклятие кахетинской руке. Ермин Хухуня». Кто был этот Ермин Хухуня, не знаю, но прислал он телеграмму, много говорящую моему юношескому воображению и которая именно благодаря этому сохранилась у меня в памяти.

Материальное положение бабушки Ольги было следующее. Состояние свое перевела она уже давно на имя дедушки, он же, не имея детей, оставил завещание, в котором все свое имущество завещал Обществу распространения грамотности. Таким образом, все их состояние, включая и бабушкину часть Сагурамо, перешло теперь в Общество. Вместо этого получила она небольшую пенсию в размере 200 рублей в месяц.

Мать просила взять на себя заботы о преемстве за бабушкой Ольгой. После этого и до самой смерти последней, наступившей в 20-х годах уже при большевиках, мать имела ее всегда под своей опекой, и жила она постоянно с нами или тут же вблизи, по соседству.

Дом Илья Чавчавадзе на Андреевской улице был небольшой одноэтажный. Был он несколько лет перед этим куплен у Гвиневых, владевших также соседним двухэтажным домом. Дедушка построил две комнаты, выходящие на улицу, в старой же части дома было, насколько помню, четыре комнаты, кухня и иные хозяйственные помещения. Бабушка жила в кабинете дедушки, мы же занимали остальные комнаты. При бабушке постоянно находилась одна и та же сиделка, была она при ней еще в конце 1920 года, когда я выехал из Тифлиса.

Устроились мы на Андреевской улице, правда, в небольшом доме, но довольно хорошо. Устроив все дела и будущую спокойную за бабушку, которая физически чувствовала себя уже лучше и при которой находилась опытная сиделка, поехали мы через несколько месяцев во Францию, так как наступил срок, когда Тамара должна была показаться своему доктору. Во время нашего отсутствия бабушка опекала теть Русю Меликову, ежедневно ее навещавшая.

После докторского осмотра в Берне провели мы месяца два в Париже. Приехав сюда, попали мы как бы в иной мир. Да и действительно, еще недавно сидели мы в нашем лесном оазисе в Гурджаани, где нашу безопасность сторожили легионские охотники, а теперь нас взял в свои объятия Париж с его театрами, магазинами, гостиницами и совершенно иными людьми. Контраст, конечно, был огромный.

На обратном пути домой проезжали мы через Швейцарию и на несколько дней остановились в Берне. Проводила там зиму теть Лиза Пелладо с сыновьями. Попали мы туда как раз на Рождество. На следующий год теть Лиза приехала с младшим сыном в Тифлис и прожила с нами месяца два на Андреевской.

Из Берна поехали мы дальше через Вену. Хотели мы встретиться с мисс Матюс, которая была гувернанткой в одном австрийском доме. Провели мы с ней целый день и с грустью расстались, чтоб уж больше не встретиться.

После сравнительно долгого отсутствия вернулись мы в Тифлис и поселились на Андреевской. Прожили мы там, кажется, до осени 1909 года, до того времени, когда Общество распространения грамотности решило открыть музей Илья Чавчавадзе. Для бабушки Ольги удалось найти квартиру в спокойной части города на Давидовской площади на углу Мтацминдской, мы же поселились недалеко, на Параллельной улице. Через год освободилась соседняя с бабушкой квартира, и мы перешли туда. Получилось очень удобно: имели мы две отдельные квартиры, но соединенные общей верандой.

В 1908 году Давид держал офицерский экзамен, и никто не был особенно удивлен, когда он провалился. Держал он его вторично в следующем году, выдержал, но не получил достаточно высоких баллов, чтоб быть произведенным по гвардии. Был он произведен по армии и получил назначение в один из армейских кавалерийских полков с одновременным прикомандированием к Конной гвардии. В новый свой полк он никогда не ездил и оставался по-прежнему в Петербурге.

На следующий год во время полкового праздника, в день Благовещения 25 марта, полковой командир, генерал Хан Нахичеванский, представил Государю положение Давида и просил об оказании ему Монаршей Милости и переводе в Конную гвардию. Государь подошел Давида и поздравил его с переводом. Через несколько минут брат уже шел в заранее приготовленной форме.

Приезжал он в отпуск еще в бытность свою вольноопределяющимся. Находясь он всецело под впечатлением новой для него обстановки, которая ему очень нравилась. Рассказывал он нам и показывал много интересного. Однажды решил он продемонстрировать нам рубку, причем не нашел лучшего станка для прута, который собрался рубить, как красиво переплетенную тетрадь с гаммами Ганона, принадлежавшую Тамаре. Идином, как назло, скользнул вдоль прута и вместо моего рубящего тетрадь с гаммами. Стыдно сознавая, но радости моей не было тогда границ: невидел я в то время музыку, а тем более гаммы. Тамара мечтала сделать виртуозом-музыкантом и удивлялась, по два часа в день на фортепиано. Дальше Ганона она, однако, не пошла, и это обстоятельство еще больше портит мое настроение. Не следует забывать и того, что квартира наша на Андреевской была сравнительно небольшой, и не

(Продолжение на 13-й стр.).

ВОСПОМИНАНИЯ ДИМИТРИЯ ШАЛИКАШВИЛИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Перелом этот имел и свои внешние проявления. Видим их хотя бы в начавшемся строительстве прекрасных зданий, появлявшихся в наших городах и строившихся на грузинские средства для грузинских национальных целей. К ним можно причислить здание Тифлисской дворянской гимназии, где впоследствии помещался Грузинский университет и здание Земельного Банка, построенного в строго выдержанном грузинском стиле. Здание эти были настоящим украшением нашей столицы и будущи, наверное, самыми значительными, не были однако единственными.

Большую национальную силу представляло из себя грузинское дворянство. Говоря о нем, следует различить два понятия: дворянство, как организацию и дворян, как отдельные личности.

Как организация дворянство делало большое национальное дело. Бывало оно часто единственной силой, могущей, хотя и косвенно, выступать в защиту грузинских интересов. Пришел момент, когда волеи судеб ей суждено было сойти со сцены, но до конца дней своих совершала она хорошую и полезную работу.

Благодаря умелому руководству своих предводителей, организация грузинского дворянства, в особенности в восточной части страны, представляла из себя крупную экономическую силу, и это не только в грузинском масштабе. Свои большие средства и влияния использовала она для национальных целей. Единственные грузинские гимназии — это были гимназии открытые и содержавшиеся на средства дворянства. Было их две: одна в Тифлисе, другая в Кутаисе. Назывались они дворянскими, но, несмотря на свое название, в действительности были открыты для молодежи всех сословий. Грузинский земельный банк поддерживал земледельцев. На дворянские средства была построена Кахетинская железная дорога, поддерживало оно материально такую полезную организацию, как Общество распространения грамотности. Дворянство приобретало имущество из негужинских рук и делало вообще много хорошего для национальной дела.

Своим последним актом в эпоху революции, когда оно переставало существовать, как организация, передавало свое состояние, а оценивалось оно во много миллионов, Грузинскому национальному собранию.

На Дворцовой улице, в Тифлисе, помещался большой дом. Представлял он из себя большую ценность. Имел он несколько дворов и целый ряд магазинов. Здесь помещался Грузинский клуб с театром. Общество распространения грамотности и много иных учреждений. Дом этот принадлежал раньше некому армянину. Армянин, и был приобретен дворянством в бытность предводителем генерала князя Ивана Сулхановича Чавчавадзе. Армяне никак не могли с этим примириться, и хотя прошло уже много лет после указанной сделки, она все еще продолжала портить им настроение.

Князь Иван Сулханович был одним из наших лучших предводителей. С личностью его связано много интересных воспоминаний. В бытность его предводителем припала печальная сотая годовщина нашествия Ага Мамед хана. Получил он разрешение властей устроить торжественный молебен на Крданиском поле. Как говорили потом, собралось там так много грузин, что если б в день трагической битвы царь Ираклий имел хотя бы их половину, была бы одержана блестящая победа и история Грузии потекла бы по иному и более счастливому руслу.

Перед тем как он был избран предводителем и находился еще на действительной военной службе в Кизикии, начался голод. Власть послала голодающему населению муку, была это, однако, ржаная мука, которая не была у грузин в употреблении и представление о которой было у них связано с военной службой, ибо солдаты получали ржаной "леб". Грузины в то время еще не отбывали воинскую повинности, была она введена позже. Получив ржаную муку, кизикийцы решили, что их хотят сделать солдатами. Начались волнения. Не зная, какую должность занимал в то время Иван Сулханович, во всяком случае был он послан в Кизикию объяснить положение и успокоить население. Когда все его разъяснения не действовали на собравшихся, потерял он терпение и вызвал своего главного оппонента на единоборство-чабдоа. Привело это собравшихся к такому благодушному настроению, что все мирно разошлось, и инцидент со ржаной мукой был благополучно ликвидирован.

Дворянство наше не жило в отлучении от остальных слоев населения. Не было здесь той резкой грани, отделявшей от себя разные сословия и классы. В этом отношении положение в Грузии было значительно лучше, чем во многих иных странах.

Если грузинское дворянство как организация стояло на соответствующей высоте, то и отдельные личности, принадлежавшие к этому сословию, сделали тоже много хорошего. Из этой среды вышел целый ряд больших писателей, поэтов и мыслителей: Александр и Илья Чавчавадзе, Орбеляни, Бараташвили, Акаки Церетели, Казбек и многие иные. Были крупные политические и общественные деятели: тот же Илья Чавчавадзе, Димитрий Кипианишвили Арчил Джорджиадзе и хотя бы те предводители, которые руководили дворянской организацией и делали большое национальное дело.

Часто приходится слышать обвинения по адресу дворянства, что из всех сословий было оно наиболее податно руссификации, а тем самым менее иных проникнуто национальным чувством. Обвинение это несправедливо. Среда эта, представляющая собой девятую часть населения, была действительно руссифицирована, и всякая иная группа на ее месте переживала бы то же самое.

Грузинское дворянство отнюдь не было настроено консервативно, реакционно. Лучшим доказательством этого может служить то, что много передовых и даже революционных деятелей вышло из его рядов. До конца было оно проникнуто жизненными сил и стремления бескорыстно служить Родине. Видим это и в эпоху нашей независимости 1918—1921 годов. Сколько тоже дворянских помещичьих домов являлись настоящими культурными центрами, из которых вышли все эти поэты, писатели и мыслители и наши лучшие политические и общественные деятели. Валико Джугели в своих воспоминаниях описывает грустное настроение, которое его охватило, когда в 1918 году он попал в разоренную крестьянами купальню усадьбу. Как он сам говорит, охватила его грусть при виде погребов старого культурного гнезда. Джугели вряд ли приходится подражать в специальных симпатиях к помещичьей среде, а посему высказываемые им здесь суждения приобретают особое значение.

Я тоже не ставлю себе специальной задачей прославлять наше дворянство, считаю, однако, нужным при описании той эпохи правильно оценить факты и не поддаться под модные сегодня настроения.

Между тем, как это ни печально, дворянство наше постепенно разлагалось. Способствовало этому в первую очередь стремление жить за счет средств. Именца дворянства, заставлялись в переиздаваться. Не могли они часто удержать своих владений на соответствующей высоте. Некоторые помещики были даже не в состоянии давать своим детям хотя бы элементарного образования, ибо не могли посылать их для этого в город.

Тяжелое было также положение проживавших в городе. Последние дворянские дома переходили в чужие руки, и люди переезжали во все меньшие и более дешевые квартиры.

Типичной представительницей этого постепенно разорявшегося общества была та юная дама, которая, получив письмо от своего знакомого из Боржома, в котором он писал, что съедает хорошую дачу на лето, ответила ему составленной в рифму телеграммой:

«Какое время на дачу,
Когда нет никаких ча...»

и тут следовало такое слово, по которому можно с уверенностью сказать, что оно первый раз передавалось по телеграфным проводам.

Эта не стесняющаяся в выражениях дама считалась, между прочим, высокообразованной женщиной. Недаром по ее говорили, что она и прочла от доски до доски энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.

В Тифлисе пользовалась известностью картина, на которой были изображены тогда три старика-генерала: Захарий Чавчавадзе, Иван Гивич Амиллахвари и Амиллахвари. Были это последние из оставшихся еще в живых грузинских-героев Кавказских войн. Несмотря на старость, которыми был усел их жизненный путь, удалось им дожить до глубокой старости. Были это крупные личности, которые хотя и не имели высшего образования ни общего, ни военного, были талантливыми военачальниками, в особенности для специфических условий кавказского театра военных действий. Чавчавадзе и Амиллахвари гордились тем, что были по-русски и вряд ли прочли много книг на этом языке. Их культурное образование получалось у них, однако, необычайным способом.

О генерале Амиллахвари мне лично мало известно, а потому кратко упомяну только о Захарии Чавчавадзе и о Иване Гивиче Амиллахвари.

Слыша об исключительно храбрости, подвиги которых сохранились навсегда в памяти кавказских войск. В полковой песне нижегородцев драгуны, одного из лучших полков русской конницы, князь Захарий, описывался как «герой Седана и Чечни».

На реке Су... довелось ему совершить в молодые годы один из своих самых блестящих подвигов. Драгуны были подняты по тревоге, когда пришло известие о нападении чеченцев. На несоборанных конях бросились князь Захарий со своим эскадром наперез уходящей с беготней дождевой многочисленной партии горцев. Путь заградилась ему река Сулак, не задумываясь, прыгнул он с высокой отесанной берега в бурлящую воду реки, переплыл ее и бешеной атакой опрокинул горцев, из которых мало кто остался в живых.

Пятьдесят с лишним лет спустя военные власти решили воспроизвести подвиг князя Захария в фильме. Роль его играл сын Давид, бывший в то время командиром эскадрона в Нижегородском полку. Давид, сам лхой наездник, с трепетом думал о предстоящем ему головоломном прыжке в кипящие воды Сулака. Фильм этот был, между прочим, одним из первых, которые были сняты на военные сюжеты.

При штурме Карса, в 1854 году, когда командующий войсками должен был послать приказание боковой колонии, турки, видевшие, как на ладони, движение горцев, огнем своим перебили уже несколько человек. Вызвался тогда князь Захарий. В открытой местности, там, где пешие гонцы не могли найти для себя достаточного прикрытия, помчался он верхом под самой линией вражеских укреплений. Удалство его произвело такое впечатление на турок, что они прекратили стрельбу и громкими криками выражали свой восторг и одобрение.

Трудно перечислить все его подвиги. Отличали его не только удали и личная храбрость, но и холодный рассудок, самообладание и иные качества, присущие только высокоодаренным военачальникам.

Начальство ценило его высоко, да и сам знал он себе цену. Не старался он делать карьеры, и если, что ему не нравилось, не скрывал своего недовольства. Однажды во время штурма, производимого начальником дивизии, запретил он полку, которым командовал, отвечать на приветствие начальника. Хотел он этим подчеркнуть свое отрицательное к нему отношение. Подобные и иные действия сходили ему безаказно, не всякий тоже начальник начал бы войну с несломным князем Захарием.

Подобные, как он, личности накладывали отпечаток на части, в которых они служили, и многие русские полки обязаны были им своей боевой славой.

Дослужился он до чина генерала от кавалерии, был генерал-адъютантом Государя и имел офицерские Георгиевские кресты 4-й и 3-й степеней.

Иван Гивич Амиллахвари не уступал Захарии Чавчавадзе ни в личной храбрости, ни в военных дарованиях. Жизненный путь его также полон был славных боевых подвигов, но о нем сохранилось как-то больше рассказов анекдотического характера, делавших подчёрнутую его мнимое простоватство, необразованность и примитивность. Так, например, рассказывали, что во время служебной поездки вдоль персидской границы офицеры увидели парящего высоко орла. Кто-то, смотря на него, сказал: «Интересно знать, откуда он летит, из России или из Персии». Иван Гивич, услышав это, встал сразу же в разговор и сказал: «Конечно, из Персии, разве Ты не знаешь, что русские орлы двуглавые». Рассказывали также, что когда кто-то передавал ему прочитанное в газетах сообщение о востании туземцев где-то в Африке, покачал он головой и сказал: «И куда попали наши грузины». Привык он слышать, как русские в Грузии называли местное население туземцами, и решил, что слово это является синонимом грузин.

Вопреки курсирующим про него анекдотам, был он, безусловно, незаурядной личностью и военачальником большого масштаба, которому не побоялся вверить командование одним из кавказских армейских корпусов. Самую лучшую аттестацию дал ему впоследствии его бывший начальник штаба. С трепетом ехал он из Петербурга к неучу и чудаку, служба под командой которого не сулила ничего хорошего. Первые впечатления при встрече с Амиллахвари еще более укрепили опасения ученого академика, который схватился за голову, услышав его военные диспозиции, поразился он, однако, когда увидел, к каким блестящим результатам диспозиции те привели. Проникся он постепенно уважением к своему начальнику-неучу и сознавался впоследствии, что многому хорошему от него научился.

Иван Гивич был не только выдающимся военным, но и преисполненным жизненного опыта, мудрым человеком. Вскоре после окончания войны с горцами, в Чечне стало несложно, и русские власти были сильно озабочены, ожидая со дня на день всплеск и восстаний. Был туда послан со специальными полномочиями Иван Гивич Амиллахвари, который своими умелыми действиями отвратил грозящую опасность. Как потом указывали, нашел он самый верный путь к сердцам чеченцев, выступая среди них не как представитель русской власти, а как кавказец, дающий своим землякам правильные советы, как лучше всего поступать в новой для них обстановке. Мудрые действия Ивана Гивича произвели большое впечатление и на центральные власти в Петербурге.

Захарий Чавчавадзе и Иван Гивич Амиллахвари принадлежали к категории лучших грузинских генералов времен Кавказских войн. Уступали они, пожалуй, только Ивану Малхазовичу Андроникову, который превышал всех остальных грузин военными талантами. Недаром английские обозреватели считали его одним из лучших российских генералов на Кавказском театре военных действий.

На Головинском проспекте находился военный музей, помещавшийся в длинном одноэтажном здании без боковых окон и носившем название Храма Славы. Шутники, правда, предпочитали называть его Слесьем Нищим, подчеркивая этим как отсутствие окон, так и чего-нибудь ценного в его коллекциях. Можно было, конечно, найти в нем картины мировых художников, но имел он много интересного материала, касающегося Кавказских войн. Содержался он хорошо и вряд ли особенно уступал иным музеям подобной категории.

На внешней стене, выходившей на Головинский проспект, прибиты были бронзовые доски с перечислением важных событий из истории Кавказских войн. На главном месте находилась доска со словами манифеста императора Павла о присоединении Грузии. Не приходится удивляться, что когда пришел соответствующий момент, была она, к всеобщей радости грузин, немедленно сорвана.

В годы русского владычества термин Кавказ как географическое и административное понятие был в общем употреблении, слово же Грузия употреблялось как-то значительно реже, присылаемые из России глава нашей церкви назывался, правда, Экзархом Грузии, в полном титуле Российских императоров значилось тоже, что они являются царями Грузинскими. Была Военно-Грузинская дорога, и потомки бывших царей наших вместо фамилии Багратионы получали фамилию Светейших князей Грузинских, но этим дело ограничилось, и сама Грузия обратилась в Тифлискую и Кутаисскую губернии и прилегающие округа.

Слово Грузия так редко употреблялось, и история нашего народа так затучивалась, что когда мы слышали что-нибудь из этой области, доходившее до нас из внешнего не нашего грузинского мира, производило это на нас впечатление чего-то неожиданного и в высшей степени приятного.

Помню, какое впечатление произвело на меня, когда в 1916 году на русско-германском фронте нашли мы у взятого в плен немца карту Восточной Европы, на которой была обозначена Грузия.

Однаково чарующее впечатление произвела на меня прочитанная в юности книжка, повествующая о Чингис Хане, в которой, между прочим, были описаны бои монголов с грузинами, выступившими в защиту Родины. Книга эта была написана каким-то иностранным автором.

Характерным для тогдашней эпохи являлось то, что тифлисский городской голова был армянин, Хатисов. Был это к тому же не какой-нибудь отгузничавший армянин, но армянин столичный, ничего общего с Грузией и грузинами не имевший, и делавший, наверное, все от него зависящее, чтоб земляки его благодаря своему экономическому превосходству играли бы в Тифлисе первую роль. Очень большой процент домов, торговых и промышленных предприятий находился в руках армян. Как высок был этот процент, не знаю, был он во всяком случае, не ниже процента, припадающего в удел хозяевам страны — грузинам.

Думается, однако, что тут тоже уже был пройден самый опасный момент. Как я указывал выше, в Грузии нарождались новые силы, которым суждено было не только ослабить процесс руссификации, но и вести успешную борьбу со стремившимся захватить все в свои руки чужим капиталом.

На Кавказе, а в частности в Тифлисе, проживало довольно много поляков. Сравнительно большое ядро их составляли потомки лиц, принимавших участие в восстаниях 1831 и 63 годов. Пользовались они среди нас особыми симпатиями, а национальное горе их вызывало к себе большое сочувствие.

Многие из проживавших здесь поляков совершенно отгузничались и принимали участие в грузинской общественной жизни, так, например, наш большой общественный и политический деятель — Замечив.

Интересна история одного такого отгузничавшегося поляка, некоего Головацкого. Был он конкорсом нашего грузинского военного училища. После захвата Грузии большевиками эмигрировал он с группой наших юнкеров пошла в Польшу, где вместе с ними был принят в военное училище. Пошел он туда, чувствуя себя грузином, а не поляком, и не одного слова польского, и только он сохранился семейными воспоминаниями о том, что предок их был сослан в свое время на Кавказ.

Среди иностранцев особенно близок к нашей семье был Артур Лейст, друг Илья Чавчавадзе и талантливый переводчик его произведений на немецкий язык. Проживал он уже долгие годы в Тифлисе, отлично знал грузинский язык и был большим и искренним другом грузинского народа. Жил он недалеко от нас, и к малому любил заходить к нему на квартиру, где чувствовал себя в привычном кругу и где картины и снимки Германии производили на меня обаятельное впечатление.

Лейст был человеком небогатым и служил в управлении «Аптекарского склада» на Эриванской площади, самом большом предприятии этого рода в Тифлисе.

В Тифлисе было много иностранных промышленников, ниже-

неров и коммерсантов. Были здесь и иностранные консульства. Большой популярностью пользовался немецкий консул, граф Шуленбург, искренний друг Грузии и будущий германский посол при советском правительстве в Москве. Был это в высшей степени обаятельный человек, поддерживающий близкие отношения с местным грузинским обществом. Про него говорили, правда, что он прислан сюда своим правительством со специальными задачами. В 1914 году принужден он был покинуть Тифлис и появился здесь опять в 1918 году в штабе генерала фон Кресса. Погиб он трагически после покушения на Гитлера в 1944 году. До конца дней своих был он большим другом грузин, которым оказывал много хорошего. Мы вернемся к нему еще при описании эпохи нашей независимости и времен второй мировой войны.

Много было признаков того, что власть находилась в руках русских. Один из них была поверхностность, иные проникали глубоко. Официальный язык был русский, применялся он в суде, школе, почте, при переписке с властями. Надписи на улицах и магазинах были по-русски. На десяток-другой грузинских названий улиц были сотни русских. На одной из таких, носившей название Петра Великого, находилось управление генерал-губернатора. В том же здании была его квартира. До двенадцати часов дня запрещено было движение не только тяжелых повозок но и колясок мимо здания генерал-губернаторства. Объясняли это тем, что супруга генерала любила долго постоять, а движение на улице могло бы ее разбудить. Улица Петра Великого находилась в центре города, а посему подобное распоряжение было довольно стеснительно.

Тифлис, по занимаемому им пространству, был довольно большим городом, имел он однако только одну пожарную команду. Помещалась она на одной из высорасположенных улиц, где-то в районе Солоаки. Было это, конечно, правильно, так как город был построен на гористой, неровной местности и таким образом пожарной команде, куда бы она ни неслась, приходилось обыкновенно спускаться с горы вниз. В расположении команды находилась башня, так называемая пожарная каланча, на которой пребывал всегда дежурный наблюдатель, следящий за тем, не показывается ли где огонь или подозрительный дым. При тогдашней слабо развитой телефонной сети был это, пожалуй, самый верный способ узнавания о вспыхнувшем пожаре. Современные команды, имеющие в своем распоряжении и телефоны, и мощные автомобили, наверное, быстрее прибывают к нужному месту, но и тогда земля трясется, когда несется запряженные в тройки вороных коней пожарные машины.

В конце Михайловского проспекта находилась большая общественный сад Муштаид. Доходил он до самой Куры и имел много тенистых старых аллей. Находился там павильон для ресторана и оркестра.

Элегантная публика сада этого не посещала, в особенности в вечерние часы. Принадлежал он когда-то мусульманскому духовному лицу, носившему звание Муштаида и благодаря этому получив свое познее название. При входе в сад висела доска с надписью: «Нижним чинам и собакам вход воспрещен». Нижним чинами тогда назывались солдаты. Если б не то, что мне пришлось видеть эту доску собственными глазами, трудно было бы поверить, что такие вещи могли существовать. Эти и подобные им явления делают понятным многое, что потом случилось, и дают плохую аттестацию тогдашним властям.

В другом конце города, в закрытом от ветров месте, лежащем между горами, находился прекрасный ботанический сад. Тут же в соседстве были разваливающиеся башни и крепостные стены, никому уже не нужные, и на которые уже никто не обращал внимания. Не отдавали мы себе отчета в том, что они являются историческим памятником и что немало верных сынов Отечества погубило здесь, при защите родного края. Следовало бы окружить их большой любовью и уважением.

На противоположном берегу Куры находилась покрытый славой древний Метехский замок. Русские власти устроили там тюрьму. Как это ни печально, мы, грузины, относились к этому совершенно равнодушно.

Иным примером того, как мало мы ценили памятники старины, служит Кванджская церковь. За несколько лет до первой мировой войны старая маленькая церковь, расположенная в центре города, недалеко от Головинского проспекта была снесена, а на ее месте построена новая большая и в строго выдержанном грузинском стиле. Была она одной из самых красивых церквей Тифлиса и в архитектурном отношении представляла из себя большую ценность. Совершенно правильно, что она была построена на месте старой, и никому в голову не придет когда-либо за это порицать. Жаль только, что при этом несколько переусердствовали. Старая церковь была окружена каменной крепостной стеной с бойницами. Ее разрушили одновременно с самой церковью и на ее месте поставили решетку из чугунных прутьев. В иной стране, ставя на месте старой церкви новую, наверное бы, не разрушили древнюю крепостную стену. Оставили бы ее как наилучшее украшение новой постройки и как историческое воспоминание, осеняющее своим достоинством творчество новых поколений. Подобные исторические воспоминания можно найти в самых современных кварталах Рима, Парижа и иных европейских городов.

Посреди города находился большой Александровский сад. В революционные годы был он закрыт для публики, так как власти опасались, что там могли прятаться революционеры и иные опасные личности.

В 1905—1906 годах был открыт для движения тифлисский трамвай, заменивший старую конку. В то же приблизительно время был проведен фуникулер на гору Святого Давида. Как гласят старые источники, гора эта, в наше время совершенно лысая, была когда-то покрыта густым лесом, который впоследствии был вырублен, что во время войн враги не могли подкарауливать незаметно к городу. Гора Святого Давида была любимым местом игр мальчиков, живших в районе, прилегавшем к ней. Любили ее также и сапожники, верными клиентами которых являлись эти рушцы на скалах обувь мальчука.

В городе были хорошие магазины, среди них были и иностранные, главным образом, французские с модами для дам. Тифлис был элегантным городом, и мужчины и женщины одевались здесь хорошо, но национальные костюмы носило сравнительно мало людей. Лучшие все-таки умели шить черески мастера из Кутаиса и западной части Грузии.

Тифлисские конфеты и пирожные могли удовлетворить вкус самых изысканных любителей. Кондитерские были свои и иностранные, самые лучшие две французские: Лотт и Рение. Первая славилась конфетами, а вторая пирожными. Говоря о кондитерских, нельзя обойти молчанием «Персидского магазина» или, как его обыкновенно называли, «Персика». Помещался он на Эриванской площади в здании Караван-Сарая. Тут можно было найти всевозможные восточные сладости.

Была и французская парикмахерская, Берлемонт, которая, правда, уступала первое место грузинской фирме, носившей звучное французское название «Грегюар». Сын Берлемонта, а мой ровесник, учился в одной из тифлисских гимназий, по-французски не говорил и чувствовал себя гораздо больше кавказцем, чем французом.

За несколько лет до первой мировой войны появилась новая серия почтовых марок с изображением Государя и почивших императоров и императриц. Были это довольно красивые марки, заменившие собой прежнюю малоартистическую серию. В связи с их выпуском рассказывали, что какой-то чиновник почтового ведомства представил докладную записку, в которой высказывал мысль, что недопустимо, чтоб на почте ударяли печатью по изображениям августейших особ. Рассказывали дальше, что начальство нашло его взгляд правильным, однако ничего нельзя было поделать, так как марки уже поступили в продажу. Как бы там ни было, но люди, заботящиеся о царском величии, утешали себя тем, что за границей такие марки уже давно существуют, и никто там не считает предосудительным ударить изображения царствующих особ почтовыми печатями.

На Михайловском проспекте находились два писчебумажных магазина, так называемые Большая и Малая Американские Торговли. При входе в большую магазин висел жестяной американский флаг с надписью: «Писчебумажная Торговля гражданина Северо-Американских Соединенных Штатов». Трудно сказать, отчего хозяева этих магазинов вернулись обратно из Америки. Быть может, стремились они привить в Тифлисе американские торговые принципы, а может, не удалось им привить в Америке армянских. Магазины эти ничем особенно не отличались, но были для проживавшей в окрестности молодежи поставщиками тетрадей, карандашей и иных школьных принадлежностей.

Помню первый аэроплан, летавший над Тифлисом, было это, кажется, в 1907 или 1908 году. Летал он низко и очень коротко, но производил на нас впечатление чего-то зачарованного и из иного мира. Сегодня, когда мы имеем аппараты, перелетающие материк и океаны, трудно понять наше удивление при демонстрациях начала 20-го столетия.

До появления первого аппарата присутствовали мы порой при иных зрелищах из области авиации. В Тифлисе приезжал как-то некий специалист летания на воздушном шаре. Разводился костер, и над ним держали матерчатую оболочку баллона, к которой была прикреплена трапеция для воздухоплавателя. Когда шар наполнялся теплым воздухом, пускали державшие его канаты, и он стремительно поднимался под облака. Мы, стоявшие на земле, смотрели ему вслед и делились впечатлениями. Интересовал нас при этом вопрос, что случилось бы, если б баллон при спуске погрузился в

Продолжение на 15-й стр.

ВОСПОМИНАНИЯ ДИМИТРИЯ ШАЛИКАШВИЛИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Куру. Все, однако, кончалось благополучно, и публике так и не удалось получить ответа на интересующий ее вопрос.

У нас, как и всюду на широком свете, детвора и школьная молодежь увлекались играми и забавами. Часть этих забав носила специфический местный характер. Распространена была игра в «пояса», заключающаяся в том, что на земле очерчивался круг, из которого нужно было вытянуть пояс. Оборонял его иной игрок, находящийся внутри самого круга. Любили мы также играть в орехи. Несколько их штук уставлялись в ряд и с известного расстояния нужно было в них попасть плоским камнем или «кочкой». Каждый уважающий себя мальчик имел целую коллекцию этих кочек, которые красились в разные цвета и высоко ценились на «спортивном рынке». Чем они были тяжелее, тем легче можно было их метко бросать, и поэтому в них обыкновенно просверливались дыры, куда вливалось расплавленное олово. Распространена была также игра «Чилики джох». Была еще одна, точно уж не помню, в чем она заключалась, но что-то на ком-то ехал верхом. В известном моменте произносилась магическая фраза: «Судьба решает», осел переменяется, после чего менялись роли и прежний ездок превращался в осла. В игру эту забавлялись только зеленая молодежь, уважающие же себя ученики средних классов считали это ниже своего достоинства.

Зимы у нас довольно теплые, и мало бывает снега. Благодаря этому особенной любовью среди молодежи пользовались игры и забавы, связанные со снегом. Могли мы им предаваться ведь только несколько коротких дней в году. При первом намеке о снеге на снегу появлялись самодельные санки и деревянные коньки, начиналась игра в снежки. Тифлис расположен на равнине, гористой местности, местные улицы представляют из себя более или менее крутые подъемы и спуски. Все боковые улицы покрывались снежной массой самым спортивным мальчуганом. В то время еще мало было автомобилей, и дело обходилось без катастроф. Порою можно было наблюдать любопытные сцены, когда лошади поднимавшиеся медленно в гору фактора с удивлением смотрели на подыхавшие под их ноги санки с перепуганными мальчишками.

Благодаря теплой климату у нас не было дебряного катка. Вместо этого открыты были скейт-ринги, где на асфальте можно было бегать на специальных коньках с колесиками. Катая эти коньки, популярностью среди публики, и посещали их не только молодежь, но и взрослые.

Тифлис славился своими серыми банями, которым приписывались высокие целебные качества. Публика, правда, меньше интересовалась этими качествами, а делала из посещения бань известного рода развлечение. Вся процедура длилась несколько часов, ибо само купание сопровождалось продолжительным отдыхом, соединенным с едой традиционного пола-чаба и иных местных вещей. Были отдельные комнаты для купавшихся с очень хорошими мажорными ваннами, вделанными в пол. Мужчин обслуживали терцики, продававшие над купавшимися чудеса массажного искусства. Еще охотнее посещали бани женщины, и в этом можно было видеть влияние Востока, где купальни заведений являлись для женщин известным подобием клубов.

Сохранилось предание о том, что Ага Мамед хан, активный в захваченный им Тифлис, первым делом отправился выкупаться в тамошних банях. Слышал он много об их целебных свойствах и надеялся, что они выведут его от рокового учения. Серные воды, конечно, имели целебные свойства, но и они не могли совершить чудеса. Ага Мамед хан вышел из бани тем же, чем вошел в нее, — евнухом.

Много было в Тифлисе своеобразных комических личностей. Зимой и летом можно было встретить на Головинском проспекте вечного студента Вацхадзе. Его худощавая фигура, затнута в хорошо скроенный форменный сюртук, черная борода и студенческая фуражка сделались как бы принадлежностью тогдашнего Тифлиса. Трудно сказать, был ли он когда-нибудь в университете. Не исключена возможность, что после окончания гимназии надел он студенческую форму и щеголял в ней потом в продолжение многих лет. Если б не война 14-го года, неизвестно, сколько бы еще лет не расставался он с поправившимся ему мундиром.

Был в Тифлисе и Мишка Аргутинский, маленький, толстенький, на коротких тонких ножках. Дожили он до седых волос, но оставался все тем же Мишкой, подтверждавший тем правдивость грузинской поговорки «Маленькая собака всегда ценна». Был он чистокровным армянином, но, подобно Тамашевым и племенам иных армянских дворянских семей, поддерживал гораздо более близкие отношения с грузинским обществом, чем со своими армянами.

Несколько позже на горизонте появилась некто Бурдух Джаджва, про которого курсировал анекдот, что когда он хотел отправить куда-то телеграмму, русский почтовый чиновник отказался ее принять. Прочтя режущую его непривычное ухо подпись, решил он, что это какие-то условные знаки и телеграмма пифрограмма.

Среди тифлисских оригиналов одно из первых мест занимала та принадлежавшая к старшему поколению почтенная дама, которая считала ниже своего достоинства брать в магазин сдачу. Эта и подобные тому замашки сделала ее в конце концов жертвой роковой Маджварова, личности так противной, как только может быть грузин, когда начинает заниматься этим неграмотным для него и малопочтенным ремеслом.

Для контраста с перечисленными выше комическими личностями хочу сказать несколько слов об Орбелиани, одной из самых одаренных семей Грузии, давшей на протяжении веков много крупных личностей, поэтов, ученых, государственных деятелей и военачальников. В описываемое время всеобщим уважением пользовался генерал князь Георгий Орбелиани. Подобно князю Мамуке, служил он в молодости в лейб-гусарах. Считался он авторитетом в деле борьбы с чумой и, как таковой, пользовался известностью в международных кругах. Во время одной из эпидемий, с особенной силой поразившей Индию, отправился он туда с экспедицией и принес много пользы в деле организации помощи на местах. Вынес он от туда также и богатый опыт и знания.

Интересной личностью была и сестра князя Мамуки, княжна Соия. Была она одной из любимых фрейлин императрицы Александры Федоровны, находилась постоянно при дворе и редко только бывала в Тифлисе. Умерла она незадолго до революции.

После долгих общих рассуждений возвратимся снова к нашей семье. Дела с Гурджаани шли все хуже, управляющие постоянно менялись, причем последний из них оказался отъявленным вором. Решено было отдать имение в аренду, и арендатором сделался брат знаменитого оперного певца Сараджева. Денежные дела наши в то время были довольно плохи. После того как нефтяные промыслы в Ваку были сожжены, приносили они мизерный доход, далеко не хватавший на нашу жизнь. Жили мы главным образом долгами. Как и прежде указывал, такое положение продолжалось до 1912-13 годов, когда промыслы были восстановлены и начали приносить нормальный доход. Пока же положение было тяжелым. Подобно герою лермонтовской «Казаченьки», привыкли мы часто «не ведать, чем завтра будет пообедать», и это в буквальном смысле слова. Единственным, но, правда, довольно слабым утешением служило то, что многие из наших друзей и знакомых находились в том же печальном положении.

Осенью 1910 года поступил я в Первую мужскую гимназию, но перед тем как останавливаться на моих гимназических годах, хотелось бы мне коснуться еще некоторых вещей. Провели мы два лета в имении тети Руси Меликовой, в Ходжорин. Находясь оно в Борчалло, верстах в десяти от станции Садахло. Муж ее, князь Давид, умер незадолго до этого от головной чахотки и был похоронен на кладбище при Дидубийской церкви. Последний раз видел я его, когда он приезжал к нам на Андреевскую вместе с писателем Робакидзе.

Давид Меликов был личностью отнюдь не заурядной. Окончил он один из русских университетов и был человеком образованным и с широкими горизонтами. Весьма энергичный и с большой инициативой, являлся он общественным деятелем большого масштаба, и если б не преждевременная кончина, сыграл бы, наверное, видную роль в эпоху нашей независимости. Пользовался он широкой известностью не только в тифлиских, но и в петербургских кругах и был другом многих выдающихся людей. Был он тифлиским предводителем дворянства и носил придворное звание егермейстера.

Давид Меликов, наверное, следует причислить к числу наших хороших предводителей. Несмотря, однако, на свою интеллигентность и на то, что он был хорошим хозяином дворянского имущества, оказавшись он, как большинство грузин-помещиков, плохим хозяином собственного имения, и тетя Руса после его смерти была не в состоянии распутать дела. Унаследовав от своего отца огромное имение в несколько тысяч десятин, решил он, что хорошо было бы иметь оборотный капитал для управления хозяйством. Идея эта на себе была, казалось, правильной, но приращение ее на практике получилось отнюдь не правильным. Собрал он большой заем, заложив для этого имение в банке, но полученные деньги пошли не на улучшение хозяйства, а на разные иные дела. Уже по самому своему положению предводитель имел он много расходов, кроме того, ездил он часто в Петербург, где жил на широкую ногу. Все это, конечно, требовало денег.

За несколько лет до смерти удалось ему заинтересовать одну французскую компанию своими лесами. Французы построили большой лесопильный завод, и в глуши борчаллиских лесов возник целый поселок очень хороших, европейского типа домов для устроителей и служащих завода.

Предприятие, которое должно было принести большие доходы как французской компании, так и самому Меликову, окончилось полным фиаско. Лес оказался чересным, и завод не работал. Трудно

но понять, каким образом компания перед тем, как приступить к большим расходам, не произвела предварительного анализа деревьев, но неудача положила Давида Меликова на лопатки.

Если смотреть, однако, на дело с точки зрения общих интересов, то в описываемой неудаче, наверное, можно найти и хорошую сторону. Французы строили, конечно, большой завод в расчете не только на меликовские леса, но и на все окрестности. При недостаточности лесохозяйственных законов того времени легко представить себе, к чему бы привело хозяйничанье иностранной фирмы, таким же образом леса остались негронутыми и, хоть и черныше, продолжали приносить ту пользу, для которой их предназначила природа.

Когда я был в Ходжорин, ездили мы осматривать этот завод. Стоял он пустынь, и дорожные машины постепенно ржавели. Жила там одна французская семья, сторожившая завод и окружающие здания.

Как велось лесное хозяйство в те времена, можно было наблюдать в тех же Ходжорин. Был там невысокий горный хребет, покрытый старым густым лесом. Земля эта принадлежала князю Георгию Меликову, проживавшему в Садахло. Несколько лет спустя пришлось мне снова видеть этот хребет. Был он совершенно голым. Князь Георгий продал лес на сруб угодьям, а леса, которые не оставили ни одного дерева и ни одного куста. Была обезображена вся гора, а отсутствие леса отразилось на всей окружающей местности. Известно так же, как трудно восстановить лес, когда он уничтожен на горах. Остатками остались развалины старой маленькой церкви с окружающими ее кельями для отшельников. Находились они прежде в глубоком лесу, и мы совершили когда-то тут экскурсию.

В нескольких верстах от Ходжорин, и тоже в глухом лесу, находилась старая покинута, но великолепно сохранившаяся большая церковь, могущая служить отличным образцом грузинской архитектуры.

Много подобных храмов сохранилось в мусульманской Грузии. Здесь, в Борчалло, служил он лучшим доказательством того, что земли эти были когда-то населены грузинами. Теперь при упоминании церкви жили несколько русских монахов. Привели они старый храм в порядок, заботились о нем и любил. Жили они сами в небольшом чистом домике, окруженном цветниками. На прилегающей лесной поляне находились монастырские огороды. Не робкого десятка были эти монахи, не боявшиеся жить один в глухом лесу, в нескольких верстах от ближайшего человеческого жилья.

Ходжорин был небольшой деревней, население которой состояло из борчаллиских татар и армян. Грузин, если не считать самих помещиков, там совершенно не было, помещиков же было два: князь Давид и двоюродный брат его, князь Коля, служивший в Нижегородском полку. Был в деревне и армянский священник, Тер-тер.

Дом князя Давида был небольшой, одноэтажный. В глубине двора находились так называемый флигель для гостей. Оба дома были уютны и хорошо обставлены. Тетя Руса имела единственную дочь, Нику, намного меня младшую.

Принято обыкновенно считать учебные годы особенно приятными. Согласитесь с этим я никак не могу, и эгр, несмотря на то, что наука давалась мне легко и специальных трудностей я ни в чем не имел. Конечно, это счастливые годы в жизни каждого человека, ибо это годы его беззаботной юности, но это еще не означает, что этому способствует школа. Думается мне, что без нее были бы они еще более счастливыми. Рассуждения эти не мешают мне, однако, признать высокие достоинства школы, в которой я учился. С перспективой более полстолетия и после того, как я видел школы в иных странах, должен признать, что программа русских гимназий была очень хороша.

Гимназия выпускала вполне образованных, и то прежде всего в гуманитарных науках, молодых людей, великолепно подготовленных для высших учебных заведений, где могли специализироваться в различных отраслях. Гимназия учила нас мыслить и соответствующим образом выражать наши мысли. Было, правда, известное нагромождение разного рода ненужной науки. Так, нам приходилось изучать наизусть бесконечные страницы по Закону Божию и погружаться в никому не нужные тонкости мертвого латинского языка. Что касается последнего, должен, однако, оговориться. То, над чем мы ломали себе голову и над чем тратили время, было ничем в сравнении с тем, что происходило в некоторых странах Западной Европы. Много лет спустя, уже после второй мировой войны, когда сыновья мои учились в Германии в реальной гимназии, подготовляющей молодых людей для технических профессий, убедился я, что там на изучение латыни было обращено гораздо больше внимания, чем в русских классических гимназиях. Не касаясь тонкости латинского языка, какие там и не силлись. Научали они там еще и греческий язык, упущенный у нас за много лет до моего поступления в гимназию.

Совершенно равное отношение было и латинскому языку у нас на Востоке и в Западной Европе. Там латынь окружалась специальным уважением, делала из нее что-то чуть ли не священное. Ничего подобного не было на Востоке, ни в отношении к латинскому языку, ни к греческому. Объяснить это можно, наверное, следующим образом: на Востоке жили многие народы со старой культурой и имевшие богатые и хорошо развитые языки, на которых можно было выразить любую, самую тонкую мысль. На Западе же после падения Западной Римской империи и упадка античной культуры языки варваров, заливших империю, были настолько бедны, что нужно было прибегать к помощи латыни для выражения многих, даже самых примитивных мыслей. Уже в 18-м столетии были ученые, полагавшие, что тот же немецкий язык все еще недостаточно богат, чтобы выразить научную мысль. Конечно, большую роль играло и то, что латинский язык был языком Римско-католической церкви. Уважение к нему вошло в традицию, сохранившуюся до наших дней и оказывающую не всегда полезное влияние.

Такое преувеличенное внимание, обращаемое на изучение древних языков, кажется мне странным и не соответствующим никакой практической, тем более, что терять время могло бы быть посвящено более важным предметам, хотя бы истории и литературе, которые находились в известном рода загоме и программа которых ни в коем случае не могла сравняться с программой старой русской школы.

То, что я здесь говорю о немецкой школе, относится, думается мне, в равной мере и к школам иных западноевропейских народов, не пришлось мне, однако, с ними соприкасаться.

Учился я в Тифлисской первой мужской гимназии, переименованной за время моего там пребывания в Гимназию императора Александра Первого Благословенного. Помещалась она в большом старом здании, рядом с Военным собором на Головинском проспекте. Среди учеников был большой процент грузин. Объяснить это следует тем обстоятельством, что при гимназии был пансион, куда родители, проживавшие в провинции, определяли своих детей. Было здесь много сыновей грузинских и азербайджанских помещиков. Воярка гимназия считалась скорее гимназией русской, а Тифлис почти что исключительно армянской. Конечно, большую роль играло и то, где кто проживал и разные иные обстоятельства. Лучшим доказательством этого может служить брат мой, Давид, обучавшийся во Второй гимназии.

Директором был наш старый знакомый, Иван Едкович Гамкрелидзе. Продержался он при мне, впрочем, всего несколько месяцев. Произошли известные события, вызвавшие его уход.

Осенью 1910 года в здании гимназии был убит наш учитель русского языка, Троицкий. Произошло это при следующих обстоятельствах. К нему, идущему по коридору, подошел некий молодой человек из гимназии за неуспевающим учеником, Тавдгеридзе, с целью отомстить за свое увольнение и убить первого попавшегося ему педагога. Таким оказался несчастный Троицкий, добрый человек, абсолютно никакого отношения к Тавдгеридзе и его увольнению не имевший. Тавдгеридзе убил свою жертву ножом, который держал спрятанным под буркой. Троицкий через несколько минут скончался. Был он в полном сознании и в последних словах простил своему убийце и просил его не наказывать. Был тот, однако, арестован на месте и как великовозрастный повзросел по приговору суда.

Другим обстоятельством, непосредственно повлиявшим на уход Ивана Едковича, было открытие, как называемой, Красной комнаты, чего-то вроде тайного клуба, где гимназисты Первой гимназии и их знакомые гимназисты предавались всецелому разврату: времени, не соответствующему требованиям учебной морали.

С уходом директора Гамкрелидзе, потерял мы хорошего, опытного педагога и прекрасного человека. Обозначить его в правительственных его уходе, события, по-моему, особенно не приходится. В уединенной Троицкого следует скорее видеть одно из последних проявлений проходившей уже революционной грозы. Также считая его мало виноватым в гибели Красной комнаты. Гимназическое начальство мало могло иметь контроль над тем, что делал гимназисты во внешние часы, в особенности, когда они находились не в публичных местах и не происходило скандалов.

Следует, однако, отметить, что время то характеризовалось усилением учебной дисциплины и было обращено большее внимание на науку. Являлось это естественной реакцией на нарушение гимназических порядков в революционные годы. Время после первой революции и вплоть до первой мировой войны следует по справедливости считать одним из периодов расцвета русской школы.

За мое время нельзя было уже встретить тех великовозрастных устатых учеников старших классов, про которых острит, что они имеют сыновей в подготовительных классах. Было это, конечно, преувеличение, но некоторые из них действительно были таким образом женаты и имели детей.

Вместо Гамкрелидзе назначили к нам нового директора, некоего Генделя, присланного из глубины России. Пробыл он у нас два года. Окончил я гимназию уже при третьем директоре и снова грузине, Зубалове. Вообще среди учителей было немало грузин, и были это в большинстве случаев отличные педагоги и хорошие люди.

Учителями средней школы могли быть только люди с высшим образованием, были они хорошо обеспечены, и нет ничего удивительного в том, что много способных и идейных людей выбирало себе эту профессию.

Конечно, не следует представлять себе, что в гимназических программах и в школьной жизни все было идеально. Были и тут свои недостатки, о некоторых из них мы уже говорили, те же, которых я хотел бы теперь коснуться, являлись скорее отражением русской действительности, и делая гимназию всецело за них ответственной, конечно, не приходится.

Неправильным, наверное, был способ, каким у нас изучалась русская литература. Обладает она высокими художественными качествами и по справедливости занимает одно из почетнейших мест среди иных литератур света. Не мешает это, однако, тому, что многие высокохудожественные произведения являлись выражением не всегда здоровой мысли, и нужно было быть весьма осторожными при разборе их с молодежью. В противном случае могли они иметь только антивоспитательное влияние на неподготовленные умы.

Многие из корифеев русской литературы в целом ряде своих романов и повестей производили анализ русской действительности и неизбежно приходили к выводу, что действительность эта является чем-то, безусловно, отрицательным. Разбирали они по косточкам все слои общества, «ища в нем человека», и такового найти нигде не могли.

Чтобы выпукнуть подносимые читателю положения, авторы, наверное, сгущали, где нужно, краски и тем самым создавали односторонне освещенную картину.

Именно на эти критические все произведения обращалось у нас главное внимание, остальные оставались как-то в тени.

Вряд ли можно назвать здоровой систему обучения, которая старается воплотить убеждения, что окружает ее одно только плохое, и вряд ли в какой-нибудь иной школе, кроме старой русской, подобные явления могли бы иметь место.

При разборе литературных произведений весьма важным является способ, каким это производится. У нас при талантливом и всегда интересном разборе вредные мысли как-то специально подчеркивались в большинстве случаев либеральными настроенными педагогами.

А какое подавляющее впечатление производили на молодые умы повести Достоевского, производившие анализ душевных переживаний неформального преступника Раскольникова следует с гордостью более зрелыми людьми, чем гимназисты 7 и 8 классов.

С нами, кавказцами, было, правда, несколько иначе. На нас литература эта не могла производить того угнетающего впечатления. Стоило выйти из тесной классной комнаты на залитую ярким солнцем улицу и впитать в себя опьяняющий аромат цветущей акации, как на головы выветривались какие угодно мрачные мысли. К тому же литература эта не была для нас чем-то роковым и та неопосредственно нас не касалась. Всегда чувствовалось, что разговор идет о чем-то для нас все-таки чуждом.

Иначе дело было в самой России. Там гимназист в каком-нибудь северном городе, выходя из класса после разбора «Преступления и наказания» Достоевского или «Антона горемыки» Григорьевича и попадая под «осенний мелкий дождик», вряд ли легко мог избавиться от охвативших его черных мыслей. Заседали они у него в голове и оказывали вредное влияние на его психику, учили относиться отрицательно к окружающей обстановке. Было это, наверное, одной из причин, почему в переломный момент русской истории так много оказалось людей, желающих все уничтожить и так мало стремившихся уберечь даже то хорошее, что в нем было.

Раз в неделю имели мы уроки грузинского языка. Когда сегодня вспоминаешь их, смешными становятся утверждения русских поклонников «единой и неделимой», говорящих о том, что не делалось различия между русскими и не русскими народами. Хорошим примером отношения к нерусским могут служить эти уроки грузинского языка для грузин, обучающихся в гимназиях на грузинской земле. Происходили они один раз в неделю во время последнего пятого часа, когда каждый ученик, утомленный целым учебным днем, думал только о том, как бы поспать скорее домой и когда мы знали, что наши грузинские товарищи уже покинули стены школы. Программу наших уроков была самая примитивная. Не было и речи об изучении грузинской истории. В старших классах изучали «Историю Грузии», причем дело шло замедленным черепашьим шагом. Никогда не могли мы пойти дальше чтения и критики «Кавказского пленника» Лермонтова. Преподавателем нашим был милейший композитор Иван Цимакуридзе, который, конечно, ничего не мог изменить в установленном порядке.

Кроме как на этих, познанных уродахный характер, уроках, грузинский язык не был в употреблении в гимназии. Трудно даже представить себе, чтоб кто-нибудь в классе, когда урок давал преподаватель-грузин, обратился к нему по-грузински с каким-нибудь вопросом.

Грузинский язык употреблялся раз в году в гимназической церкви. Бывало это в Страстной Четверг на Двенадцать Благочестия. Священник наш, Отец Дикоев, читал тогда одно из Евангелий по-грузински. Считалось это большим событием и доказательством благожелательного к нам отношения. Происходило ли что-нибудь подобное в иных учебных заведениях, не знаю. Возможно, что отец Дикоев получал на это специальное разрешение. Не могло это во всяком случае происходить в школах, где священниками были русские, а таковых, думается мне, было большинство. Отец Дикоев был очень умным и образованным священником-академиком. Имел он осязание из южной грузинской Осети. У меня лично, как и у большинства, что и у остальных моих товарищей, сохранилась память о том, как мы интеллектуально, культурно и хорошо человека. Пришлось мне встретиться с ним еще раз в эпоху нашей независимости. Жаловался он на то, что как осязание имеет неприязнь к нашей грузинской администрации. Кто был прав, кто виноват, судить не берусь, больше с ним мне не приходилось встречаться, и какова была его дальнейшая судьба не знаю.

Несмотря на указанные ограничения грузинского языка не чувствовалось недоброжелательного и нам отношения и ни о каких притеснениях не было и речи. Что касается этих ограничений, гимназическое начальство сумело бы всегда дать им неоскорбительное бы да объяснение. Не было здесь ничего подобного до того возмущающего отношения, какое наблюдалось в Польше, где всячески упорядочили на национальном самодельном покровенных поляков.

Ограничения грузинского языка в наших школах носили скорее характер, подобный тому, какой был в институтах для благородных девиц, где по известным причинам ученицам запрещалось говорить по-русски. Должны они тогда были говорить исключительно по-французски.

Грузины того времени были в большинстве случаев людьми мало религиозными. Нас, мирян, мало интересовало, какое русское духовное лицо сидело в экастерском дворце и возносится ли молеция за «Господина нашего Высокопреосвященнейшего Иосифа, Архиепископа Карталинского и Хатинского и Экавры Грузии» или за кого иного. В этих отношениях отличались мы существенно от религиозно настроенных обществ иных стран, где духовенство играет такую большую роль и роль не только духовную, но часто и политическую. Там замена национального духовенства присланными завоевателями лицами была бы трагедией.

Говоря, однако, о экастерской церкви останавливаться на достойной личности одного из последних, Патриарха, должен на капризливое положение грузинской церкви и близость русской политики. Бывали свои высказывания от епископа в Петербурге. Прочли он, конечно, невольно, невольно на своем высоком посту, но к после этого продолжал интересоваться вопросами грузинской церкви. Уже во время войны пришлось мне быть в Петербурге на обедне, которую он служил для грузин в Казанском соборе.

В церковь ходили мы только в редких случаях, и при этом нас довольно мало интересовала религиозная сторона. Ходили, главным образом, на панихиды и свадьбы. Панихиды в Тифлисе служились обыкновенно в Покровской церкви, которая как бы предназначалась для панихидных церемоний. Люди избегали там венчаться, ибо считалось, что это приносит несчастье.

Обязанности похоронить церковь применялась иногда и как наказание за известные проступки и являлась исключительным священниками на провинившихся учениках. Подобная система наказания вряд ли имела воспитательное значение и вряд ли применялась в церквях.

Кроме панихид и свадеб, ходили в церковь на Пасхальную Заутреню и в Страстной Четверг на Двенадцать Благочестия. Пасха вряд ли была для нас религиозным праздником, а если и имела какое-либо отношение к религии, то скорее к языческой, являясь праздником ассирийцев, трехдневным непрерывным пиршеством, начинавшимся с торжественной Заутрени.

Страстной Четверг был любимым днем, а вечером, вечером тифлиской учащейся молодежи. Называли его Вербным. Че вербы и учебное веселье начиналось тогда, когда публика выходила из церквей и шла домой с горящими свечами и освещенной веткой. Был обычай хлопотать друг друга вербами. Тут начиналась беготня учеников, которые были всех возрастов, стараясь при этом отыскать хороших барышень. Поднимался всеобщий писк и визг. Туши

(Окончание на 18-й стр.)

ВОСПОМИНАНИЯ ДИМИТРИЯ ШАЛИКАШВИЛИ

ОКОНЧАНИЕ.

ли томе и свеч. Несущие приталили их и защищали, а в случае, если они все-таки были потушены, искал кто-нибудь у кого свеча еще горела и зажигал от нее свою, так как полагалось доставить ее горящей до дому и от нее зажечь лампаду перед образами.

В гимназии жили мы мирно и дружно. Учились много и то не только в классах, но и дома, приготовляя уроки на следующий день. В школе все внимание было обращено на науку. Спорт был в полном загоде, и имели мы только один урок гимнастики в неделю. Вечерами желающие могли ходить на гимнастические курсы, устроенные при гимназии, и которыми руководил опытный инструктор, чешский солдат, Лухеш. Занятия на курсах проходили, если память мне не изменяет, тоже только раз в неделю, но и этого было слишком много для остальных учителей, которые считали, что они отрывают нас от более полезных занятий.

Состав учеников был очень разнообразный, как в национальном, так и в иных отношениях. У нас в классе были грузины, русские, армяне, азербайджанцы, греки, немецкие колонисты, поляки, евреи, караимы и Бог знает еще кто. Не играло это, однако, роли, жили мы дружной семьей и ни мы сами, ни школьное начальство не делали между нами различий.

Состав учеников был очень разнообразный, как в национальном, так и в иных отношениях. У нас в классе были грузины, русские, армяне, азербайджанцы, греки, немецкие колонисты, поляки, евреи, караимы и Бог знает еще кто. Не играло это, однако, роли, жили мы дружной семьей и ни мы сами, ни школьное начальство не делали между нами различий.

Обзор о немецких колонистах, бывших у нас в классе, хотел бы остановиться на немецких колонистах в Грузии и Азербайджане, мая, как тогда говорились, в Закавказье. Были они основаны, в 1810 году, когда по приглашению русских властей прибыло 500 немецких семей из Вюртемберга. Целью образования этих колоний было, как утверждалось, желание научить местное население усовершенствованным методам сельского хозяйства. Для колоний были отведены лучшие земли, и большинство из них процветали и богатели. Если они у себя правильное хозяйство, но вряд ли чему научили местное население, ибо жили замкнуто и с соседями не общались. Остались они навсегда немецкими оазисами на чужой земле, имея свои школы и духовенство, поддерживающие в них немецкий дух и самосознание.

Одн из таких колоний находилась на самой окраине Тифлиса, по направлению к Дидубе. В отличие от остальных была она весьма бедна и находилась в состоянии упадка. Немало повлияла на нее близость к большому городу, буржуазия в большинстве случаев спускала, в работу исполняли, одна, как и женщины. Поставляли они много о тифлисским жителям. Обычной картиной, в особенности, в части еды, помнящей за Курой, были маленькие, запряженные в одну доску повозки, на которых ехали деловые немцы с большими сумками и чемоданами.

В старшие времена одна немецкая колония, если не ошибаюсь, находилась в районе будущего Михайловского проспекта. Когда город разросся, поглотил он ее. Осталась там только небольшая деревня — Нарка, расположенная на углу Михайловского и Кирочной улиц.

Со мною в классе были два колониста: Валькер и Ферингер. Проникнувшись оней из богатой азербайджанской колонии, Екатерина Фельдман, Ферингер умер в молодые годы. Валькер же во время второй мировой войны был в Берлине, где встретился с нашими грузинами и где незадолго до окончания войны скончался.

В гимназии я общался и сохранил навсегда дружеские отношения с моим одноклассником, Исааком Дадешкиелани. После окончания гимназии познакомился с ним в Александровский лицей в Петербурге. Был это в высшей степени милый и хороший юноша, высокообразованный и способный, отличался всегда ученым и исключительно владеющий иностранными языками. К сожалению, пропал он незаметно по жизни, не сыграв той роли, к которой сама судьба его предназначала. Большинство перестало застал его с матерью в Петербурге, и он некогда уже в Грузию не вернулся. Из Петербурга он в конце концов удалось выбраться в Европу, и поселился он в Париже, где одно время работал в какой-то американской адвокатской конторе.

Ученики и учителя всех учебных заведений обязаны были носить форму. Гимназисты носили обшитые кожаным поясом серые однобортные куртки с такими же штанами. Летом носили мы белые рубашки и фуражки с белым верхом. Пальто имели мы серые, дубовитые офицерского образца. Кроме форменной куртки имели мы еще и мундиры, но в мое время никто их уже не носил. Можно их было видеть только на фотографиях прежних учеников. Носить форму было обязательно, что находило вполне целесообразным. Ученики знали, что они находятся постоянно на виду и под контролем. Было это сдерживающим началом и, конечно, хорошо влияло на их поведение.

В то же время можно было ходить не на все представления, были и запрещенные пьесы, которые нам не полагалось видеть. Таковыми были, между прочим, все оперетты. В восьмом классе мы все-таки разрешили ходить на них, интересовали нас и они сами, а кроме того, запретный плод, как известно, особенно сладок. Понесем мы тогда театр в штатском, причем была это одежда, которую нам одолжили кто-нибудь из родственников или знакомых и которая сидела на нас таким образом, что за версту можно было заметить, что тут что-то неладит. На запрещенные пьесы ходили мы на верный знак, на так называемую «галерею», ибо на нее был богатый вход и она не имела сообщения с остальными ярусами, где всегда находился неумеренный воспитатель.

Несмотря на то, что учился я хорошо, порой мне все-таки приходилось прибегать к помощи репетиторов. Одним из таковых был тифлисский судья Мисаилов. Одним из таковых был тифлисский судья Мисаилов. Одним из таковых был тифлисский судья Мисаилов.

Закрывать учебные заведения в Тифлисе было: мужских — Императорский корпус и Духовная семинария, а женских — Институт для благородных девиц, заведение Святых Нины и Эпархиальное училище, последнее для дочерей белого духовенства.

Институт как по своему составу, так и по духу был чисто русским. Девушек кавказских народов было в нем мало, огромное большинство составляли дочери русских чиновников и офицеров. Заведение Святых Нины было гораздо более кавказским, и в нем обучалось много грузинок и иных кавказских девушек, которые отлучались в море русских товаров. Про институт можно сказать, что он был чисто русским, про заведение, что оно было русско-кавказским, ли одно из них, конечно, не было грузинским.

Про Эпархиальное училище сказать много не могу. Думаю, однако, что воспитанницы-грузинки выходили из него такими же верными дочерьми своего народа, как и вступали в него. Грузинское духовенство, было, пожалуй, самой отторгой на русификационную политику частью нашей интеллигенции.

Удуд и Исааков, несколько недель одного из моих трехмесячных отпусков провел я у дяди Кетчиза на даче, на Зеленом Мысу под Батумом. Дивная и несомненно замечательная природа производила на всех чарующее впечатление, да и местность эта была, наверное, одной из самых красивых на всем Черноморском побережье. Дача располагалась в больших садах-парках, при которых обильно находились прекрасные мандарины. Дома в большинстве случаев были построены на холмах, и с них открывалась великолепная вид на живописные берега. Нико, одне к самому морю, были грузинские заросли баумба. Недалеко от Зеленого Мыса находилась Чанка, а ее знаменитой чайной плантации и китайцем-специалистом по чайному делу, Иван Ивановичем.

Лето 1913 года провел мы с Тамарой в Давидово, тамбовском имении Кильдешевых. Было это большое и хорошо поставленное имение. Красивый старый помещичий дом был в большом парке с традиционными аллеями. Тут же протекала небольшая река, по которой можно было сидеть на лодках.

Помещики здесь были далеко не бессодержательные, и среди дворянских семей были люди высококультурные и интеллигентные. Из них хорошо помню князя Гагарина, человека уже помолодевшего, аристократического типа-декадентора. Были, конечно, поместники и мелкоземелья, среди них типичной была семья Чулошых, жители которых восточными времен христианского права. Старый Чулош был помещиком, отец же его и дядя в свое время были тем, что принято было называть самодурами и чужаками, о которых сохранялись самые невероятные воспоминания.

Сын Кильдешев был действительным членом Государственной Думы, и у себя в имении проводил он только летние месяцы. Когда мы были в Давидово, приехал туда и сын Кильдешевых, мой двоюродный брат Митя. Служил он в кавалергардах, и с ним

приехал один из его товарищей по полку. После нескольких дней пребывания в деревне решили они поехать осматривать Саратовскую пустынь и взяли меня с собой. Ехали мы в коляске, и путешествие наше длилось два дня. Дорога проходила по пустынной однообразной местности, так отличающейся от живописного Кавказа. Ехали в сопровождении по старому «Екатерининскому тракту», дороге, проведенной в царствование императрицы Екатерины Великой. К самой дороге прилегали с обеих сторон широкие полосы, покрытые густой травой, оставленные специально для того, чтоб по ним можно было гнать скот. Весь тракт был окаймлен с обеих сторон высокими деревьями.

Пришлось нам проезжать мимо старого помещичьего дома, расположенного при самой дороге. Дом этот имел свою печальную историю. В старые времена принадлежал он, как и прилегающее к нему имение, некоей помещицы семье и, как много имений, было заложено в банк. Сын помещика-хозяина находился дома в отпуску и должен был возвращаться в Петербург, где служил в одном из гвардейских полков. Отец дал ему деньги с тем, чтоб он, проезжая через город, внес проценты в банк. Через некоторое время грянул гром с ясного неба. Помещик узнал, что имение его продано с торгов. Оказалось, что сын вместо того, чтоб заплатить деньги в банк, проиграл их в карты и, боясь познаться в этом, ничего не написал отцу, а уехал в Петербург. Новым хозяином оказался какой-то купец. Произошло это, кажется, под конец царствования императора Александра Второго.

Ничем нельзя было помочь дяде. Соседи успели только вывезти перед приездом купца всю обстановку и вещи, иначе и то бы пропало.

С тех пор прошло много лет, но никто из помещиков не поддерживал отношений с купцом, который чужим для всех человеком жил в приобретенном им доме. Нередки бывали случаи, когда дворянские имения переходили в крестьянские руки, и крестьяне делили их на участки и обособивались на них. Соседи, конечно, жалели об этом, но мирились с совершившимся фактом. Не так легко мирились они с тем, когда имения как целые переходили в неподходящие, по их понятиям, руки. Таких новых владельцев не принимали они в свою среду.

В бытность нашу в Давидово туда был проведен телефон, соединяющий помещичий дом с уездом. Казалось мне это чем-то из ряда вон выходящим. У нас в Грузии и в помине не были телефоны по деревням, да и в самом Тифлисе были они большой редкостью. В Давидово телефон был включен в стронушную земскую сеть.

Раз разговор зашел о земстве, следует указать, что на Кавказе не существовало земского самоуправления. Служил это еще одним доказательством того, что не правы те, кто утверждает, что в старой империи не делалось различия между русскими и нерусскими. Разные существуют мнения о хороших и плохих сторонах земства, но когда правительство вводило земское самоуправление, то считало его чем-то хорошим и давало своим русским. Нерусским оно не было дано, и позднейшие объяснения, что произошло это вследствие их неподготовленности, нельзя считать серьезными. Тут проявились, наверное, те же тенденции, что при отмене крепостного права в шестидесятых годах прошлого столетия, когда наступило это на русских землях на несколько лет раньше, чем на нерусских. Не было у нас и суда присяжных, и многого иного.

Кавказ в административном отношении являлся наместничеством, по главе которого стоял царский наместник, бывший одновременно и начальником Кавказского военного округа. Пост наместника считался высоким и ответственным, и назначались на него лица, пользующиеся доверием государя.

Так случилось, что из последних трех наместников двое дарили определенными симпатиями грузинам, а один — армянам. У князя Голицына были настолько натянутые отношения с армянами, что они даже совершили на него покушение, не принесшее, правда, генералу никакого вреда. После него в 1905 году был назначен наместником граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, занимавший перед этим пост министра Императорского Двора. Был это человек со связями в Петербурге, большой барин и, скорее, либерально настроенный администратор. Он, а главным образом его жена, сильно симпатизировали армянам. В 1915 году сменил его Великий князь Николай Николаевич, проживавший в Тифлисе вплоть до революции, когда принужден был уступить свое место присланному из Петербурга комиссару. Единственно, что ему можно было тогда поставить в вину, это то, что он Великий Князь, но и этого было достаточно в те переходные революционные годы.

Николай Николаевич дарил определенными симпатиями грузинам. Симпатии эти сохранились у него и в позднейшие годы. Уже в бытность в эмиграции во Франции высказывал он свое твердое убеждение, что Грузия должна быть независимой. Выказался он, между прочим, в этом духе и перед Какупой Чолашавили и князем Спиридоном Чачавадзе. Когда Какупа принужден был покинуть Грузию и приехал во Францию, Великий Князь пожелал его видеть. Какупа поехал к нему с князем Спиридоном. Николай Николаевич очень интересовался деятельностью партизанского отряда и положением вещей в Грузии. При этом высказывал он убеждение, что Грузия должна быть самостоятельным государством.

Характерной особенностью старого Тифлиса как в его азиатской, так и в европейской частях были мушкетеры, занимавшиеся переноской грузов. Шли они всегда нагнувшись, неся переносимые вещи на спине, на специально подложенных подушках. Один мушкетер мог нести и это на большие расстояния, через весь город, такие тяжести, как пианино, большие ящики, ковры и тому подобное. Было это занятие, конечно, очень вредное. Многие из занимавшихся им надорвались, быстро истощали силы и преждевременно старелись. Занимались этим делом, главным образом, армяны, а из грузин — рачинцы, которые приезжали в Тифлис на заработки. Грузин было, впрочем, гораздо меньше.

В городах всего мира цветы на улицах обыкновенно продают более или менее красивые девицы. В Тифлисе делом этим занимались мужчины. Были тут и Хромой Ваню, и Рыжий Васю и многие иные любимцы местной публики. Предлагали они товар каждый на свой собственный лад. Рыжий Васю, промышлявший на Эриванской площади, держал обыкновенно букет в трех пальцах правой руки, и крутя его перед носом, хриплым голосом восклицал: «Танцуй, танцуй».

Был в Тифлисе старый рачинец, хохляк по-двором со своеобразным музыкальным инструментом, подобием болгарских мехов. Играл он на нем, подпрыгивая и изображая при этом какой-то немаловажный танец, сопровождаемый пением и криками. Ходили по дворам и органисты, игравшие душещепательные мелодии из категории «Той, ласточка, пой» и «Маруся отравилась». Сменили их потом зашедшие в моду и имеющие передовое направление «Стеньки Разинцы» и «Па сопках Мандракири». На органе обыкновенно стояла кистка с ученой птицей, дававшей желаемую мелодию с самыми точными сведениями, касающимися их будущего. Билетчики эти, увы, спускали не с неба, а печатались в предпринимчивой Одессе. Любимыми детворы, да и многих взрослых, были фокусники и киние-то мастера с танцующими обезьянками, петушками и прочая артистическая братия. Никто им не препятствовал, и зарабатывали они неплохо, в особенности в больших домах с многочисленными квартирантами. Ходили по улицам персы, скупавшие старые бутылки и платившие за них детям подаренными кукурузными зернами — «Батбутом».

На левом берегу Ктуры, в районе Воронцовского моста, находилось несколько водяных мельниц, имеющих форму маленьких деревянных кораблей, соединенных с берегом деревянными же мостками. Мельницы эти имели огромные, непрерывно вертящиеся колеса, приводившие в движение наменные жернова. Тут же по соседству были склады досок, где ручным способом распиливались большие размеры древесные стволы, пригоняемые сюда по Куре из Боржомских лесов и из-под Ахалцихе. Стволы эти прильзывали, связанные в плоты, немалым искусством должны были обладать ведущие их по быстрым водам неспокойной реки мастера-специалисты.

Дома в Тифлисе отапливались дровами, которые привозились сюда на арбах из соседних лесов. Арбы эти всегда сопровождалась пильниками, распиливавшими дрова тут же, во дворе купившего. Жутко становилось, когда подумашь, сколько лесов уничтожалось ежегодно большой город, а еще более жутко, когда подумаешь, что подобным способом отапливала дома вся городская и сельская Грузия.

Типичными для Тифлиса были старые ремесленные цехи-амбары. Принимали они, между прочим, участие в разных торжественных мероприятиях. Выступали они тогда, каждый цех, со своей старой музыкой и старейшими были одеты в традиционные кудлади. Если память мне не изменяет, принимали они участие и в траурной процессии на похоронах Ильи Чачавадзе. Цехи были уничтожены сразу после революции и в самостоятельной Грузии уже не существовали. Трудно понять, зачем они были упразднены, очевидно, кому-то претило каждое напоминание о старине и старых традициях. В некоторых странах Западной Европы, где фабричная промышленность развита несравненно больше, чем в тогдашней Грузии, ре-

месленные цехи и гильдии существуют до сегодняшнего дня, и никто не видит в этом ничего предосудительного.

Не всегда правильным грузинским языком выражались тифлисские жители, те из них, конечно, которые вообще еще говорили на своем родном языке. Хороший образец того, как говорили наши мокалани, дает песенка.

Такой же нечистый язык употребляли, наверное, и прежние поколения тифлисцев, с той только разницей, что вместо русизмов были там арабские, монгольские, персидские и турецкие слова, в зависимости от эпохи и того завоевателя, который занимал тифлисский замок.

Уже в бытность за границей пришлось мне видеть картинку талантливого художника-карикатуриста Шмерлинга. Была их целая серия, носившая название: «Уходящий Тифлис». Трудно решить, которые из этих картинок были наиболее удачными: группа ли старичков, сидящих на скамейке в Александровском саду и с глубоко мысленным видом читающих газету «Кавказ», или торжественное шествие мушкетеров, несущих богатое приданное невесты. Возвращающиеся ли с кутежа подвыпившие кинто, или толстый усац, с деловым видом жующий шашлык над медным мангалом. Все они бесподобно хорошо и действительно уносят нас в старый милый Тифлис.

За несколько лет до первой мировой войны в Грузию приехала делегация грузин, высланных в Персию при Шах-Аббасе. Пробы в Персии 300 лет, сохранили они еще знание родного языка, старые обычаи и некоторые церковные обряды, и, это, несмотря на то, что в свое время были обращены насильственно в мусульманство. Сохранились у них, главным образом, обычаи, связанные с праздником Пасхи, когда они, между прочим, красили красные яйца. Говорили они на грузинском языке, напоминавшем язык тех стародавних времен, когда предки их были высланы из Кахети. В Персии жили они обособленно, не смешиваясь с местным населением, и сохранили свои национальные черты и знание языка, главным образом, благодаря влиянию матерей. Тифлисская публика очень интересовалась нашими персидскими земляками и мечтала, что со временем их может быть удастся переселить обратно в Грузию.

Прекрасна и как же беззаботна была жизнь в тогдашнем Тифлисе! Не все, однако, тут было радужно, порой происходили события, имевшие как бы целью напоминать нам о печальной действительности. Однажды вечером, идя по Верейскому спуску, встретили мы длинную вереницу арб, возущих гробы для жертв казачьих экспедиций в одной из недалеких деревень. Казаки находились там на «экспедиции», как тогда назывались карательные экспедиции, посылаемые в деревни за разные провинности крестьян. Казаки, бывшие в этой деревне, перепилились, разбуживались и перерубили местных жителей.

Полно контрастов было русское управление на Кавказе. Наряду с карательными экспедициями казаков было много, проникнутое своеобразным либерализмом. В конце 19-го столетия, то есть задолго еще до первой революции и последовавших за нею «свобод», в Тифлисе была издана, с разрешения русской цензуры, брошюра, в которой без каких-либо утаиваний описывалась позорная эпопея Толстелова в эпоху Аспидского боя. Там же была помещена красивая легенда, повествующая о том, как население Тифлиса после прибытия туда Толстелова и присягнуло ему ложное известие о гибели царя Ираклия и его войска, было погружено в горе и тревогу. Через несколько дней воды Ктуры покраснели. Увеличилось это еще больше тревогу населения и усилило радость Толстелова. Вскоре за кровью по реке поплыли трупы погибших. Когда жители спустились к реке, она среди прильзывших тел своих родственников и друзей, увидели они, к своей неопишуемой радости, что воды принесли труп не грузина, а турка. Таким образом, горожане узнали о блестящей победе, одержанной царем Ираклием над противником, и о коварстве Толстелова.

В грузинских домах обыкновенно не бывало хорошей, ценной обстановки, но зато были величественные персидские ковры, покрывавшие полы во всех комнатах. В каждой почти гостиной была традиционная тахта со свисающим со стены ковром. Во многих спальнях тахты заменили также и кровати. Ковры на лето прятались от моли. Перед этим давали их специалистам, которые мыли их в Куре. Некоторые ковры были очень большие и весили порядочно, в особенности, когда они были намочены. В связи с этим, мытье их было отнюдь не легким занятием. Надо было заботиться о том, чтоб их не унесло быстрое течение капризной реки. Держали их при этом привязанными канатами. Хороши должны были быть природные краски, не терявшие от всех этих проделок своей яркости и блеска. После того, как ковры были высушены и доставлены обратно, их перекладывали слоями пропитанным керосином, или, как тогда говорились, фатагеном газет. Лежали они в каком-нибудь закрытом помещении до осени, обыкновенно в одной из комнат, где наглухо закрывались окна и ставни. Комната эта пропитывалась таким сильным запахом керосина, что ни только моли не могла производить опустошений, но и человеку трудно было бы там остаться в продолжении нескольких минут и не задыхнувшись.

Окончил я гимназию в июне 1914 года и получил за так выдающиеся отличные успехи в науках серебряную медаль, вернее право на ее приобретение. Было в этом что-то скорее символическое и означало, что данный ученик окончил учение с отличием. Непонятно, однако, отчего учебное ведомство не могло ассигновать несколько грошей, которые требовались бы на приобретение этих медалей.

После того как я окончил гимназию, мы решили поехать на лето в Бзрк. Тамаре нужно было показать последний раз доктору Калло, и мать решила, что после трудов окончания гимназии я тоже заслуживаю хорошие ваннушки.

Ехали мы по Военно-Грузинской дороге до Владикавказа, и благодаря тому, что мы ехали в коляске, путешествие наше длилось два дня.

Военно-Грузинская дорога и путешествия по ней были столько раз описываемы, что не стану останавливаться на них. Поражали нас и красота грузинских долин, и грозное величие гор, и, подвывая в Владикавказу, начинали мы жалеть, что кончается самая интересная часть нашего путешествия и нужно будет пересаживаться в скучный поезд.

Очень приятное впечатление производил Владикавказ, хороший привлекательный город с большим чудным парком-треком. Провели мы во Владикавказе два дня, гостя в семье генерала Хельмиского. Жена его была грузинка, сам же он терский казак. Хельмиские были очень милы и радушии. Имели они единственного сына, который, к глубокому огорчению отца, не избрал себе военной карьеры, а после окончания корпуса поступил в Горный институт в Петербурге.

Трагическая судьба постигла вскоре эту семью. Отец и сын погибли от рук большевиков, а осиротевшая старушка-генеральша лежала убежденная в Грузии. Много подобных трагических примеров необычайных преступлений, охваченной террором страны, а много людей преждевременно скончавших свои жизненные пути.

Провела два приятных дня во Владикавказе, двинулись мы дальше, не предвзято того, что находились накануне событий, которые вызовут катастрофу Первой мировой войны и последовавшей за ней революцией. Приближался конец русского владычества на Кавказе и начиналась новая эпоха в жизни его народов.

Русское владычество, как каждое иное владычество, было, конечно, явлением отрицательным. В жизни, однако, так бывает, что даже с самым плохим илет порой и нечто хорошее.

Стояла на краю пропасти, окончательно ослабевшая Грузия, была ограничена от ужасов предыдущей эпохи и от грозившей ей опасности физического уничтожения. Народу нашему была дана возможность прийти в себя и набраться сил на будущее.

В 19-м столетии Грузин удалось установить, известного рода связи с Европой и выйти окончательно из сферы влияния своих южных соседей. Удалось ей не дать затянуть себя в персидско-турецкую трисну.

Впервые после многих веков, отдельные части нашей страны, хоть и под чужим владычеством, соединились в одно целое и начали жить нормальной жизнью, отойдя от изживших себя форм феодализма.

За все это заплатили мы не слишком дорогой ценой, ибо, несмотря на русификационную политику властей, грузины все-таки сохранили свое национальное лицо, и русское владычество не причинило им в этом отношении слишком большого ущерба.

Когда в 1918 году пришел момент испытания, грузины его блестяще выдержали. Показали они, что желают и умеют создать свое национальное государство. Наступила эпоха возрождения национального духа, служившая лучшим доказательством того, что, несмотря на многовековое владычество, не иссякли духовные силы грузинского народа. Что же касается его материальных сил, были они несравненно больше, чем в конце 19-го столетия.

Вот чего не следует забывать, когда мы производим оценку этой эпохи в жизни грузинского народа.

Д. ШАЛИКАШВИЛИ.

1957 г.